

А. Старкъ.

НА РУССКОЙ РИВЬЕРѢ.

Изъ дневника охотника.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. М. Проппера, Галерная улица, № 40.

1918

«Жатвы много—а дѣлателей мало».

(А. С. Ермоловъ. Современные сельско-хозяйственные вопросы).

Въ послѣднее время Черноморскому побережью Кавказа по-счастливилось: о немъ много пишутъ, а еще болѣе говорятъ. Пожалуй, ни одной части обширной Россіи не удѣляютъ столько вниманія, какъ этому зеленому царству, или, какъ тѣкоторые восторженные почитатели выражаются,—«драгоценной жемчужинѣ русской короны».

Много говорятъ и пишутъ, но все еще мало знаютъ. Одно уже, часто повторяемое, уподобленіе французской Ривьерѣ показываетъ глубокое незнакомство съ нашею жемчужиною. Французская Ривьера—сухая, каменистая, безлѣсная страна, привлекающая восхищенные взоры лишь тамъ, гдѣ многовѣковая культура превратила голыя скалы въ роскошные оазисы зелени; но оазисы эти занимаютъ тамъ лишь узкую полосу самого побережья. Наша же,—влажная, мягкая, сплошь покрытая дремучими лѣсами,—море зелени, простирающееся на много верстъ въ глубь, до самого главнато хребта. Но большинство говорить и пишутъ лишь о самой прибрежной полосѣ; а что тамъ, дальѣе, верстъ за 50—70, объ этомъ мало кто знаетъ. А тамъ такія чудеса, что диву даешься.

Не пойти-ли туда? Туда, на эти высокія горы, гдѣ, по выраженію одного моего проводника, остается лишь поставить лѣстницу, чтобъ взобраться на самое небо?

Я прожилъ на побережьи тридцать лѣтъ. Исхитилъ его, въ буквальномъ смыслѣ, вдоль и поперекъ; все мечталъ составить всестороннее описаніе этого удивительнаго края. Но,—у незадачливыхъ людей всегда какое-нибудь «но»,—сначала все казалось, что матеріала недостаточно; нужно еще посѣтить одну котловину, нужно взобраться еще на одну гору, или достать еще одно изъ старыхъ описаній края. А потомъ, хотя всѣ горы и котловины

изучены и всѣ старыя и новыя сочиненія прочитаны, опять незадачливое «но», жизнь такъ сложилась, что нѣтъ ни минуты досуга. А подошла уже и старость, а съ нею и близость смерти. Какъ бы всѣ мои записки, такъ и не остались, одному лишь мнѣ извѣстными записками. Вотъ я и надумалъ подѣлиться съ лицами, интересующимися этимъ побережьемъ, кое-чѣмъ, чтобъ хоть было извѣстно, чѣмъ это побережье было недавно и чѣмъ стало теперь. Для начала пороюсь въ запискахъ своихъ натор-ныхъ странствованій; именно эта область всего менѣе извѣстна. Не мудрствуя, перепишу, почти дословно, опуская лишь чисто спеціальныя замѣтки, дневникъ одного изъ такихъ странствованій.

Лѣто 1882 г. выдалось особенно жаркое. Хотя июль кончил-ся, но нисколько не сдѣлалось прохладнѣе. Августъ, на побережьи—такой же жаркій мѣсяцъ, какъ и июль, съ среднею температурою слишкомъ въ 25° Ц. Не только днемъ въ саду трудно работать, но и вечеромъ, въ комнатѣ, писать невозможно. Перо прилипаетъ къ рукѣ; весь мокрый. Огромныя бабочки, съ гор-щими, какъ два рубина, глазами, таинственно жужжащіе жуки, большіе полевые клопы, злобные и издающіе столь противный запахъ, летучія мыши, и разная нечисть, поминутно влетаютъ въ открытое окно и сплющъ и рядомъ тушатъ лампу. Вечеръ, а прохлады нѣтъ.

Къ особенностямъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ, какъ Учъ-Дере, гдѣ я живу, принадлежитъ то, что здѣсь иногда вче-ромъ бываетъ даже жарче, чѣмъ днемъ. Въ очень жаркіе дни, случающіеся въ сосѣднихъ долинахъ, это странное явленіе особенно часто наблюдается. Происходитъ оно оттого, что при-брежные холмы, подобные Учъ-Дере, днемъ всегда обдуваются морскою бризою, умѣряющею дневной жаръ; а вечеромъ, вслѣд-ствіе полной защищенности отъ холоднаго сѣверо-восточнаго те-ченія, на холмахъ этихъ бываетъ совершенно тихо. Но это еще не все. Морская бриза, этотъ пріятный, ласкающій вѣтерокъ, въ долинахъ ощущается гораздо слабѣе, вслѣдствіе чего воздухъ этихъ долинъ днемъ нагревается гораздо больше, чѣмъ на хол-махъ. Въ долинахъ днемъ чрезвычайно жарко; послѣ же заката солнца, когда начинается обратная тѣла съ горъ, температура въ долинахъ рѣзко падаетъ. Прохладный, тяжелый воздухъ запол-няетъ низины, вытѣсняя сильно нагрѣтый днемъ воздухъ, кото-рый, какъ болѣе легкій, поднимается кверху, расплывается и такимъ путемъ повышаетъ температуру холмовъ. Лишь къ ран-нему утру и на холмахъ дѣлается прохладнѣе, но далеко не такъ, какъ въ долинахъ.

Хотя, какъ я полагаю, это мое объясненіе и совершенно правильно, но легче отъ него не дѣлается. Купанье въ водѣ, на-грѣвшейся до 25° , не помогаетъ, и продолжаешь обливаться по-

томъ. Перо все такъ же прилипаетъ къ пальцамъ, а большія бабочки по прежнему тушатъ огонь. И думаешь, какъ хорошо тамъ, на высокихъ горахъ. Ахъ, какъ хорошо! Какія тамъ прозрачныя озера, какая яркая, изумрудная трава, какіе прелестныя цвѣты, а главное, — какъ прохладно! А каждый жукъ, прилетающій и подползающій къ вечернему костру, — какой великолѣпный жукъ! Нужно, непременно, спыть пойти въ эти горы.

Какъ хорошо на этомъ побережьѣ: сегодня можно изнывать отъ тропической жары, а завтра отдыхать на прохладныхъ альпійскихъ полянахъ.

Итакъ, въ горы. Но куда? Съ ближайшихъ, съ верховьевъ Шахе, я недавно вернулся, да и спыть тамъ уже потаялъ. Нужно подальше. Въ верховья Мдзымты; тамъ есть ледники и всегда лежитъ снѣгъ. Тамъ есть интересныя поляны, у черкесовъ именныя «Мѣдежонг-губхъ», мѣтовѣевскія ровныя мѣста; а у абorigеновъ, народа абхазскаго племени, потоловно выселившихся изъ этихъ мѣстъ, поляны эти назывались «Кбааде». Тамъ есть удивительный лѣсъ; подобный врядъ-ли еще гдѣ встрѣчается. И много, много чудесъ можно тамъ встрѣтить.

Сборы недолги. Сзываю своихъ товарищей такихъ походовъ. Первый — Петре Ломайя, приземистый, но очень ловкій минтрелецъ, страстный охотникъ, много со мною ходившій и прежде. Петре — неутомимый ходокъ, но нискуда негодный проводникъ; по его мнѣнію, гдѣ прошелъ кабанъ, тамъ и дорога. Второй неразлучный мой спутникъ — Тляходыгъ Натяла, черкесъ изъ рода Хакучъ, шансугскаго племени. Стройный и высокій, Тляходыгъ — тоже страстный и неутомимый охотникъ, но онъ и великолѣпный проводникъ; онъ знаетъ всѣ тропы въ горахъ, какъ свои пять пальцевъ, «какъ купица дерева въ своемъ лѣсу». Оба они моложе меня, но кажутся значительно старше; южане, а я — сѣверянинъ. Оба меня очень любятъ, а за что? Трудно сказать.

Снаряжаемся. Я хотя не люблю охоты, какъ ее обычно понимаютъ, въ видѣ безобразнаго массоваго убійства, но все же таскаю съ собою ружье, такъ, на всякій случай, отъ злого. Но, что я люблю, такъ это подбратъ къ стаду сернъ, туровъ или оленей и, притая дыханіе, наблюдать, какъ играютъ ихъ маленькіе, какъ взрослые принимаютъ иногда въ этихъ играхъ участіе, какъ наблюдаютъ сторожевые, и проч.

Ружье мое, на этотъ разъ, — кавалерійская берданка. Но Тляходыгъ увѣряетъ, что оно ничего не стоитъ, бытъ будто бы невѣрно. Ботъ, лучше его кремневаго длиннаго-предлиннаго ружья ничего нѣтъ; ружье это, будто бы, никогда его «не обманываетъ». Стрѣляетъ онъ дѣйствительно очень мѣтко и выпускаетъ зарядъ всегда навѣрняка. Для Петре все равно какое ружье, лишь бы изъ него можно поскорѣе стрѣлять; почему онъ мой

борданкѣ отдастъ предпочтеніе передъ своимъ старымъ шести-линейнымъ казачьимъ штуцеромъ.

Такъ какъ наше странствованіе продолжится окло трехъ недѣль, то беремъ съ собою лошадь. Есть у меня одинъ такой крушкій конь Васька, который ни на какихъ кручахъ не спотыкается. Туда онъ понесетъ все, что въ такомъ походѣ нужно, а оттуда—добычу охоты. Нагружаемъ его самыми необходимыми вещами,—котелкомъ, мѣднымъ чайникомъ, пшеномъ, сухарями, сыромъ и проч. Мое и Петрово ружья тоже укрѣпляются по бочкамъ, что при черкесскомъ сѣдлѣ очень удобно. Тляходыгъ же съ своимъ, въ бурчичномъ чехлѣ, не разстается. Чехолъ этотъ шитъ очень своеобразно: ружье виситъ горизонтально, оставляя совершенно свободными обѣ руки, и въ мгновеніе можетъ быть вынутъ изъ него.

Учъ-Дере, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, лежитъ на самомъ берегу моря, въ 16-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ Даховскаго посада, и намъ отсюда до устья Мдзымты, откуда мы повернемъ въ горы, нужно пройти сорокъ верстъ морскимъ берегомъ. Колесныхъ, и вообще всякихъ дорогъ, тогда еще не существовало. Кромѣ морского берега былъ еще лишь одинъ путь, по тропѣ вдоль линіи англо-индійскаго телеграфа. Но эта телеграфная тропа вела утомительными спусками и подъемами, въ тѣпсовыхъ мѣстахъ была очень грязна и удлиняла дорогу, болѣе чѣмъ въ два раза. Ею пользовались лишь по необходимости, во время сильныхъ прибоевъ, заливавшихъ морской пляжъ и дѣлавшихъ движеніе по нему невозможнымъ. Но путь по морскому шляжу, хотя и кратчайшій, былъ не легокъ; мѣстами песокъ, въ который глубоко уходятъ ноги, мѣстами еще болѣе утомительная, подвижная галька, мѣстами огромные камни; пастоющей твердой земли ни куска.

Горы побережья круто обрываются у самого моря, послѣдствіемъ чего и дно моря опускается очень круто, такъ круто, какъ рѣдко гдѣ еще наблюдается. Но изъ постоянныхъ рѣчныхъ выносовъ и наносовъ глинами самого берега, образовалась узкая, отъ 10 до 30 сажень шириною, подвижная галечно-песчаная полоса, прибрежный пляжъ, который и служитъ дорогою.

Но не вездѣ, даже въ тихую погоду, можно пройти этой полосой. Мѣстами берегъ заваленъ огромными камнями, проходъ черезъ которые невозможенъ. Подобное каменное затражденіе представляетъ Константиновскій мысъ въ Учъ-Дере, который приходится обходить по телеграфной тропѣ. И лишь выйдя къ устью небольшой рѣчки Битхи, вновь дѣлается возможнымъ продолжать путь по берегу.

Солнце еще не выбралось изъ-за горъ и не слѣпить глазъ. Направо, въ нѣсколькихъ шагахъ, безбрежное, сейчасъ совершенно тихое, темно-синее море. Налѣво можно спокойно раз-

смагивать обрывистый берегъ, покрытый сплошнымъ, перевитымъ разными лианами, лѣсомъ. Сейчасъ за Битхой—прекестная роца приморской сосны, своими длинными иглами столь рѣзко отличающейся отъ нашей сѣверной сосны. Приморская сосна, кромѣ Кавказскаго побережья, нигдѣ болѣе въ предѣлахъ Россіи не встрѣчается. Родина ея—Средиземное море. Какъ она къ намъ попала? Несомнѣнно, что сѣмена ея были, вѣроятно, случайно завезены еще древними греками. Таковы, несомнѣнно, происхождение и другихъ средиземноморскихъ растеній и насѣкомыхъ, разныхъ *pancratium*, *alaus* и т. п., встрѣчающихся по берегамъ Чернаго моря. Осны, какъ и весь лѣсъ, перевиты плющемъ, виноградомъ, клематисомъ, периллою и другими, лѣсть же имъ числа, выходящимся, тянущимся и ползучими лианами. Въ тѣни высокоствольныхъ деревьевъ растутъ лавры, лавро-вишни, остролистники и другіе вѣчно-зеленые кустарники. Оригинально и красиво. Здѣсь же, у самаго берега, растетъ замѣчательный кустарникъ, *Vitex agnus-castus*. По увѣренію Тляхедыга, стоитъ вѣточку этого кустарника положить подъ подушку своей милой, чтобъ она никогда уже не разлюбила тебя. Обладающій такою удивительною способностью, кустарникъ этотъ встрѣчается отъ самаго Новороссійска, по вездѣ у самаго берега и вездѣ небольшими группами.

Пройдя чудодѣйственные кустарники, принуждены идти по водѣ; тутъ образовался огромнѣйшій оползень, и масса земли, камней и деревьевъ выѣхала въ море. Волны неустанно подбигаютъ этотъ выносъ, но каждый большой дождь вновь его напоситъ. Окончательная побѣда будетъ, конечно, за волнами.

Такіе оползни—явленіе на побережьѣ очень обыкновенное, и происходятъ они не только на обрывахъ морскаго берега, а повсемѣстно. Оползни эти имѣютъ чрезвычайно большое значеніе въ культурной жизни всего края. При проложеніи дорогъ, при постройкѣ, при плантажныхъ и другихъ земляныхъ работахъ нужно крайне внимательно относиться къ возможности оползня или сдвига. Были примѣры на побережьѣ, что большія каменные постройки сдвигались съ своего мѣста, а цѣлые участки дорогъ проваливались въ преисподню. Но несомнѣнно, что при предварительномъ, должномъ изслѣдованіи мѣстности оползни можно предвидѣть заранѣе. Отчего они происходятъ?

Отъ обильныхъ дождей побережья, глинистая его почва, постепенно налитываясь влагою, разбухаетъ, раскисаетъ, и теряетъ обычную связь съ подпочвою. Теперь, если эта подпочва состоитъ изъ водонепроницаемыхъ слоевъ, круто наклоненныхъ въ томъ же направленіи, какъ и поверхность, то оползень, или сдвигъ, непременно послѣдуетъ. Если же водонепроницаемые слои лежатъ горизонтально, или если наклонъ ихъ обратенъ склону поверхности, то оползня навѣрное не будетъ.

Черезъ нѣсколько времени обрывы слѣва прекратились и открылась обширная долина Дагомыса. Въ нижней своей части долина эта, принадлежащая Государю Императору, сильно заболочена. Но это было уже давно, когда мы шли, теперь же долина эта вся высушена. Рѣка Дагомысь образуется изъ слиянія двухъ, текущихъ параллельно, рѣкъ: Тагампсе, текущей западнѣе, и Чебаго—восточнѣе. Хребетъ, раздѣляющій эти двѣ рѣки, заканчивается, недалеко отъ ихъ слиянія, оригинальною, конусообразною вершиною, которая по размѣрамъ своимъ совершенно походить на Хеопсову пирамиду. Какое же чудище, эта пирамида! Каменный домъ, у подножія Дагомыской Хеопсовой вершины, кажется совсѣмъ маленькимъ. Въ настоящее время вершина эта называется, по фамиліи управляющаго имѣніемъ Дагомысь, горою Успенскаго.

Въ общемъ, видъ на долину Дагомыса съ морского берега очень красивъ. Нѣсколько правѣе Хеопсовой вершины видны позлащенные уже солнцемъ, розовыя скалы Фишта, вершины на главномъ хребтѣ. Эта розовая вершина, къ морской сторонѣ обрывается почти отвѣсными скалами розовато порфирита, а внутрь тянется большимъ, бѣлымъ известковымъ гребнемъ, въ которомъ во множествѣ можно найти разныя интересныя окаменѣлости. Тамъ, вообще, много интереснаго. Есть безслѣдно исчезающіе ручьи; водопадъ, падающій съ огромной высоты и достигающій земли лишь одною водяною пылью; есть, очень страннаго образованія, глубокія воронки; сосны, отживающія свой вѣкъ и не имѣющія никакого потомства; удивительныя растенія и еще болѣе удивительныя жуки и бабочки и многое другое. Вершина Фиштъ, первая на кавказскомъ хребтѣ, на которой появляются настоящія альпійскія пастбища, и первая, на которой всегда можно найти снѣгъ. Отъ Дагомыса туда ведетъ ближайшій и удобнѣйшій путь.

Долина Дагомыса замѣчательна еще двумя отрицательными особенностями. Климатъ этой долины значительно холоднѣе сѣдняго, сѣвернѣе лежащаго, Учъ-Дере. Разница температуръ бываетъ поразительная. Такъ, однажды въ декабрѣ, въ 7 час. утра, въ Учъ-Дере наблюдался морозъ въ $-3,8^{\circ}$ Ц., а въ этотъ же часъ на Дагомысѣ было $-13,0^{\circ}$. Объясняется это тѣмъ, что Дагомысь совершенно открытъ доступу холодныхъ вѣтровъ съ главнаго хребта, отъ которыхъ Учъ-Дере совершенно защищено. Такая разница въ температурахъ, отражается и на растительности; въ Учъ-Дере—множество дикорастущаго благороднаго лавра, а на Дагомысѣ онъ не встрѣчается. Вторая особенность, это—подверженность Дагомыса, во время ливней, внезапнымъ сильнымъ наводненіямъ. Происходитъ это бѣдственное явленіе отъ слишкомъ большой разницы паденія рѣки въ верхнемъ и въ нижнемъ теченіи.

Сейчасъ въ Датомицѣ воды курицѣ по колѣна, и устье рѣки совершенно забито морскою галькою. Продолжаемъ путь дальше и вновь, слѣва, видимъ обрывы берега, до самаго низу поросшіе лѣсомъ. Въ одномъ мѣстѣ попадаетъ странный камень, составленный изъ самыхъ мелкихъ морскихъ раковинъ, естественно сцементированныхъ глинною и мелкими обломками этихъ же раковинъ. Поднявъ глаза вверхъ, на высотѣ сажень десяти, видно, на довольно значительномъ протяженіи, обнаженіе осыпавшагося берега. Видно, что на пластахъ очень плотнаго глинистаго сланца лежатъ слой гальки, а на галечномъ слоѣ лежитъ слой вотъ этого самаго раковинстаго известняка. Встрѣчается этотъ раковинистый известнякъ, на нѣкоторой высотѣ берега, почти повсемѣстно на побережьѣ. Гдѣ-то я читалъ, или кто-то мнѣ говорилъ, что объясняется это явленіе тѣмъ, что когда-то, въ отдаленныя эпохи, уровень Чернаго моря былъ значительно выше, чѣмъ теперь; но послѣ прорыва Босфора уровень понизился и слои морскихъ раковинъ очутились высоко на берегу. Похоже на истину.

Еще черезъ нѣсколько времени, близко уже отъ устья небольшой рѣчки Псега, составляющей границу Царскаго имѣнія, на берегу опять попались странные бѣлые камни, тоже связанные цементомъ, но, несомнѣнно, искусственно. И, дѣйствительно, камни эти, отъ землетрясенія, вѣроятно, отдѣлились отъ стѣны и упали сверху, съ крутого высокаго берега. Тамъ, наверху, есть развалины какой-то древней постройки. Уцѣлѣла лишь часть толстой стѣны, какъ бы угловой башни, и части двухъ прямыхъ стѣнъ, расходящихся подъ прямымъ угломъ. Современные торцы не знаютъ ни названія этихъ развалинъ, ни что онѣ изъ себя представляли. Турки же, рыболовы, утверждаютъ, что здѣсь была турецкая крѣпость, и называютъ ее Мамай-Кале. Такъ эту мѣстность именуетъ и англичанинъ Белль. Что здѣсь была крѣпость, и что турки тутъ приставали, это вполне вѣроятно, такъ какъ берегъ здѣсь представляетъ, хотя и пологій, но довольно глубокий заливъ, прикрытый съ сѣвера отдаленнымъ Константиновскимъ мысомъ, а съ юга — Даховскимъ. Такіе заливы, опасные для большихъ военныхъ крейсеровъ, очень любили турки — контрабандисты, снабжавшіе горцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, порохомъ, солью и вообще всѣмъ, въ чемъ тѣ нуждались, въ обменъ на дѣвушекъ, мальчиковъ, шкуры звѣрей и другое, добывавшееся горцами сырьѣ. Но не турки, конечно, являются основателями этого разрушеннаго сооруженія. Судя по способу кладки и по матеріаламъ, камню, черепицѣ и особому цементу, совершенно такимъ же, какъ и во всѣхъ другихъ многочисленныхъ развалинахъ на берегу, несомнѣнно, что и эти развалины, также какъ и всѣ остальные, какъ и великолѣпный Пиндусскій храмъ, принадлежатъ къ временамъ Юстиніана Великаго. Къ време-

намъ, когда великій духъ римскаго государства еще не угасъ, и всеобъемлющая цивилизація, наперекоръ обособленности варварскихъ народовъ, распространялась всюду, куда только проникали «орлы» этого величайшаго государства. Славныя были времена!

Прошли и рѣчку Псеха, устье которой тоже совершенно забито галькою. Берегъ сдѣтался положе, но все продолжаетъ быть покрытъ сплошнымъ лѣсомъ. Отъ Псехи до Даховска вся земля принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ, получившимъ ее или даромъ, или за плату десять рублей за десятину, да еще съ разсрочкою этой платы на десять лѣтъ. Здѣсь вся редакція «Московскихъ Вѣдомостей» съ Катковымъ во главѣ. Но ни одинъ изъ этихъ владѣльцевъ не построилъ на своей землѣ ни даже шалаша, хотя земля роздана была въ надеждѣ на заселеніе и культуру. Такъ и на всемъ побережьи: все оно роздано и все пусто. Многое бы слѣдовало по этому поводу сказать, да сейчасъ недосутъ, до другого раза надѣюсь, сейчасъ нужно торопиться.

Вотъ пришли къ мѣсту, гдѣ растетъ большой крѣпкій камышъ. Арундо-донаксъ, средиземно-морское растеніе. Камышъ этотъ горцы очень цѣнили, они изъ него дѣлали трубочки для патроновъ. Трубочки эти они помѣщаютъ въ особыхъ нашивкахъ на груди своихъ черкесокъ, по нашему; они же эту свою одежду называютъ «цѣпъ», суконникъ; а одежду ихъ, которая надѣвается подъ черкеску и называется нами бешметъ, они называютъ «кафтанъ». Камышъ по-черкески—«тазы», откуда казачье названіе черкесскихъ патроновъ—«тазыри». Здѣсь же, около этихъ камышей, пріютилось много эффектныхъ гемерокалисовъ, сажаемыхъ въ садахъ, а здѣсь растущихъ въ дикомъ видѣ.

Становится жарко. Уже рано утромъ было 25° Ц. въ тѣни. Камни и песокъ сильно раскалились. Итти очень трудно. Но странно, я гораздо болѣе страдаю отъ жары, чѣмъ мои спутники. И комплекція моя такая же, я тоже довольно поджаръ, и въ ходьбѣ я имъ нисколько не уступаю; въ одномъ даже имѣю передъ ними несомнѣнное преимущество,—на ходу воды почти никогда не пью, ограничиваюсь лишь полосканіемъ горла и смачиваніемъ ушей, что, какъ я замѣтилъ, очень освѣжаетъ. Они же поминутно готовы пить изъ всякой, чуть сочащейся, водящей струйки. Живу на побережьи вотъ уже тринадцатый годъ, а къ жару все не могу привыкнуть. Должно быть, наслѣдственность играетъ тутъ большую роль. Они изъ шожолѣнцѣвъ въ поколѣніе живутъ въ этой жарѣ, и увѣряютъ даже, что вовсе не жарко. И же и всѣ предки мои—уроженцы далекаго сѣвера.

Значитъ, нужно допустить, что ощущеніе жары совершенно субъективно. И, дѣйствительно, если углубиться въ разборъ

климата Даховскаго района, насколько онъ извѣстенъ по имѣющимся многолѣтнимъ записямъ, то окажется, что здѣсь даже далеко не такъ жарко, какъ рѣшительно во всѣхъ другихъ пунктахъ вокругъ восточнаго Чернаго моря. А въ южно-русскихъ степяхъ,—такъ тамъ лѣтомъ куда еще жарче. Но если это такъ, то невольно является вопросъ, почему же Даховскій районъ менѣе жарокъ, чѣмъ даже мѣстности, лежащія отъ него къ сѣверу, на томъ же берегу Чернаго моря? Море зелени тому причиною, или вѣрнѣе почва, дающая это море зелени. Небольшой Даховскій районъ, отъ рѣки Шахе до Сандришша, да еще Батумскій, представляютъ совершенно особую, допотопную, понтійскую область. Область эта сильно отличается и влажнымъ субтропическимъ климатомъ, и совершенно оригинальною растительностью и еще болѣе оригинальною фауною, отъ общей средиземноморской области. Покрытая сплошными лѣсными зарослями, глинистая почва этихъ понтійскихъ районовъ значительно менѣе нагревается, чѣмъ известковая, съ большими обнаженіями бѣлыхъ скалъ и съ болѣе бѣдною растительностью, почва сосѣднихъ районовъ, лежащихъ какъ къ сѣверу, такъ и къ югу. Насыщенный водяными парами морской воздухъ, имѣющій болѣе высокую температуру, чѣмъ эти прохладныя глинистыя мѣста, соприкасаясь съ ними, ступается и осаждается въ видѣ огромной массы влаги, низвергающейся надъ Даховскимъ райономъ и столь отличающей его отъ сосѣднихъ известковыхъ—Новороссійско-Туапсинскаго и Сухумскаго. Соприкасаясь же съ сильно нагрѣтою почвою известковыхъ районовъ, температура морского воздуха еще болѣе повышается, и дожди тамъ и слабѣе, и рѣже. Въ известковыхъ районахъ дождевыя тучи чаще проносятся надъ нагрѣтою прибрежною полосой и осаждаются уже на болѣе холодныхъ хребтахъ.. Въ Новороссійско-Туапсинскомъ онѣ проносятся даже на сѣверный склонъ главнаго хребта, гдѣ дожди идутъ гораздо чаще, чѣмъ на самомъ побережьи. А въ Сухумскомъ—осаждаются на большихъ лѣсистыхъ хребтахъ, возвышающихся непрерывнымъ рядомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ морского берега.

Вслѣдствіе частыхъ и обильныхъ дождей глинистыхъ районовъ и влажность воздуха тамъ очень высока; а эта влажность не только дѣйствуетъ умѣряющимъ образомъ на жару, но и колебанія температуры, какъ суточные, такъ и годовыя, дѣлаетъ очень незначительными. И никогда въ Даховскомъ районѣ не бываетъ ни слишкомъ холодно, ни слишкомъ жарко.

Хотя по термометру, можетъ быть, сейчасъ и не слишкомъ жарко, но мое субъективное ощущеніе говоритъ другое. И я, обогнувъ небольшой мысокъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ близко лежащій отъ насъ Даховскъ. Тамъ можно укрыться отъ раскаленной гальки и отъ палящихъ лучей солнца, да не мѣшаетъ

и отдохнуть. Хотя прошли мы и немного, всего пятнадцать верст, но эти пятнадцать верст труднѣе, чѣмъ тридцать по твердому пути и прохлаждѣ.

Очень небольшою, домовъ съ десятокъ наберется-ли, Даховскій посадь расположенъ у самаго моря, занимая часть возвышенности и часть низины лѣвато берега рѣки, называвшейся у горцевъ Сашенсе, а у турокъ — Суча, откуда наше названіе Сочи.

Вверхъ по долину опять виденъ Фиштъ, теперь уже совершенно залитый солнцемъ. Ближе Фишта какъ бы замыкая собою Сочи, возвышается лѣсистый хребетъ; это — водораздѣлъ правыхъ притоковъ Сочи, отъ рѣчки Бзыль, впадающей въ Шахе. На хребтѣ этомъ, къ верховьямъ уже Сочи, выдѣляется безлѣсная вершина Амуко. На Амуко снѣгъ можно застать еще въ июнѣ, и хотя она близка отъ Даховска, но вершина эта мало интересна, а путь туда труденъ и неблагоприятенъ.

Но теперь всѣ мои помыслы далеки отъ горъ, а сосредоточены на квартирѣ добрыхъ знакомыхъ, гдѣ я найду радушный приютъ, но нужно еще перейти въ бродъ рѣку. Воды въ ней, впрочемъ, сейчасъ всею по щиколотку, такъ что перейти труда никакого нѣтъ. Не то бываетъ во время дождей или талня. снѣговъ весною; часто не только пѣшкомъ перейти, но даже перетихать верхомъ бываетъ совершенно невозможно. Теперь черезъ Сочи есть великолѣпный мостъ, и никому въ бродъ черезъ нее переходить нѣтъ надобности, но не то было тогда. Устье Сочи, какъ и всѣхъ рѣкъ Черноморскаго побережья, сильно отклонено къ юго-востоку. Происходитъ это оттого, что въ Черномъ морѣ, вдоль всего Кавказскаго побережья, господствующая зыбъ идетъ отъ сѣверо-запада, постоянно передвигающаяся морскую гальку въ юго-восточномъ направленіи, совершенно обратно теченію, идущему у этихъ береговъ отъ юго-востока. Вслѣдствіе преобладающаго передвиженія гальки въ юго-восточномъ направленіи и устья всѣхъ рѣкъ отклоняются къ юго-востоку же. Часто рѣки, близъ устья уже, въ послѣдней своей нижней части, текутъ за галечнымъ барьеромъ, совершенно параллельно морскому берегу. Лишь во время ливней, когда вода въ рѣкахъ сильно подымается, онѣ прорываютъ этотъ галечный барьеръ и прямо направляются въ море.

Исторія Даховска такова. Въ маѣ 1838 г., послѣ жестокой бомбардировки устьевъ Сочи судами черноморской эскадры, войска наши заняли это мѣсто. И здѣсь, на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки было воздвигнуто, изъ привезеннаго керченскаго камня, укрѣпленіе, названное въ честь полка, занявшаго эту мѣстность, Навагинскимъ. Укрѣпленіе это входило въ общій планъ, нужно сказать, крайне неудачный, борьбы съ горами. Планъ этотъ заключался въ постройкѣ ряда укрѣпленій у устьевъ всѣхъ болѣе значительныхъ рѣкъ побережья. Укрѣпленіями

стѣны предполагали преградить горцамъ возможность получать моремъ оружіе и боевые припасы. Но укрѣпленія были слабы и рѣдки, и горцы свободно продолжали получать отъ турокъ оружіе и все прочее, что имъ было нужно. Гарнизоны этихъ укрѣпленій изнывали отъ лихорадокъ, тоски и постоянныхъ нападеній горцевъ. Но вотъ разразилась восточная война, и всѣ укрѣпленія были брошены, гарнизоны выведены, а чего нельзя было увезти—упничтожено или разграблено горцами.

Четырехлѣтняя война, съ четырьмя соединившимися непріятелями, кончена и миръ заключенъ. Но не съ горцами, никакого мира не признающими. По ихъ выраженію: «шашка и кинжалъ никогда не бываютъ мирными». Какими они ранѣе были разбойниками, такими и остались. Грабежъ, это—ихъ жизнь; безъ грабежа нѣтъ жизни. И вотъ, условія государственной безопасности вновь вынудили возобновить наступательныя дѣйствія противъ горцевъ. Но теперь по иному, болѣе цѣлесообразному плану. Главный отрядъ, для пораженія этихъ разбойниковъ, сѣверный, подъ командою генерала Геймана, былъ сформированъ въ Кубанской области, въ станицѣ Даховской, именовался «Даховскимъ». Отрядъ этотъ въ зиму 1863—64 годовъ, къ удивленію и ужасу горцевъ, перешелъ черезъ главный хребетъ и побѣдоносно спустился къ самому морскому берегу. Это блестящее движеніе сыграло рѣшающую роль въ покореніи Западнаго Кавказа. Когда даховскій отрядъ послѣ ряда побѣдныхъ стычекъ съ свирѣпымъ врагомъ, преодолѣвъ еще и всѣ естественныя преграды, въ видѣ разлившихся рѣкъ, крутыхъ горъ, дремучихъ лѣсовъ и проч., достигъ, наконецъ, благополучно до бывшаго Навагинскаго укрѣпленія, и здѣсь соединился съ южнымъ отрядомъ, то Великій Князь намѣстникъ Михаилъ Николаевичъ, чтобъ сохранить въ потомствѣ память славнаго подвига даховскаго отряда, рѣшилъ основать здѣсь, на мѣстѣ соединенія отрядовъ, посадъ и просить разрѣшенія Государя именовать этотъ будущій городъ «Даховскомъ», на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе.

«Потомству въ примѣръ» теперь этотъ Даховскъ, неизвѣстно кѣмъ, переименованъ въ Сочи.

Двѣнадцать лѣтъ ранѣе, этого нашего прихода, я первый разъ посѣтилъ Даховскъ. Стѣны его укрѣпленій и его башенъ были тогда еще цѣлы, на площади красовалось изящное круглое, съ колоннами, зданіе запущенной церкви, а у обрыва надъ моремъ, проходивъ тѣнистый бульваръ, заложенный еще генераломъ Раевскимъ, при самомъ основаніи Навагинскаго укрѣпленія. Къ сожалѣнію, какъ зданіе этой красивой церкви, такъ и стѣны и башни укрѣпленія, какъ и всѣхъ прочихъ берѣговыхъ укрѣпленій, проданы военно-инженернымъ вѣдомствомъ на сломъ. Для чего? Чтобъ выручить какіе-то гроши. И

для этихъ грошей уничтожаются залитые кровью памятники
славныхъ подвиговъ своихъ героев. Удивительная бережли-
вость, да не тамъ, гдѣ она нужна!

Но вотъ и домъ, гдѣ живутъ Копаневы. Онъ—любимый всѣ-
ми командиръ козачьей сотни, занимающей прибрежные посты;
въ то время пограничной стражи еще не было. И онъ, Василій
Адриановичъ, и она, Софья Андреевна,—безконечно милые и доб-
рые люди; у нихъ я всегда нахожу самый радушный, теплый
пріютъ. Какъ хорошо, что на свѣтѣ есть такіе хорошие люди.
Они-то, хорошие люди, и дѣлаютъ жизнь такую пріятною. Отды-
хаемъ, подкрѣпимся великолѣпнымъ обѣдомъ, пополняемъ
свои запасы всѣмъ необходимымъ, провизіей, порохомъ, патро-
нами. Вотъ и жара спала, и мы выступаемъ далѣе.

Продолжаемъ идти берегомъ. Море совершенно спокойно, да-
же прищелка его не слышно. Странно подумать, что бываетъ со-
вершенно иначе. А бываетъ такъ, что не только весь пляжъ, но
даже, какъ недавно въ Даховскѣ, вся его низменная площадь, на
сто сажень отъ спокойнаго урѣза воды, была залита волнами.
И не только эта низменная часть была залита, но даже
стоявшая на возвышеніи, на твердой землѣ, болѣе чѣмъ на
тридцать сажень отъ моря, матросская казарма была, по мѣст-
ному выраженію, «взята моремъ». Теперь тихо, и мы спокойно
идемъ. Берегъ все такой же, мѣстами круче, мѣстами положе об-
рывается къ морю, и все покрытъ сплошными зарослями. Солн-
це уже зашло. Быстро наступила ночь. Но полная луна ясно, хо-
тя какъ-то таинственно, освѣщаетъ нашъ путь. Какія-то тѣни,
то тамъ, то сямъ, показываются, дрожатъ и вдругъ исчезаютъ.
Тяжело увѣряетъ, что это—души потибшихъ въ морѣ. Но на
самомъ дѣлѣ, это — лишь колеблющійся воздухъ, испаряемый
сильно нагрѣтою галькою.

Проходимъ замѣчательный участокъ—Васильевскій, покры-
тый крупнымъ дубовымъ лѣсомъ. Сейчасъ послѣ турецкой вой-
ны владѣлецъ этого участка, Я. К. Васильевъ, бывший тогда
лѣснымъ ревизоромъ Черноморскаго округа, усиленно предлагалъ
мнѣ этотъ участокъ, десятишь въ триста, за столько же рублей.
Послѣ войны земли Черноморскаго побережья, особенно южной
его части, недавно подвергнувшейся непріятельскому разгрому,
не имѣли никакой цѣлы. Всѣ владѣльцы торопились какъ-ли-
будь и хотъ за что-нибудь сбыть ихъ. Я искалъ небольшой кло-
чекъ, на которомъ, работалъ самъ, могъ бы существовать; но
зачѣмъ мнѣ такая огромная площадь! Ни у меня, ни у него не
было спекулятивной жилки; но могли ли мы тогда ожидать,
что черезъ двадцать лѣтъ земля эта будетъ стоить миллионъ?
Какъ хорошо, что людямъ не дано предвидѣть даже самое близ-
кое будущее. Какая была бы, въ противномъ случаѣ, мрачная
жизнь и какъ сила человѣческаго ума огустилась бы тогда.

Но вотъ берегъ Васильевскаго участка понизился. Потянуло береговою бривою и насъ обдало сильнымъ сѣрнисто-водороднымъ запахомъ. Это—рѣка Маджеста! Верстахъ въ трехъ отъ морского берега, на ней есть сѣрные источники, выходящіе небольшими ручейками изъ известковыхъ пещеръ лѣваго берега рѣки. Температура и количество воды источниковъ непостоянны; послѣ большихъ дождей воды больше и температура ея ниже, въ бездождіе же воды меньше и она теплѣе. Но все же источники эти довольно холодные; я никогда не видѣлъ, чтобы температура ихъ была болѣе 24° Ц. Въ Ленкоранскомъ уѣздѣ я видѣлъ одинъ сѣрный источникъ, температура воды котораго была выше 50°. Маджестинскими источниками никто не пользуется. Пользовались ли ими ранѣе? Трудно сказать; никакихъ слѣдовъ построекъ или хотя бы какихъ-нибудь самыхъ примитивныхъ приспособленій нѣтъ. Но поляна, гдѣ выходъ источниковъ, несомнѣнно, прежде была чистая, ибо теперь она покрыта лишь мелколѣсьемъ.

Опять скрываемся подъ обрывистый берегъ и избавляемся отъ противнаго сѣрнаго запаха; но, пройдя очень темного, вновь его чувствуемъ. Это—другая рѣка, Агура, тоже съ сѣрными источниками. Но здѣсь они выходятъ въ самый руслъ рѣки, и когда воды въ рѣкѣ много, совершенно разбавляются прѣсною водою. Къ особенностямъ Агурскаго источника принадлежатъ то, что онъ извергается какъ-то періодически; то вода въ рѣкѣ, отъ разложенія сѣро-водорода, дѣлается совершенно бѣлою, тогда подболтали въ нее извести или молока, то вновь просвѣтлѣетъ. Это неизмѣнно повторяется, кажется, два раза въ сутъ. Рядомъ своего сѣрнаго источника Агура стѣснена высокими, отвѣсными скалами. Мѣстность эта очень интересная.

За Агурой пошли обрывистые отроги довольно большой, оригинальной горы Охунъ, протянувшейся отъ Агуры до сѣвѣющей рѣки, Хосты. Охунъ это по-татарски, а по-прежнему, на морскихъ картахъ гора эта писалась Хухунъ, а черкесы называютъ ее Хамышъ. Вѣроятно, это послѣднее названіе и будетъ правильно, такъ какъ и Белль называетъ ее такъ же.

Нужно сказать, что долиною Оочи прекращалось племѣ настоящихъ черкесовъ Адыгѣ. Адыгскихъ племенъ, главныхъ, было четыре: абадзехи и бжедухи на сѣверномъ склонѣ главнаго хребта, и шапсухи и убыхи—на южномъ. Послѣдніе занимали мѣстность, называвшуюся Варданс, между рѣками Шахе и Саме. Адыгѣ—народъ пришлый, повидимому, кельтскаго происхождения, сильно потѣснившій аборигеновъ абхазцевъ (ансуа) къ юго-востоку. Общаго съ абхазцами адыгѣ ничего не имѣютъ; абхазцы врядъ-ли даже арийцы. Адыгскій языкъ своеобразенъ; удареніе всегда на послѣднемъ слогѣ, «е» произносится, какъ «ѣ», и много другихъ, совершенно своеобразныхъ и въ абхаз-

скомъ языкѣ отсутствующихъ, особенностей. Абхазскія племена, живущія къ югу отъ Сочи, у черкесовъ назывались Азыра. Это же названіе встрѣчается и у Белля, въ его описаніи Черкессіи, причемъ Билль считаетъ Азыра за особый народъ. У насъ же названіе Азыра неизвѣстно; и абхазскія племена, живущія между Сочи и Бзыбью, назывались Джигетами. Отъ Сочи къ югу названія рѣкъ звучатъ совершенно иначе. У черкесовъ обычное названіе рѣки составлялось изъ двухъ словъ: имени отдѣльнаго племени, Туа, Макд, Хакучъ, Саше, жившаго по этой рѣкѣ, и слова «шсѣ»—вода,—Туалсѣ, Макопсѣ, Хакучисѣ, Сашепсѣ. Абхазскія же названія совершенно звучатъ иначе: Мацѣста, Хѣста, Кудѣста, Мдымта и подобныя, но что они значатъ,—не знаю.

Отроги Охуна, или Хамыша, ближе къ морю, покрыты очень крупнымъ смѣшаннымъ, съ сильнымъ преобладаніемъ дуба, лиственничнымъ лѣсомъ; а у самого моря, по обрывамъ, видно много приморскихъ сосенъ. Между большими деревьями встрѣчаются цѣлыя заросли благородныхъ лавровъ, издающихъ во время цвѣтенья столь пріятный ароматъ; здѣсь же много и другихъ вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ. Выше лѣса—много прелестныхъ полянъ съ большими фруктовыми деревьями, бывшія селенія (куаджа по-черкесски) горцевъ, у насъ почему-то называемыя аулами. Черкесы увѣрены, что аулъ, это—русское слово. Странно, откуда оно взялось? Несомнѣнно, «аула»—слово латинское.

Охушскія поляны обильно орошены русскою кровью, пролитую 8-го октября 1841 г., когда командовавшій кавказскими войсками, ген. Анрепъ, придумалъ неудачную затѣю, пройти изъ Свято-Духовскаго укрѣпленія въ Навагинское по землямъ непокорныхъ горцевъ. Онъ-таки достигъ своей цѣли, но потерялъ «при переходѣ по ауламъ Хухупа» болѣе пятисотъ чело-вѣкъ.

Передъ нами—мысъ «Видный», съ вершинъ котораго великолѣпный видъ, въ одну сторону—на Даховскъ и далѣе до Учъ-Дере, а въ другую—на Адлеръ и отдаленный Пицундскій мысъ. За Виднымъ—премestная, довольно хорошо закрытая, бухточка «Хамышъ». Мѣсто очень удобное для вытаскиванія на берегъ судовъ турецкаго типа. До покоренія западнаго Кавказа здѣсь процвѣтала очень оживленная контрабандная торговля турокъ съ горцами. Примѣтное мѣсто, гдѣ пристанью служили развалины древней церкви, находящіяся на самомъ берегу моря, въ наиболѣе защищенномъ отъ прибоа мѣстѣ. Отъ Даховска до Мдымты это—шолпутъ. Было уже около полуночи, и мы рѣшили немного здѣсь отдохнуть. Развѣючили Ваську и, спутавъ его, пустили на большую поляну; а сами, одѣлавъ себѣ лежа изъ ароматныхъ лавровыхъ вѣтвѣй, улеглись подъ защитою колючаго дуба.

Поднимаемся съ разсвѣтомъ и наблюдаемъ оригинальное явленіе: берегъ покрытъ большимъ густымъ лѣсомъ; подъ защитою его совершенно тихо, море не колыхнется, а между тѣмъ далеко отъ берега слышенъ какой-то сильный шумъ, какъ бы отъ частыхъ всплесковъ волнъ, и море, въ томъ направленіи, какъ будто бы кипитъ. Это—береговая бриза, проходя выше лѣса, падаетъ на нѣкоторомъ разстояніи подъ угломъ на морскую поверхность и, вступивая ее, производитъ этотъ оригинальный шумъ.

Идемъ далѣе. Проходимъ слѣдующую рѣчку, Кудепсту, долина которой также до самаго моря широкимъ лѣсомъ, и вступаемъ въ обширную Адлерскую заболоченность. Заболоченность эта, протягивающаяся верстъ на девять, отъ Кудепсты и почти до самой Мдзымты, происходитъ оттого, что здѣсь, между идущимъ параллельно морю, невысокимъ хребтомъ и самимъ моремъ, образовалась широкая нагосная равнина, отгороженная отъ моря высокимъ песчанымъ валомъ. Мѣстность отъ этого вала къ сушѣ понижается; самъ же валъ, постоянно набрасываемый волнами, все увеличивается. Многочисленные маленькіе ручьи, стекающіе съ хребта, не могутъ пробиться черезъ этотъ валъ и заболачиваютъ мѣстность; къ тому еще, всякій большой прібой, шерекавшись черезъ валъ, прибавляетъ туда и морскую воду. Густая растительность, совершенно не пропускающая солнечныхъ лучей, препятствуетъ быстрому испаренію влаги, и во всѣхъ впадинахъ вода стоитъ постоянно. За Мдзымтою, еще на много верстъ, протягиваются такіе же заболоченные мѣста. Несомнѣнно, что современныя эти болота будутъ осушены. Но въ настоящее время это—ужасные разсадники лихорадокъ. Въ Учъ-Дере тоже было нѣчто подобное, но послѣ того, какъ былъ начато выкорчеванъ лѣсъ, картина совершенно измѣнилась; тамъ, гдѣ было ужасное болото, получились великолѣпная земля для культуры. По этой близинѣ, несмотря на заболоченность, растетъ пшантескій лѣсъ. Есть дубы, ясени, караагачи, прямые, какъ свѣчи, и имѣющіе на десяти-пятнадцати саженьяхъ отъ комля еще до пяти четвертей въ діаметрѣ. Но лѣсъ этотъ быстро уничтожается. Дубовую клѣшку, ясеновыя доски до 12 вершковъ шириною, орѣховые юржки до 2 аршинъ въ поперечникѣ, во множествѣ нагружаютъ на суда, неподвижно стоящіе сейчасъ на якоряхъ, и везутъ за границу. Сомнительно, чтобы это было выгодно,—продать за безцѣнокъ вѣковой лѣсъ за границу, а потомъ получать его же оттуда въ обработанномъ видѣ, но въ сто разъ дороже. Тяходыгъ увѣряетъ, что за деньгами у начальства, то ли еще можно сдѣлать.

Путь здѣсь для насъ не трудный: тропа идетъ по окраинамъ растительности и довольно твердо напята. Идемъ бодро, тѣмъ болѣе, что еще не жарко. Пройдя съ полпути до Мдзымты, до-

шли до мѣста, гдѣ воды за валомъ скопились столько, что образовалось нечто похожее на озеро. На пространствѣ этого застоя всѣ большіе деревья засохли и стоятъ какими-то обнаженными остовами, съ распростертыми въ разныя стороны членами. Явленіе это очень странное; остается предположить, что прежде почему-либо такого застоя воды не было. Мѣсто это, по изобилію въ немъ шлюкъ, называется шлючнымъ болотомъ. Маленькій ручей вытекаетъ изъ него черезъ понизившійся здѣсь песчаный валъ, и мингрельцы не упускаютъ случая, чтобы въ этомъ ручьѣ, притомъ самымъ упрощеннымъ способомъ, не шаловить шлюкъ. Войдутъ голыми ногами въ воду и ждутъ, чтобы побольше шлюкъ приосалось къ ихъ ногамъ, а потомъ обираютъ ихъ въ бутылки. Такъ и Петре поступилъ. «Зачѣмъ, спрашиваю, тебѣ шлювки?»—«А какъ же кровь пускать?» А кровь пускать они очень любятъ.

Пройдя небольшую рѣчку Хоруту, подходимъ къ воротамъ съ надписью: «Аврора, имѣніе Абрашкевича». Отсюда до бывшаго укрѣпленія Свято-Духовскаго, при устьѣ Мдзымты, еще версты три. Мѣсто развалины Свято-Духовска отлично видно по чрезвычайно высокимъ, пирамидальнымъ тополямъ, его характеризующимъ, по стѣнамъ и башнямъ укрѣпленія уже растасканнымъ по камешкамъ. У абхазцевъ мѣсто это называется Ліешъ, а у турокъ—Ардилтеръ, откуда наше современное Адлеръ, хотя гораздо лучше было бы сохранить русское «Свято-Духовскъ». Но наше слѣпое предпочтеніе всего иностраннаго заставляетъ предавать забвенію славныя событія своей исторіи и откашываться, на замѣну ихъ, дикарскія названія своихъ самыхъ заклятыхъ враговъ.

Триходымъ говорить, что можно значительно сократить путь, если, оставивъ въ сторонѣ Адлеръ, пойти черезъ Абрашкевича. Петре такое сокращеніе тоже одобряетъ, тѣмъ болѣе, что оба они устали отъ молчанія, такъ какъ, идя по галькѣ, разговаривать очень неудобно, а теперь, вступивъ на твердую почву, онъ желаетъ поскорѣе наверстать потерянное. Аргументы все отшельскіе, а къ тому же Абрашкевичъ—очень гостепріимный хозяинъ, и мы поворачиваемъ въ ворота. Проходимъ по великолѣпнымъ полямъ, покрытымъ отдѣльными купами трещиныхъ ореховъ и засѣянными арбузами. Арбузы очень выгодны; они даютъ большой урожай и сбытъ ихъ обезпеченъ; со всего Черноморскаго побережья ихъ вывозятъ въ Турцію. Давно прежде эти великолѣпныя поляны были покрыты дремучимъ лѣсомъ, защищавшемъ рядъ горскихъ селеній отъ покушеній съ моря. Въ этомъ дремучемъ лѣсу въ 1837 г. войска наши, занявшія долину Ліешъ для постройки Свято-Духовскаго укрѣпленія, наткнулись на скрытое скопище горцевъ; въ происшедшей стычкѣ былъ убитъ извѣстный писатель-декабристъ, сосланный на Кав-

казъ, Бестужевъ-Марлинскій. Тѣло его не было разыскано; но Абрашкавичъ въ одномъ мѣстѣ поставилъ каменный крестъ и увѣряетъ, что это именно и есть мѣсто гибели Марлинскаго. Точно-ли тутъ погибъ Марлинскій, или не на этомъ самомъ мѣстѣ, рѣшить, конечно, совершенно невозможно, но, во всякомъ случаѣ, трогательный поступокъ Абрашкавича весьма похваленъ и заслуживалъ бы полного подражанія и въ другихъ мѣстахъ побережья, гдѣ каждый шагъ запечатлѣнъ мужествомъ и беззаветною преданностью Царю и отечеству славныхъ, хотя и скромныхъ героевъ.

Посрединѣ этихъ чудныхъ, совершенно ровныхъ полей, покрытыхъ изумрудною зеленью, протекаетъ маленькая рѣчка, съ чрезвычайно холодною водою. На другомъ берегу этой рѣчки, на оригинальномъ холмѣ, расположена и усадьба самого хозяина. Абрашкавичъ встрѣтилъ насъ очень радушно и, несмотря на ранній часъ, — солнце недавно лишь показалось изъ-за высокаго Бзыбскихъ горъ, — накормилъ насъ обильнымъ завтракомъ и далъ еще на дорогу великолѣпныхъ арбузовъ. Къ неудовольствію коня Васьки, арбузы напружаемы на него; я утѣшаю Ваську тѣмъ, что на привалахъ и онъ получитъ свою долю сочныхъ корокъ; но онъ, оторванный отъ сочной травы и болѣе думающій о настоящемъ, чѣмъ о будущемъ, не измѣняетъ своего недовольнаго выраженія и нехотя выстушаетъ въ дальнѣйшій путь.

Идемъ обширною долиною Лиепъ. Ближайшія невысокія горы отодвинуты на нѣскольکو верстъ отъ берега и, такимъ образомъ, не закрываютъ вида на болѣе высокія горы, на которыхъ во многихъ мѣстахъ ясно виденъ снѣгъ. Прямо — зубчатый Шутусъ, Нугай-гусъ морскихъ картъ; но у черкесовъ подъ названіемъ Нагой-кушъ (горы Нагаевъ) извѣстны обширныя пастбища Фишта. Шутусъ, какъ большинство вершинъ главнаго хребта, возвышается уже на отрогѣ сѣвернаго склона, такъ что воды его оуѣговъ и ледниковъ текутъ уже въ Кубань. Правѣ видна оригинальшая трехвершинная гора Албга, но снѣгу на ней не видать; а еще правѣ, въ верховьяхъ слѣдующей за Мдымтой рѣки Псоу, возвышается сильно покрытая снѣгомъ гора Адзитаку, абхазское названіе, переименованное на нашихъ картахъ въ Атепсту. На Адзитаку — много ледниковъ, и на сѣверной, и на южной сторонѣ; сѣверные — питаютъ Мдымту, а южные — Псоу и Бзыбь.

Путь нашъ лежитъ между кукурузныхъ полей, принадлежащихъ греческой деревнѣ Первинкѣ. Кукуруза огромная, закрываетъ даже всадника, но обработана дурно, безъ окучиванія. Фасоль, посѣянная тутъ же, вьется по кукурузнымъ стеблямъ, а внизу еще посѣяны арбузы, дыни, кабачки; тучная почва все выноситъ. Ближе къ селенію — много табаку, посѣвы котораго греки производятъ годъ за годъ, все на одномъ и томъ же мѣ-

отъ. И ничто, пока родить. Но почему это лучшія земли на побережьи отданы дикимъ иноземцамъ? Какое-то удивительное заблужденіе. Тляходьмъ ворчитъ. «Зачѣмъ,—говорить,—было истонять черкесовъ, чтобы на ихъ мѣстахъ насадить такихъ-сякихъ треконъ». Петре его поддерживаетъ: «Лучше ужъ было поселить на такихъ хорошихъ мѣстахъ нашихъ мингрельцевъ». А я думаю, что на такихъ хорошихъ мѣстахъ, на которыхъ свободно можно пахать хоть тремя парами быковъ, очень хорошо можно было бы поселить даже полтавскихъ хохловъ.

Сама Первинка—селеніе очень невзрачное. Постройки примитивныя, низкія, безъ оконъ, съ безчисленными щелями, кой-гдѣ замазанными свѣжимъ навозомъ; очень плоскія ихъ крыши сложены изъ щепокъ, а чтобы вѣтеръ ихъ не разметалъ, на нихъ сверху наложены камни. Глупо и некрасиво. Вообще, приходится согласиться съ Тляходьмомъ, что эти греки—народъ дотельно-таки дикій. Неужели же это—потомки народа, создавашаго Иліаду, Пареепонъ, Венеру Милосскую, — народа, изъ среды котораго вышли Гомеръ, Пинегоръ, Периклъ, и нѣсть числа геніевъ? Не можетъ быть. Рѣшительно ничѣмъ не возбуждаютъ они воспоминаній о своихъ удивительныхъ предкахъ. Удивительно, однако, до чего народы могутъ вырождаться.

Мы все еще не вышли изъ равнины Лѣшъ и подходимъ къ слѣдующему селенію, Молдаванка, много болѣе привлекательному, чѣмъ греческая Первинка. На поляхъ здѣсь есть и посѣвы пшеницы, давно уже убранной, есть и мелкое просо-томъ, только что спѣющее. А домики молдаванскіе—бѣлѣныя, напоминающіе мажорусскія хаты, съ садиками фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ. Молдаване будто бы—потомки римлянъ, но по виду они гораздо болѣе напоминаютъ нашихъ хохловъ. Они же заселяютъ и Адлеръ, перейдя туда самовольно изъ выше лежащаго на другой сторонѣ Мдзымты, селенія Ахштырхъ, варварское названіе котораго они упростили въ Штырь.

Изъ разспросовъ у молдаванъ узнаемъ, что старая военная дорога, по которой намъ надлежало идти до слѣдующаго, опять греческаго, селенія Лѣсное, размыта Мдзымтою и сдѣлалась совершенно непроходимой. Необходимо сдѣлать порядочный крюкъ и идти сначала на другое греческое селеніе Высокое, расположенное въ верховьяхъ Хероты, а ужъ оттуда пройти на Лѣсное.

Пройдя Молдаванку, сворачиваемъ влѣво и сейчасъ же начинаемъ подыматься по северной тропѣ, черезъ сильно вырубленный лѣсъ. Густыя заросли азалий и остролистника подчасъ совершенно скрываютъ тропу. Но скоро мы выбираемся на прекрасное плоскогорье, поднимающееся террасами и тянущееся верстъ на шесть. Это—мѣста бывшихъ горскихъ селеній. Видъ очень красивый. Направо, внизу, Мдзымта блещетъ и шумитъ.

За Мдзымтою—хребетъ за хребтомъ, до самыхъ высокихъ Бзыбскихъ горъ, замыкающихъ на востокъ горизонтъ. Налѣво—пологіе склоны невысокаго хребта, востораздѣльнаго между Мдзымтою и Херотою. Идемъ точно непрерывнымъ садомъ. Много огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ; орѣхи уже въ періодъ самаго лучшаго ихъ вкуса, когда тонкая кожица, покрывающая ихъ, легко, точно перчатка съ руки, снимается съ нихъ. Много яблонь; но на всѣхъ уже есть кровавая тля, завезенная на побережье лѣтъ десять тому назадъ. Много опромныхъ грушъ, сливъ, черешенъ. Но многія деревья безсовѣстно испорчены греками и молдаванами, сдирающими съ нихъ кольцеобразно кору, для какихъ-то вздорныхъ подѣлокъ. Безлѣсныя поляны сильно заросли опромными папоротниками. Тляходыгъ говоритъ, что это—лучшія мѣста для посѣвовъ; а папоротникъ отъ пахоты, по его выраженію,—«сдохнетъ скоро». Тляходыгъ продолжаетъ осуждать наши власти.—«Какъ можно было отдать такія мѣста грекамъ! Видь только немые греки не сумѣли использовать такія великолѣпныя поляны». По увѣренію Тляходыга, греки, будто бы, никогда не моются, и запахъ ихъ слышенъ за версту. Дѣйствительно, чеснокомъ пахнетъ отъ нихъ ужасно.

Близко уже къ перевалу на Хероту нашли старый родникъ, искусно обдѣланный каменьями, съ каменнымъ же оводомъ сверху. Здѣсь отдохнули и облегчили Ваську отъ одного арбуза, корки отъ котораго онъ съѣлъ съ удовольствіемъ.

Незамѣтно перевалили въ бассейнъ Хероты. Поляны все такъ же обширны и все такъ же мало обработаны; папоротникъ царитъ во-всю. Скоро подошли къ греческому селенію—Высокое, у входа въ которое стоитъ колоссальная многовѣковая липа, съ удивительно красивого кроною. Липа эта такъ громадна, что еслибъ насъ было еще трое, то и то врядъ-ли мы всѣ шестеро обхватили бы ее. Сколько столѣтій она прожила? Тляходыгъ говоритъ, что даже «старые люди» видѣли ее всегда такою же огромною; и говорятъ еще, что у ней есть душа, и такая же большая, какъ и сама она. Это—священное дерево у горцевъ, подъ которымъ они собирались для обсужденія всѣхъ болѣе важныхъ своихъ дѣлъ; подъ ней собирались для общественныхъ молитвъ. Въ слѣдующій мой проходъ этими мѣстами, великолѣпная липа эта была уже срублена греками.—«Рубить было очень трудно, но зато сколько досокъ-то вышло»,—хвастались они. Вотъ варвары!

Селеніе это еще болѣе невзрачно, чѣмъ Первинка. Ничего у нихъ нѣтъ. Я спросилъ, нѣтъ-ли у нихъ молока; они съ удивленіемъ на меня воззрились. Хотя они старые наши знакомые, такъ какъ пришли сюда изъ сосѣдняго съ Учъ-Дере имѣнія Вардане, но мы всѣ трое были очень довольны, когда прошли это неприглядное селеніе.

За селешемъ ущелье Хероты сильно суживается. Въ верховьяхъ, на правомъ берегу, прямо противъ насъ, большая, покрытая лѣсомъ гора Лацапунка. Мы тоже поднимаемся въ гору и въ лѣсъ. Лѣсъ сначала исключительно каштановый, затѣмъ пошелъ буковый, но, пройдя немного, попали въ смѣшанный изъ огромныхъ дубовъ, кленовъ, грабовъ и ясенеи. Лѣсъ очень хорошій, еще не вырубленный. Опять поднялись на хребетъ, ограничивающій Мдзымту съ праваго берега, и далеко вглубь увидать серббристую ленту самой рѣки. Тропа все еще идетъ въ гору, но очень полого, и скоро привела насъ къ старой, очень широкой военной дорогѣ. Тляходыгъ говоритъ, что если бы мы шли все по ней отъ самой Молдаванки, то теперь были бы уже далеко за Лѣсными.

Дорога эта хорошо сохранилась, но съ общимъ для всѣхъ военныхъ дорогъ западнаго Кавказа недостаткомъ, — уклоны не выдержаны и мѣстами чрезвычайно круты. Недостатокъ этотъ до крайности затрудняетъ колесное движеніе и легко способствуетъ размывамъ пути; кромѣ того, онъ почти непоправимъ и дѣлаетъ то, что въ будущемъ дороги эти невозможно будетъ приспособить для удобнаго правильнаго пользованія. Въ настоящее время о нихъ такъ мало заботятся, что здѣсь, напримѣръ, сплосъ и рядомъ путь прегражденъ поваленными поперекъ дороги огромными деревьями. Деревья эти срублены мѣстными же жителями единственно лишь для того, чтобы добыть медъ гнѣздящихся въ этихъ деревьяхъ дикихъ пчелъ. Тляходыгъ на всѣхъ этихъ препятствіяхъ сильно бранится и говорить, что лишь такіе дикари, какъ греки, способны заваливать дорогу и рубить цѣлыя деревья; для чего? Медъ можно добыть гораздо проще, не разоряя окончательно пчелъ, а увеличивъ лишь входное отверстіе.

Мы вышли на эту старую военную дорогу, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она переваливаетъ изъ бассейна Мдзымты въ бассейнъ Кудепсты. Мѣстность, по которой проходитъ дорога, чрезвычайно интересна. Глинистая почва, сплутствовавшая намъ все время, какъ-то незамѣтно прекратилась, и мы, хотя и идемъ все время какъ будто бы однимъ хребтомъ, водораздѣльнымъ между этими бассейнами, очутились въ области чистаго известняка. Дѣло въ томъ, что ежели слѣдить за хребтами по ихъ геологическому строенію, то окажется, что направленіе ихъ далеко не всегда совпадаетъ съ водораздѣльными линіями, а напротивъ, очень часто, пересѣкаетъ рѣки поперекъ ихъ теченія. Если пересѣкающій хребетъ сложенъ не изъ глинистыхъ сланцевъ, какъ это наблюдается ближе къ морскому берегу, а изъ плотныхъ мѣловыхъ известняковъ, то въ такихъ мѣстахъ образуются тѣсныя, черезъ которыя рѣки prorываються бурными, шумящими стремнинами. Сейчасъ такія тѣсныя лежатъ очень

близко отъ нашего пути, вправо на Мдзымтѣ и влѣво на Кудепстѣ. Тѣснины эти образованы промывомъ скалистаго известковаго хребта, простирающагося отъ высокаго Бзыбскаго горнаго узла Ахагъ и оканчивающагося Агурскими скалами. Хребетъ этотъ, подъ разными наименованіями, пересѣкаетъ и другія рѣки, Псоу, Хесту, и на нихъ образуетъ тѣснины.

Когда-то, въ отдаленныя эпохи, рѣки Черноморскаго побережья представляли изъ себя цѣль озеръ, протягивавшихся между рядами параллельныхъ хребтовъ. Вода этихъ озеръ, переполнявшихся отъ дождей и таянія снѣговъ, устремлялась къ морю по направленію наименьшаго сопротивленія, по случайнымъ прорывамъ и пониженьямъ въ хребтахъ. Прорывы и пониженія эти постепенно все болѣе и болѣе размывались, и талмыъ путемъ образовались настоящія рѣки. Рѣки Черноморскаго побережья, вслѣдствіе общаго повышенія Кавказскаго хребта къ юго-востоку, вначалѣ текутъ на сѣверо-западъ или западъ, и лишь размывъ на своемъ пути нѣскольکو поперечныхъ хребтовъ, приближаясь уже къ морю, поворачиваютъ на юго-западъ и югъ. Разница, по долготѣ, между истоками и устьями всѣхъ черноморскобережныхъ рѣкъ очень велика. Такъ, въ первой большой поберезной рѣкѣ Шахе, при общемъ протяженіи въ 60 верстъ, истоки ея лежатъ на 40 верстъ восточнѣе устья. Мдзымта, по которой мы идемъ, при общей длинѣ въ 80 верстъ, истоки имѣетъ на 60 верстъ восточнѣе своего устья. А слѣдующая большая рѣка, Бзыбъ, протяженіемъ въ 100 верстъ, имѣетъ истоки на 80 верстъ восточнѣе. То же наблюдается и со всѣми прочими, текущими съ главнаго хребта рѣками.

Известковый хребетъ, по которому мы сейчасъ идемъ, очень оригиналенъ. Здѣсь встрѣчается множество пустотъ и разстлинъ, обыкновенно очень узкихъ и извилистыхъ. По увѣренію Тляходыта, есть между ними такіа длинныя, что куница можетъ пройти по нимъ отъ самой Мдзымты до Кудепсты. Можетъ быть, и дѣйствительно такіе проходы существуютъ; невѣроятнаго ничего въ этомъ нѣтъ. Вода, растворяя известъ, можетъ продѣлать самыя удивительныя извилины. Растительность этихъ известняковъ своеобразна, характеризующаяся отсутствіемъ лѣнъ, а на полянкахъ чистою травою, безъ обычнаго для побережья колючаго подлѣска; много всевозможныхъ полевыхъ цвѣтовъ, а на нихъ красавыхъ бабочекъ. Внизу, въ сильно затѣнивыхъ мѣстахъ, — сплошныя заросли самшита; на мдзымтинской сторонѣ эта цѣнная порода сильно уже вырублена, на кудепстинской слабо еще тронута. Но всѣ эти столь интересныя известковыя мѣста очень бѣдны водою. Обычно вода обнаруживается въ такихъ мѣстахъ лишь у подошвы, но зато обыкновенно очень сильными родниками. Тѣмъ болѣе былъ я удивленъ, когда Тляходытъ показалъ мнѣ, въ одномъ мѣстѣ не далеко отъ дороги, на зна-

чительной еще высотѣ, обдѣланный камнемъ колодезь. Отверстіе колодца тоже было задѣлано большимъ камнемъ съ выдолбленнымъ въ немъ небольшимъ отверстіемъ; а вода въ колодезь оказалась на довольно большой глубинѣ, такъ что безъ длинной веревки добыть ее не было возможности.

Продолжая свой путь по этой широкой дорогѣ, въ одномъ мѣстѣ вновь увидѣли, на большомъ протяженіи, серебристую Мдзымту и много отдаленныхъ высокихъ горъ, а скоро спустились на живописную, довольно открытую поляну, на самомъ берегу Кудешты. Съ поляны, по направленію на сѣверо-востокъ, открывался красивый видъ на высокий, какъ бы преграждающій намъ дальнѣйшій путь, лѣсистый хребетъ Ахцу. А съ юго-запада поляна эта была замкнута чрезвычайно тѣсной, образованною только что пройденнымъ нами известковымъ хребтомъ. Уже вечерѣло, и мы рѣшились тутъ започевать. Расположились подъ раскинутою группою, такихъ огромныхъ размѣровъ, которые, кажется, только на Черноморскомъ побережьи и встрѣчаются, и первымъ дѣломъ съѣли второй арбузъ. Въ оторченіи кони Васьки, корки отъ арбуза ему дали очень не скоро, такъ какъ по черкесскому обычаю лошадь, послѣ длиннаго перехода, полагается не менѣе двухъ часовъ выдержать подъ сѣдломъ и безъ ѣды. Уже пылалъ костеръ, когда мимо насъ протнали большое стадо греческаго скота. Побережный скотъ очень смѣшанной породы, но замѣчательнъ своею ничтожною удоиливостью, своею способностью питаться колотками и своимъ оригинальнымъ окладомъ, поджарымъ туловищемъ на очень высокихъ ногахъ. Ничего подобнаго на сѣверѣ не бываетъ.

Ночь была ясная, съ очень сильной росой, такъ что подъ утро съ деревьевъ капало, точно послѣ дождя. Поднялись, хотя и съ разсвѣтомъ, но много времени потеряли, пока искали Ваську. Большое неудобство ходить съ одною лошадью, ей скучно и она уходитъ; особенно, если къ тому еще, какъ на этой полянѣ, трава вся на-чисто вытравлена. Двѣ, три лошади все-же никогда далеко не забредутъ.

Пока Тяходьтъ и Петре искали лошадь, я тѣмъ временемъ осмотрѣлъ Кудештинскую тѣснину. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ рѣка промыла свое русло черезъ известковый хребетъ. Образовался длинный, узкій коридоръ, съ почти совершенно отвѣсными, поднимающимися до тридцати сажень высоты, стѣнами. Пройти низомъ коридора, гдѣ вода занимаетъ всю его ширину и падаетъ съ уступа на уступъ, возможно лишь пѣшкомъ и только тогда, какъ сейчасъ, когда воды очень мало. Въ большую же воду, когда она, какъ это можно судить по замѣткамъ на камняхъ, подымается до трехъ сажень, никакой проходъ совершенно невозможенъ. На лѣвомъ берегу есть очень большая путешествная пещера, на потолкѣ которой сбивается множество ди-

кихъ пчелъ. Тляходыгъ рассказываетъ, что черкесы сбивали соты этихъ пчелъ выстрѣлами изъ ружей, подставляя предварительно на мѣста, куда они должны упасть, большія корыта, такъ какъ соты при паденіи совершенно расшмякивались.

Подобная же тѣснина есть и на Хостѣ, образованная тѣмъ же хребтомъ. Есть и на многихъ другихъ рѣкахъ, но не на всѣхъ такія коридорообразныя.

Наконецъ, конь нашъ найденъ, и мы поспѣшно идемъ дальше. Прейдя нѣсколько разъ черезъ рѣку, подходимъ къ Лѣсному. Селеніе это очень живописно расположено на обоихъ берегахъ Кудепсты и производитъ много болѣе пріятный видъ, чѣмъ пройденныя уже нами греческія селенія. Нарядные домики построены на пригоркахъ и большинство изъ нихъ съ садами. Тляходыгъ не любитъ грековъ, особенно этихъ, такъ какъ прежде нихъ здѣсь были поселены черкесы, добровольно вышедшіе съ горъ, и самъ Тляходыгъ въ числѣ ихъ. Черкесовъ потомъ, по какимъ-то соображеніямъ властей, переселили на гораздо худшія мѣста на рѣкѣ Шахе. По увѣренію Тляходыга, это было сдѣлано по интригамъ грековъ, сумѣвшихъ будто бы какими-то темными путями понравиться начальству.

«Такъ-ли тогда было здѣсь, въ Лѣсномъ, и такъ-ли встрѣчали прохожихъ!»—воскликаетъ Тляходыгъ. Онъ страшно возмущенъ тѣмъ, что ни одинъ изъ грековъ не предлагаетъ намъ ничего съѣстнаго. И вотъ, недолго думая, проходя мимо одного изъ садиковъ, онъ, нисколько не стѣсняясь и не обращая никакого вниманія на взирающихъ на него съ великимъ страхомъ гречатъ, нарвалъ кучу персиковъ. Но былъ наказанъ; персики оказались совершенно незрѣлые. По мнѣнію Тляходыга, и въ этомъ греки проявили свою низость,—нельзя же, правда, сажать только поздніе сорта, тогда какъ знатные путешественники могутъ пройти черезъ селеніе и въ другое время. Въ дѣйствительности, хотя такимъ чудомъ нельзя обладать, чтобъ во всякое время имѣть для знатныхъ путешественниковъ спѣлые персики, но греки эти, и въ самомъ дѣлѣ, пренесимпатичный народъ.

Вокругъ много кукурузы, а еще болѣе табаку, составляющаго главное занятіе жителей. Но табакъ Черноморскаго побережья хорошъ лишь тамъ, гдѣ онъ разводится на известковыхъ почвахъ, какъ, напримѣръ, много сѣвернѣе—въ Макопсе. На глинахъ же онъ, хотя и даетъ большой урожай, но достоинствомъ не важенъ. Сушится табакъ здѣсь не на такъ называемыхъ шалахахъ, а улучшеннымъ способомъ: жерди, съ подвѣшеннымъ къ нимъ на шнурахъ табакомъ, на ночь и во время дождя закатываются въ спеціальнаго устройства сарай.

Много разъ переходимъ черезъ рѣку, воды въ которой такъ мало, что во многихъ мѣстахъ мы, перепрыгивая съ камня на камень, не мочимъ даже ногъ. Прошли и селеніе. Известняки кон-

чились еще на спускъ къ Кудестѣ, и теперь мы спать идемъ глыбами. Мѣстами опять ужасныя заросли; все заткнуто лианами, и въ тѣни ихъ грязь, кажется, никогда не просыхающая. Прямо передъ собою увидали, возвышающійся гигантскою стѣною, хребетъ Ахцу, и такъ близко, что совершенно ясно, сквозь покрывающій его лѣсъ, разглядѣли бѣлыя скалы. Прямо хребетъ какъ бы разорванъ, какое-то въ немъ провалъ. Но мы пойдёмъ не этимъ путемъ, который, по увѣренію Тляходьга, — непроходимъ — «шайтанъ тамъ живетъ», — а пойдёмъ черезъ самую высокую точку, ближе къ Мдзымтѣ, много правѣе отъ насъ. Начинаемъ подыматься, уклоняясь все въправо, сначала лѣсомъ, гдѣ господствуетъ букъ, а затѣмъ чистыми холмами, съ потопенными преками стѣномъ. Тропа мѣстами плохо замѣтна, заросли и грязь, мѣстами же очень крута. Подымаемся, наконецъ, на самый верхъ водораздѣльнаго хребта и опять внизу видимъ Мдзымту, а за нею далеко, въ верховьяхъ Псоу, большія горы. Идемъ все мдзымтинскою стороною, то лѣсомъ, гдѣ преобладаетъ букъ, то попадаются и каштаны, признакъ отсутствія извести, то прекрасными котловинами, покрытыми чистою травою. Пройдя нѣсколько этимъ путемъ, находимъ красивую небольшую поляну съ сочною травою и небольшимъ родничкомъ. Останавливаемся покормить усталую лошадь и сами съ удовольствіемъ съѣдаемъ послѣдній арбузъ. Надъ этимъ мѣстомъ Ахцу возвышается высокою, чрезвычайно крутою стѣною. Огромныя деревья и огромныя бѣлые камни отчетливо видны. Къ Мдзымтѣ Ахцу обрывается отвѣсными скалами и вѣчно подвижными опасными осыпями, на которыхъ, несмотря на ихъ подвижность, можно встрѣтить серна. Сейчас на одной изъ этихъ осыпей мы разглядѣли трехъ серна. Тляходьга и Петре было схватили ружья, но я ихъ удержалъ.

Ахцу — хребетъ опять известковый. Мдзымта промываетъ черезъ него свое лоно, образовавъ глубокую, грандіознѣйшую тѣснину. Стѣны этой тѣсины почти отвѣсно подымаются на нѣсколько тысячъ футовъ надъ рѣкою. Шумъ рѣки, падающей съ камня на камень, ясно, несмотря на значительное разстояніе и небольшую воду, достигаетъ до насъ. Тляходьга увѣряетъ, что тамъ, внизу, такая страшная тѣснина, что даже птицы не летаютъ и куницы не бѣгаютъ, и лишь шайтанъ одинъ можетъ пройти. Но на этотъ разъ онъ ошибся. Нѣсколько лѣтъ спустя одинъ предприимчивый армянинъ, Кочерьянцъ, скупивъ за безцѣнокъ на Романовскихъ полянахъ великолѣпнѣйшіе ореховые паллы, сплавилъ ихъ на турецкихъ каюкахъ по всей Мдзымтѣ и черезъ тѣснину Ахцу до самого моря. А еще нѣсколько лѣтъ позже одинъ талантливый инженеръ, В. К. Константиновъ, прошелъ пѣшкомъ всю тѣснину Ахцу, придерживаясь лѣваго берега Мдзымты, гдѣ скалы оказались не такъ ужъ непроходимы, и могъ проектировать ту грандіозную дорогу, которая теперь удивляетъ и восхищаетъ

всѣхъ путешественниковъ, получившихъ возможность проѣхать въ эти удивительныя мѣста даже на автомобилѣ.

Но тогда, когда я съ Тлэходыгомъ и Петре шли, было не то. Объ автомобилѣ тогда еще и слышно не было, и не только на простой арбѣ, но даже и верхомъ проѣхать не было никакой возможности. Мы стояли на высотѣ около тысячи футъ, и нужно было подняться еще на $2\frac{1}{2}$ тысячъ, а затѣмъ спуститься еще на три. Переведя это на нормальный уклонъ подъема окажется, что намъ нужно было сдѣлать путь болѣе тридцати верстъ. Теперь по шоссе, низомъ въ тѣснинѣ Ахцу, протяженіе этого пути всего пять верстъ. Вотъ какъ сократилась дорога.

Начинаемъ нашъ трудный подъемъ. Склоны хребта такъ круты, что если бы не вѣсковыя деревья, въ пять обхватовъ, никакая тропа не могла бы здѣсь удержаться. Дорожка поднимается безчисленными зигзагами, и на восьмъ протяженіи завалена крупными и мелкими известковыми камнями, точно кто нарочно набилъ и насыпалъ ихъ. Ступать въ тонкихъ черкесскихъ чувакахъ по этимъ острымъ камнямъ очень больно. Мѣстами приходится переходить черезъ сухія русла дождевыхъ потоковъ; камень въ этихъ руслахъ крайне подвижный, — того и смотри, что лошадь упадетъ; а разъ упадетъ, то останется жива лишь чудомъ. Мѣстами тропа завалена упавшими поперекъ се деревьями. Поминутно приходится то держать лошадь не только за поводъ, но и за хвостъ, то и совсѣмъ ее развьючивать. Путь трудный, опасный и потлощающій много времени. Когда-то тропа эта была въ прекрасномъ видѣ. Раздѣлана она была нашими войсками въ 1864 г., въ годъ покоренія западнаго Кавказа. Тогда провезли по ней даже артиллерію и свободно проѣхалъ самъ Великій Князь наместникъ Михаилъ Николаевичъ. Это былъ славный наместникъ; грабежей, разбоевъ и современныхъ экспроприацій тогда не было. Память о добротѣ, справедливости, но и твердости Великаго Кнзя живо сохраняется въ сердцахъ всѣхъ жившихъ тогда на Кавказѣ.

На подъемѣ растительность измѣнилась. Известнякъ дастъ себя знать. Каптанъ совершенно исчезъ. Дуба тоже нѣтъ, для него слишкомъ высоко. Преобладаетъ индифферентный ко всѣмъ почвамъ и высотамъ букъ, а выше много кленовъ и огромнѣйшихъ липъ. Подъ защитою большихъ деревьевъ пріютились мрачныя тисы, эта вымирающая порода. Подъемъ разнообразный. Много лавровишенъ, отвратительныя ягоды которыхъ Петре ѣсть съ наслажденіемъ. Мѣстами много изящныхъ стафилей и жаоминовъ, а между ними большіе стебли красивыхъ желтыхъ кавказскихъ липъ (*L. Scowitzianum*). Весною здѣсь очень красиво. Близко уже къ вершинѣ на одномъ огромномъ букѣ отчетливо вырѣзано: «1864 г. разраб. дорога». Замѣчу кстати, что букъ (*Fagus*) здѣсь всѣ называютъ почему-то чинаромъ, хотя чинаръ

(Platanus) нисколько не похожъ на букъ; скорѣе, казалось бы, огромные клены можно принять за чинары; и не только не похожъ, но и совершенно въ лѣсахъ побережья не встрѣчается. Даже въ садахъ Черноморскаго края платаны появились недавно.

Но вотъ, наконецъ, и вершина. Можно бы отдохнуть, да тутъ-то было; безпутевые землемѣры, открывая себѣ визиры, нарубилъ множество деревьевъ и совершенно завалили ими дорогу. Съ большимъ трудомъ перебираемся черезъ этотъ заваль. Сверху видна вся долина Мдзымты до самаго моря. Великолепно видна не только вся первая тѣснина, но и высокіе тополя Свято-Духовска, а за нимъ—темно-синяя полоса моря. Въ противоположную сторону видны горы, покрытыя снѣгомъ. Шумъ Мдзымты доносится и сюда. Склонъ къ ней такъ крутъ, что сброшенные нами камни упали точно въ пропасть.

Небольшой передыхъ, и начинаемъ спускаться. Спускъ еще хуже подъема. Военная тропа во многихъ мѣстахъ совершенно разрушилась и приходится идти по старой, чрезвычайно крутой, горской тропѣ, которая во многихъ мѣстахъ представляетъ изъ себя просто дождевую промоину. Множество большихъ острыхъ камней и высокихъ обнаженныхъ корней еще болѣе затрудняютъ этотъ утомительный и длинный спускъ. Лѣсъ еще большихъ размѣровъ, чѣмъ на южномъ склонѣ, и вѣтви деревьевъ густо покрыты оригинальнымъ мхомъ, висящимъ съ нихъ длинными гирляндами, точно растрепанная длинная борода. Мохъ этотъ такъ и называется—Ааронова борода. Лавровишневыхъ ягодъ, въ величайшему удовольствію Петре, еще больше; онѣ такъ страшно вяжутъ, что совершенно непонятно, какъ ихъ можно ѣсть, да еще въ такомъ множествѣ, какъ это дѣлаетъ Петре. Въ одномъ мѣстѣ лѣсъ нѣсколько разступился, и мы опять увидѣли большія горы: прямо и, казалось, совсѣмъ близко очень красивый хребетъ Ачишхо, вправо, за Мдзымтою,—характерную трехвершинную Либту, а между ними, въ большой дали,—покрытую большимъ снѣгомъ, вершину главнаго хребта, Абаго. Очень красиво. Ближе, на торахъ за Мдзымтою, видна линія пихтоватаго лѣса; преоригинальный видъ; точно отдаленный частоколь, или, по выраженію Петре, точно рядъ солдатъ съ ружьями на караулѣ.

Всему бываетъ конецъ. Утомительный перевалъ пройденъ, и мы спустились внизъ на рѣчку Кешъ / но уже въ сумеркахъ. Перешли на лѣвый берегъ этой рѣчки, отъ котораго вдоль Мдзымты тянется большое, совершенно ровное мѣсто, покрытое дремучимъ лѣсомъ. Тутъ мы и заночевали. Чтобъ медвѣди, слѣдовъ которыхъ оказалось здѣсь очень много, какъ-нибудь не перепугали и не загнали бы Васюку, мы привязали его совсѣмъ близко отъ своего костра, нарубивъ для него много вѣтокъ и лопуховъ; травы не нашли ни клочка.

Ночь провели очень дурно. Близкое сосѣдство медвѣдей весьма безпокоило Ваську. Тляходьшъ часто поднимался смотрѣть въ чѣмъ дѣло. Но главная бѣда была въ шпірадахъ мелкихъ мошекъ, искусавшихъ насъ до невозможности. У меня все лицо, шея, руки покрылись красными, сильно зудящими пятнами, точно сыпь жакал. Ни на морскомъ берегу, ни на высотахъ горъ этихъ отвратительныхъ мошекъ совершенно нѣтъ. Попеволѣ поднялись до разсвѣта, чтобы хоть дымомъ костра разогнать ихъ. Итти далѣе, пока не будетъ совершенно свѣтло, Тляходьшъ говорить, нельзя; дорога до слѣдующей рѣчки, Цвижитсе, очень опасна.

Свѣтло. Двигаемся далѣе. Лѣсъ такъ высокъ и такъ густъ, что солнечные лучи врядъ-ли когда достигаютъ земли. Сыро и непривѣтливо. Не въ такихъ-ли мѣстахъ живутъ вѣдьмы? Три раза идемъ равнинами, покрытыми все такимъ же гигантскимъ лѣсомъ, и три раза подымаемся многотисленными зигзагами по узкой и чрезвычайно опасной дорожкѣ, надъ громадными обрывами, подъ которыми хлопочетъ и пѣнится Мдзымта. Картины одна другой поразительнѣе. Но дорожка слишкомъ часто заставляетъ опасаться за цѣлость лошади. Мѣстами, черезъ расщелины, у отвѣсныхъ обрывовъ, положены такіе животрепещущіе мостики изъ жердей, мха и каменныхъ плитъ, что, того и смотри, все это, вмѣстѣ съ Ваською и нами, полетитъ въ Мдзымту. Въ прошломъ году, когда дѣятельный начальникъ Черноморскаго побережья Н. Е. Никифоровъ, попытался проѣхать въ Романовскъ, три казачьи лошади его конвоя упали съ этихъ обрывовъ.

Растительность измѣнилась. Вновь появился каштанъ, а липа исчезла. На влажныхъ мѣстахъ много огромныхъ карагачей. Но колоссальныя буки все же преобладаютъ. На одномъ изъ этихъ гигантовъ увидѣли прекрасно сохранившуюся, вырѣзанную надпись: «Проходилъ Пятигорскій полкъ. 1864 г. Авг. 31». Вспомниваю, по этому случаю, рассказъ барона Торнау, въ его интересныхъ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера», какое удивительное было у торцевъ преувеличенное мнѣніе о недоступности ихъ мѣстъ. Когда Торнау, проходя этими же лѣсами въ 1835 г., сталъ вырѣзывать на одномъ деревѣ свое имя, то сопровождавшій его торецъ сказалъ: «Вѣка пройдутъ, прежде чѣмъ какой-либо другой русскій прочтетъ эту надпись».

Тляходьшъ, по этому же случаю, рассказываетъ, что они такъ были увѣрены въ недоступности своей Хажучишсинской труппы, что когда всѣ прочіе торцы признали уже полную невозможность дальнѣйшей борьбы и изъявили покорность, они, хажучишцы, и слышать объ этомъ не хотѣли. Правда, съ морской, южной стороны, которая вся уже была занята русскими войсками, хажучишсинскія полны защищены чрезвычайно узкимъ проходомъ.

въ которомъ сотня ружей можетъ надѣлать большихъ бѣдъ. Тѣснина эта казалась имъ такою грозною и неприступною, что хакучскія женщины похвалялись всѣхъ русскихъ ножницами перерѣзать. Но—увы!—русскіе, къ ужасу и удивленію ихъ, пришли совершенно не оттуда, откуда хакучи ихъ ожидали,—не черезъ тѣснину, гдѣ русскимъ грозила опасность отъ ножницъ хакучскихъ красавицъ, а съ сѣверной стороны, и такъ внезапно, что хакучи, въ чемъ были и кто лишь успѣлъ, разбѣжались по лѣсамъ и горамъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, они много хлопотъ доставили нашимъ властямъ. Изъ-за сотни скитавшихся по разнымъ труднобамъ разбойниковъ, приходилось во многихъ пунктахъ по бережья держать цѣлыя отряды войскъ, пока, наконецъ, эти голуборѣзы добровольно не согласились оставить свои мало доступныя мѣста и свою мало пріятную жизнь не перейняли на болѣе прибыльное занятіе карабасенія, какъ Тяходыгъ называетъ воровство лошадей.

Идемъ дальше и на послѣдней равнинѣ увидѣли нѣсколько довольно крѣпкихъ шалашей. Тяходыгъ предполагаетъ, что ихъ соорудили греки, когда-нибудь застрявшіе во время большого дождя между Кешнемъ и Цвижипсе,—рѣчкой, къ которой мы приближаемся. И, дѣйствительно, позже мы узнали, что разлившіяся рѣки болѣе недѣли держали несчастныхъ грековъ на этой полянѣ, и они не могли попасть ни въ Романовскъ, ни въ Лѣсное, и сильно бѣдствовали. Цвижипсе гораздо больше Кешна и долина ея имѣетъ много болѣе веселый видъ. Мѣстность болѣе открытая и ярко освѣщена поднявшимся уже надъ горами солнцемъ. Тяходыгъ говоритъ, что выше есть большія поляны, гдѣ были горскія селенія, и гдѣ еще недавно сохранялись большія шостройки. Это и есть то мѣсто, которое на картѣ названо Медовѣвскою поляною.

Черезъ Цвижипсе греки, послѣ сдѣланнаго полянѣ, построили мостъ. Устой его—изъ грубыхъ срубовъ, наполненныхъ камнями. На устои положены длинныя, выступающія надъ водою, бревна, у берега тоже заваленныя камнями. На верхнемъ концѣ этихъ бревенъ укрѣпленъ поперечный брусъ, на которомъ уже лежатъ три, обтесанныхъ съ верхней стороны, бревна. Весь пролетъ моста 18 аршинъ, и онъ ходуномъ ходитъ. Лошадь провести по немъ невозможно. Вообще затѣя не важная; въ малую воду удобнѣе и пріятнѣе перейти прямо въ бродъ, что мы сейчасъ и сдѣлали, а въ большую—мостъ навѣрное снесетъ, что скоро и случилось.

Увлечшись мостомъ, мы въ лѣсу, на разномъ мѣстѣ лѣваго берега Цвижипсе, потеряли нашу тропу и пошли сначала по другой, ведущей въ бывшія селенія Цвижи. Пройдя по ней съ полверсты, Тяходыгъ спохватился и увидѣлъ свою ошибку; тропка оборвалась, но у самаго обрыва, почти въ руслѣ рѣки, онъ указалъ мнѣ на какой-то минеральный источникъ, въ большую

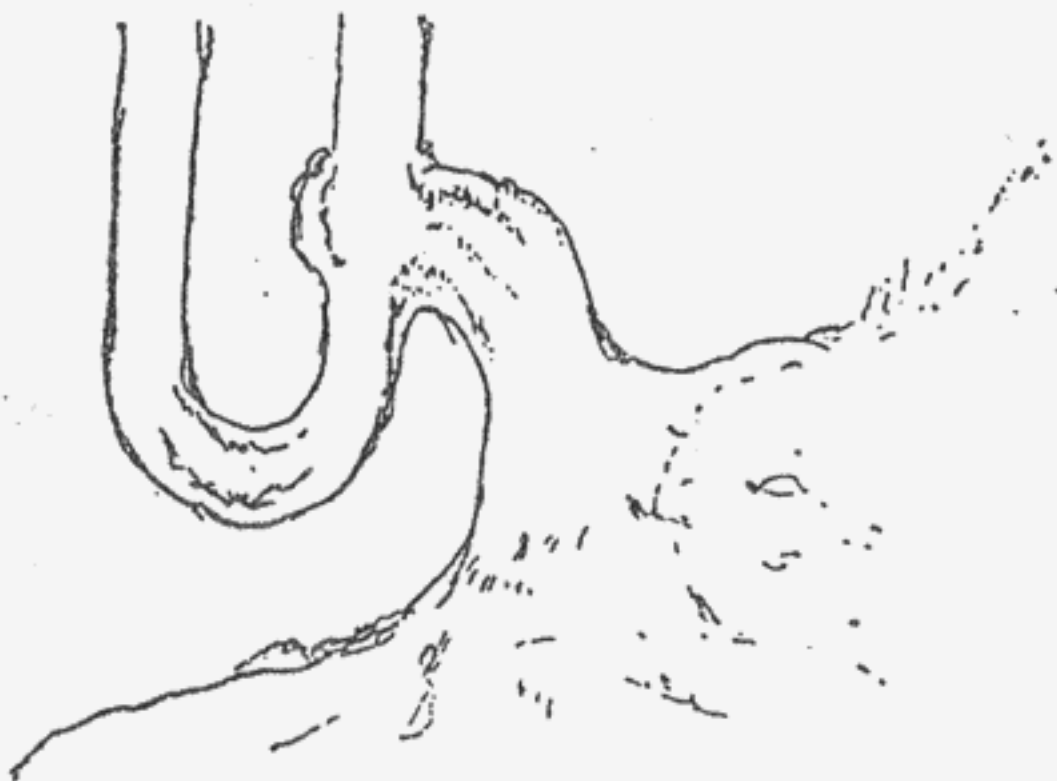
воду, навѣрное, заливаемыѣ. Вода въ немъ очень холодная, сильно газированная, но на вкусъ непріятная. Тляходыгъ говоритъ, что дальше въ горахъ такихъ источниковъ будетъ очень много.

Отъ источника мы поспѣшно вернулись обратно. Настоящая наша тропа пошла въ гору. Все лѣсъ, съ преобладаніемъ бука. Многими зигзатами, но не такими опасными, какъ подъ Кешшемъ, спускаемся, мимо группы большихъ каштановъ, на хорошенькую поляну съ сочною свѣжою травою. Рѣшаемъ поджарить Ваську, да и самимъ закусить. Съ поляны, черезъ Мдзымту, видны высокія горы лѣвато ея берега. Между ними красиво выдѣляются розовыя скалы. Ахиоміоэ. Тляходыгъ говоритъ, что какъ разъ надъ этими скалами проходитъ удобный перевалъ на Ашбугу, гдѣ на высокомъ берегу рѣки Цсоу протягиваются столь же интересныя поляны, какъ Романовскъ на Мдзымтѣ. Только черезъ Мдзымту перейти здѣсь невозможно даже въ малую воду. Дѣйствительно, характеръ ея измѣнился. Между Кешшемъ и Цвижипсе течение ея все же, сравнительно, конечно, спокойное, здѣсь же видъ ея чрезвычайно бурный. Русло завалено огромными камнями, черезъ которые рѣка мчитъ съ оглушительнымъ ревомъ. Теперь воды въ ней мало, она совершенно прозрачная, и все-таки шумъ ужасный. Что же бываетъ въ большую воду?

Идемъ далѣе. Въ низменныхъ тѣнистыхъ мѣстахъ много падаетъ красиво цвѣтущихъ крупныхъ колхикусовъ. Проходимъ черезъ четыре маленькіе ручейка, то подымаясь, то опускаясь, и по временамъ опять по довольно опасной дорожкѣ. На полянахъ внизу у Мдзымты встрѣчаются уже прецкіе орѣхи, вѣрный признакъ бывшаго жилья. Въ лѣсу же продолжаетъ преобладать букъ. Въ одномъ мѣстѣ буквое дерево приняло удивительно оригинальную форму, въ видѣ латинской буквы U, причемъ оба ствола растутъ.

Въ другомъ мѣстѣ, прямо надъ тропой, со скалы падаетъ холодная-прехолодная вода.

Странно, откуда она такая холодная? Въ маленькихъ рѣчкахъ вода теплая, много теплѣе, чѣмъ въ Мдзымтѣ. Тляходыгъ дѣлаетъ изъ листа лопуха, хотя просто, но искусно и удобно, «казенную кружку», какъ онъ выражается, и всѣ утоляемъ жажду.

Пройдя четвертую рѣчку, опять встрѣчаемъ живописную поляну съ грецкими орѣхами и съ хорошою травою. Уже перс-
вашило за полдень, и Васыка шагъ порядочно усталъ. Даемъ
ему отдыхъ. Направо за Мдзымтой голая вершина Аиоти отъ
самыхъ шестъ покрыта облаками. Налѣво отроги Ачишко, на-
верху съ большими обрывами изъ краснаго камня; но это не
известнякъ, а особый красный песчаникъ. Известнякъ давно
прекратился. Теперь пошли все песчаники и какіе-то очень плот-
ные камни вулканическаго происхожденія.

Опять навьючили коня и двигаемся дальше. По крутой, ка-
менистой тропинкѣ поднимаемся высоко надъ Мдзымтою, ха-
рактеръ которой опять измѣнился. Теперь уже сплошныя ка-
менные гряды перегородиваютъ рѣчное русло съ одного берега
до другого, образуя настоящіе пороги. Взираемся на опромную,
нависшую надъ рѣкою, скалу, съ которой открывается удиви-
тельный видъ. Мдзымта у этой скалы дѣлаетъ крутой поворотъ
и видна на большое протяженіе и вверхъ, и внизъ. Русло ея
въ этомъ мѣстѣ завалено огромными камнями. Оглушительный
шумъ, клокотаніе точно въ кипящемъ котлѣ, разносятся далеко,
и сплошная шѣна покрываетъ всю видимую поверхность рѣки.
Очаровательно. Немного похоже на Иматру, но нѣсколько въ
другомъ родѣ. Воды значительно меньше, но паденіе ея круче
и камней больше, вслѣдствіе чего шумъ въ иномъ тонѣ, съ ка-
кимъ-то то завываніемъ, то шептаньемъ, то, наконецъ, не-
обычайнымъ грохотомъ. Кромѣ того, на Иматрѣ нѣтъ такихъ
высокихъ наблюдательныхъ точекъ, на одной изъ которыхъ мы
сейчасъ стоимъ, и берега ея не покрыты рододендронами и аза-
ліями.

Спустившись съ этой скалы, выходимъ на поляну, посре-
динѣ которой возвышается оригинальный совершенно обособлен-
ный, большой холмъ, поросшій лѣсомъ. Какъ разъ основаніе
для какого-нибудь величественнаго замка. Впослѣдствіи на этой
полянѣ поселился одинокій монахъ, которыхъ не мало можно
встрѣтить въ самыхъ глухихъ мѣстахъ горъ западнаго Кавказа.
Монахъ устроилъ себѣ здѣсь келейку, разработалъ полоску
земли, но какой-то негодяй убилъ его. Пройдя мимо монашескаго
холма и перейдя черезъ довольно большой ручей, вышли опять
на новую, великолѣпную поляну. Огромныя орѣховыя и другія
фруктовыя деревья были разбросаны по ней живописными груп-
пами; подъ ними трава скошена, а молодая блеститъ, какъ
изумрудъ. Еще немного, и передъ нами бурный потокъ, съ чрез-
вычайно холодною водою, перейдя который, мы вышли на об-
ширную поляну съ очаровательнымъ видомъ; кругомъ высокія
горы, съ зубчатыми вершинами, на которыхъ въ разныхъ мѣ-
стахъ виденъ снѣгъ.

губаа
 «Медежюн-губхъ, — говоритъ Тляходьгъ. — Романовскъ по нашему; а у туземцевъ мѣсто это называлось Кбааде, или Ахчинсоу».

Такъ вотъ онъ какой красивый!

Отъ высокихъ горъ по разнымъ направленіямъ спускаются на поляну шричудливые отроги. Налѣво поляна далеко протя-

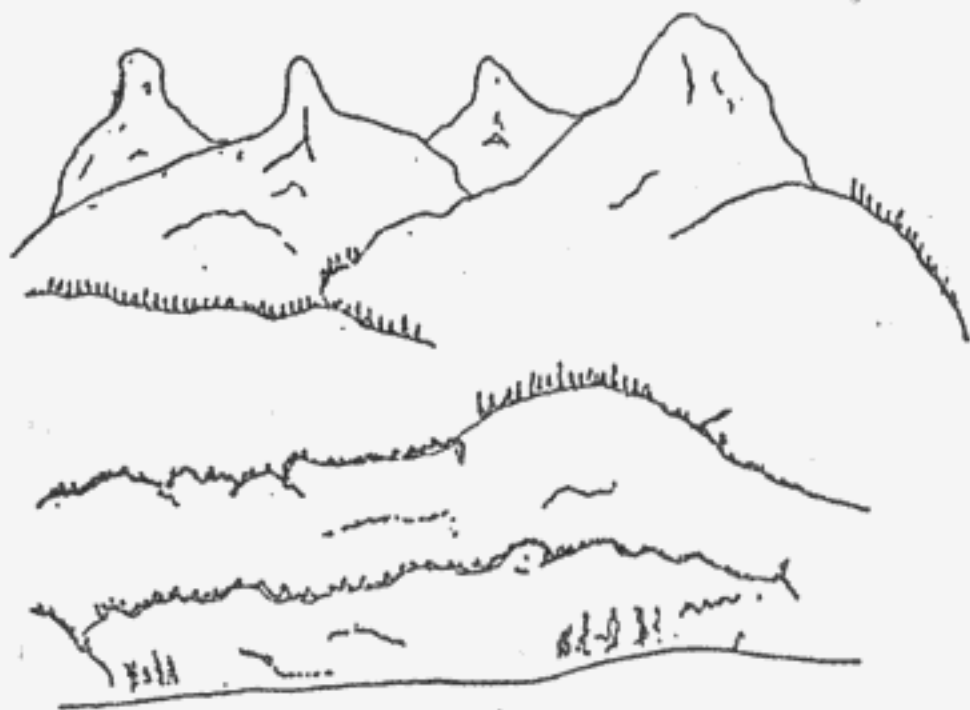

Ачишхо съ Романовской поляны.

нулась межъ двухъ такихъ огромныхъ отроговъ красиваго зубчатаго хребта Ачишхо, на которомъ виденъ снѣгъ. Направо за Мздымтой возвышается скалистая Аибга. А прямо, а въ отдаленіи, видна сильно покрытая снѣгомъ, вершина Абаго. Красиво удивительно!

Шутусъ, — другая снѣжная вершина главнаго хребта, такъ хорошо видимая съ морского берега, отсюда не видна; высокие отроги Ачишхо совершенно ее скрываютъ.

Вспоминаю восторженный отзывъ объ этомъ мѣстѣ барона Торнау, проходившаго здѣсь въ 1835 г. Онъ говоритъ, что мало знаетъ мѣстъ богатаго красотами природы Кавказа, которыя могли бы равняться по живописности съ долиною Мздымты въ Ахчинсоу.

Аибга съ Романовска.

Но тогда картина была нѣсколько иная. По всѣмъ склонамъ горъ лѣпились домики горцевъ, окруженные садами и полями кукурузы и томъ, а всѣ низы были заняты великолѣпными лугами. Къ шуму Мздымты примѣшивался говоръ людей, ржаніе лошадей и блеяніе козъ и овецъ. Теперь тихо и пустынно. Отъ горскихъ изъбъ нѣтъ и слѣда. Сады одичали. Поля заросли лѣсомъ, а луга — цыпуротникомъ. Взамѣнъ домашнихъ животныхъ,

На русск. Ривьерѣ.

бродячь стада дикихъ звѣрей. Когда-то еще все это перемѣнится, а сейчасъ жалкія избушки грековъ наводятъ лишь уныніе. И затѣмъ такія чудныя мѣста отдають чужеземцамъ?

Когда я былъ здѣсь въ первый разъ, въ 1871 г., т. е. одиннадцать лѣтъ тому назадъ, видъ былъ куда пріятельнѣе. Здѣсь тогда были поселены женатые солдаты одной изъ ротъ стрѣлковаго полка, занимавшаго разные пункты поберекья. Сады, поля, луга еще не были такъ запущены, а посрединыя Романовскаго селенія возвышались, далеко видимая, гигантская пихта. Подъ сѣнью этой пихты, 21-го мая 1864 г., въ день святыхъ Константина и Елены, въ присутствіи Великаго Князя намѣстника Михаила Николаевича и всѣхъ отрядовъ войскъ, бывшихъ съ моря и изъ-за главнаго хребта, было совершенно торжественное молебствіе, съ салютомъ изъ пушекъ, по случаю окончанія столь долготѣней и кровопролитной кавказской борьбы.

Многое, по этому случаю, приходитъ мнѣ въ голову. Вотъ здѣсь обитало храброе разбойническое племя ахчипсоуцевъ, не признававшихъ никакихъ надъ собою властей, кромѣ своихъ пашекъ и юнжалоу. Ничѣмъ не стѣняемый произволъ, анархисты эти считали за идеаль свободу. Никакой государственной дисциплины они не только не желали, но и совершенно ея не понимали. И вотъ, они, послѣ упорной борьбы, шли передъ неукротимо шагнувшею всеобъемлющею идеею обширнаго государства. Должно-ли ихъ жалѣть? Поклонники сантиментальной любви, поклонники необузданной свободы, самостоятельности всякихъ маленькихъ народцевъ, навѣрное, ихъ жалѣють и считаютъ, въ этомъ случаѣ, русскихъ за варваровъ-угнетателей. Но я—натуралистъ, и сознаю, что лишь сильная любовь приводитъ къ благу, лишь сильная государственная власть обеспечиваетъ миръ, а слѣдовательно, и культуру. Мелкія государства, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, олицетворяли собою одинъ лишь раздоръ и безсиліе. И лишь такія великія государства, какъ древній Римъ, дали своимъ народамъ миръ и возможность культивировать всѣ свои способности для блага одной обширной родины. Не увлеклись правители Рима социализмомъ, нивелировавшимъ всѣ таланты и способности къ одному низкому уровню и погубившимъ и славу, и доблесть, и любовь къ отечеству, не увлеклись они этимъ безумнымъ ученіемъ, на какой бы удивительной высотѣ стояла теперь цивилизація!

Впрочемъ, не время теперь заниматься этими разсужденіями; въ голову они мелькають быстро, рассказывать же ихъ долго. Нужно вернуться къ этой самой Романовской полянѣ, съ которой была послана радостная вѣсть императору Александру Второму о славномъ окончаніи многотѣней войны. Въ воспоминаніе этого счастливаго событія, образованному на мѣстѣ молебствія не-

большому селенію, по просьбѣ командировъ всѣхъ собравшихся въ Кубаде отрядовъ, Великій Князь Михаилъ далъ наименованіе—Романовскъ. И вдругъ, великая честь, выпавшая на долю этого селенія, честь именоваться фамиліей своихъ Государей у него отобрана! И кѣмъ же? Какими-то оборванными полутурками-полутреками, самовольно здѣсь поселившимися и самовольно же переименовавшими это историческое названіе въ «Красную поляну». И подъ этимъ, ничего не говорящимъ нашему самосознанію именемъ мѣстность эта слыветъ и нынѣ *).

Вообще, эти греки—народъ порядочно-таки дикій, пожалуй, болѣе еще дикій, чѣмъ жившіе здѣсь ранѣе разбойники ахцишоувцы. Тѣ, по крайней мѣрѣ, любили красоты природы и были гостепріимны. Греки же, первымъ дѣломъ срубили вѣковую пихту, украшавшую всю поляну. Зачѣмъ срубили? Чтобы нарвать изъ нея драні для своихъ жалкихъ избушекъ, хотя до пихты, что растутъ крутомъ на горахъ, рукой подать. Гостепріимствомъ тоже не блещутъ. Насъ встрѣтили крайне недружелюбно. Тляходьгъ не могъ даже добиться отъ нихъ, чтобы они отвели для меня хотя бы одну комнату. Самимъ, говорятъ, тѣсно. Тляходьгъ съ негодованіемъ говоритъ, что это не люди, а татъ, неизвѣстно что. Гзсказываетъ по этому случаю, что, когда Богъ создавалъ людей, то первыхъ, конечно, онъ создалъ черкесовъ, потомъ—русскихъ и всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ Тляходьгу, народовъ. Когда всѣ были созданы, то остались разные обрѣзки; вотъ изъ этихъ-то негодныхъ обрѣзковъ Богъ и создалъ грековъ. «Ну, какіе же они могутъ быть люди»?—прибавляетъ Тляходьгъ.

Но дѣлать нечего, не пускаютъ; и мы собираемся покинуть негостепріимное селеніе и расположиться гдѣ-нибудь подъ раскидистымъ деревомъ. Вдругъ, къ величайшему нашему удивленію, видимъ русскаго. Оказывается, изъ Харьковской губерніи, и зовутъ его Гордѣй Демьянско. Чего отъ сюда зашелъ? Богъ знаетъ. Промышляетъ охотою, и мясо убитыхъ звѣрей вымѣниваетъ у грековъ на хлѣбъ. Съ удовольствіемъ принимаемъ его приглашеніе. Живетъ онъ на окраинѣ, въ избушкѣ въ одну квадратную сажень. Духота въ ней невыносимая, пахнетъ протухлыми кожами и всякою гадостью. Дождя не предвидится, и я предпочитаю расположиться на вольномъ воздухѣ.

Пока еще не стемнѣло, Гордѣй показываетъ намъ, недалеко отъ своей хатенки, какой-то цилиндрической формы, вырытый

*) 7-го іюня 1899 г. названіе Романовскъ было Высочайше возстановлено закономъ, образовавшимъ на этомъ мѣстѣ городъ Романовскъ. Но, несмотря на то, иноземцы продолжаютъ торжествовать, и даже правительственная почта и телеграфъ именуются—«Красная Поляна». Удивительно!

въ землѣ не то погребъ, не то колодезь. Стѣны этого подземнаго сооруженія обложены камнями, а верхнее отверстіе закрыто огромною, въ сажень въ діаметрѣ, каменною плитою. Плиту мы отодвинули, и на днѣ, на глубинѣ около двухъ сажень, въ насыщенной туда мелкой землѣ, нашли много желѣзныхъ, сильно заржавленныхъ наконечниковъ стрѣлъ, одинъ очень хорошій стальной наконечникъ для копья и какой-то еще желѣзный, совершенно перержавленный, довольно большой крестъ.

За вечеръ Тляходьгъ сдѣлалъ мнѣ великолѣпную кизилевую палку, вставивъ на нее найденный наконечникъ копья. Это было очень пріятно, такъ какъ ходить по горамъ безъ хорошей палки очень трудно.

Ночь была тихая и ясная, но шодъ утро сдѣлалась сильная роса и очень свѣжо. Я порядочно озябъ и съ удовольствіемъ сталъ грѣться у раздутато Тляходьгомъ костра. Но скоро надобность въ немъ миновала; изъ-за горы Ачшха, тоже на главномъ хребтѣ, но справѣсѣ Абатъ, показалось солнце, быстро обогрѣвшее утренній воздухъ. При восходѣ солнца я долго любовался удивительно эффектными переливами тѣней въ отдаленныхъ горахъ. Совѣщаемся, куда направиться, хочется побывать всюду. Рѣшаемъ прежде всего подняться на ближайшій къ намъ Ачшхо. Гордѣй вызывается быть проводникомъ. Въ виду совершенной неизвѣстности состоянія пути, Тляходьгъ совѣтуетъ лошадь оставить на полянѣ. Я боюсь, какъ бы ее кто не укралъ; слишкомъ обычное происшествіе на Черноморскомъ побережьѣ. Но Тляходьгъ успокаиваетъ меня тѣмъ, что «скорѣе онъ отрѣжетъ голову тому, кто осмѣлится украсть нашу лошадь», и прибавляетъ далѣе, для моего еще большаго успокоенія, что «въ этихъ мѣстахъ очень легко замѣнить одной украденной лошади получить двѣ, да еще можетъ быть, и лучшія». Въ виду такихъ вѣскихъ аргументовъ, соглашалось, что лошадь можно оставить. Часть вещей тоже оставляемъ въ избушкѣ Гордѣя, дверь которой, однако, очень ненадежна. Но Тляходьгъ ставитъ на ней какіе-то кабалистическіе знаки и говоритъ, что теперь никто не рѣшится ее тронуть. Успокаиваемся на этомъ, и что нужно взять съ собою, раскладываемъ на каждомъ, сообразно съ его силами. Тляходьгъ беретъ на себя больше всего. Гордѣй хотѣлъ бы ничего не нести, но Тляходьгъ этого ему не позволяетъ, указывая на меня, на долю котораго пришлось не менѣе 30 фунтовъ, не считая ружья. Я свою сумку съ грузомъ помещаю высоко на спинѣ, натягивая ремень отъ нея лѣвою рукою; такъ всего удобнѣе, съ большимъ грузомъ, идти въ гору.

Идемъ большою поляною, прямо по направленію на Ачшхо. По обоимъ краямъ поляны текутъ быстрые, съ чистою и холодною водою ручьи, дающіе грекамъ возможность имѣть проведенную воду въ каждый свой домъ и въ каждый огородъ. Склоны

за ручьями покрыты старыми фруктовыми деревьями. Цѣлые лѣса каштановъ. Много орѣховъ, яблонь, грушъ, сливъ, черешенъ; а по ольхамъ титанскія лозы винограда. Ни бичъ яблонь — кровавая тля, ни злой врагъ винограда — оидіумъ, — сюда еще не забрались. Тропка, по очень медленно поднимающейся полянѣ, привела насъ къ сухому руслу верховьевъ лѣвой рѣчки. Пошли бакія-то твердыя каменныя породы, трахиты, признаки какихъ-то рудъ, что-то въ родѣ сѣрнаго колчедана, свинцоваго блеска, и какъ будто бы несомнѣнной желѣзной руды. Нужно замѣтить, что горы Черноморскаго побережья всякими рудами вообще очень бѣдны; такъ что даже признаки ихъ очень интересны. Но особенно этими признаками заниматься нельзя было, такъ какъ тропа совершенно исчезла. Тляходыгъ, все время скептически относившійся къ познаніямъ Гордѣя, начинастъ волноваться. Дѣйствительно, рѣчное русло, какая же это дорога? Но Гордѣй съ торжествомъ выводитъ насъ вновь на чуть замѣтную тропинку. Но торжество его непродолжительно; тропинка быстро потерялась въ ужасныхъ заросляхъ орѣшника и лавровишны. Итти черезъ приваленныя зимнимъ снѣгомъ и перепутанныя заросли было очень трудно. Ужъ и я начинаю ворчать. Но Гордѣй, все не унывая, выводитъ насъ на правую рѣчку, бѣгущую здѣсь каскадами съ камня на камень. Камни чрезвычайно скользки, вода ужасно холодна, и я уже нѣсколько разъ упалъ. При каждомъ моемъ паденіи Тляходыгъ утѣщаетъ Гордѣя подзатыльникомъ, но тотъ, добродушно къ этому относясь и нисколько не смущаясь, продолжаетъ вести насъ по водѣ и камнямъ. Наконецъ, мы подходимъ къ отвѣсной скалѣ, съ которой падаетъ водопадъ. Гордѣй увѣряетъ, что онъ именно здѣсь и поднимался. Что-то сомнительно. Но на верху скалы видны сосны; миѣ онѣ кажутся очень страшными; для приморской — далеко, для обыкновенной — не тотъ хабитусъ и слишкомъ низко. Очень упрашиваю Тляходыга посмотреть, нельзя-ли подняться, хоть бы самую маленькую вѣточку достать миѣ. Тляходыгъ осматриваетъ скалу со всѣхъ сторонъ и говоритъ, что забраться наверхъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности: «куница, и та не влѣзетъ». Бранимъ всѣ втроемъ Гордѣя и общимъ совѣтомъ рѣшаемъ подыматься вправо, на большой, покрытый густымъ лѣсомъ, отрогъ Ачинхо. Гребень его кажется не далекъ. Кленъ, грабъ, а выше букъ и масса на всемъ пути лавровишенъ, рододендроновъ, азалій, кустообразной голубики съ спѣлыми ягодами, и мѣшалоу, и помогають итти. Долго, съ большимъ трудомъ карабкаемся, цѣпляясь за камни и кусты, и, наконецъ, продолжаемъ всѣ трудности, достигаемъ верха хребта.

Чудная, поразительная картина открылась намъ тамъ. Всѣ мы ахнули, не исключая и Гордѣя. Наверху, вмѣсто ожидаемаго гребня, оказалась большая поляна, или вѣрнѣе котловина съ

слегка приподнятыми краями, покрытая изумрудною травою съ массою роскошнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, — синихъ, желтыхъ, бѣлыхъ, — всѣхъ цвѣтовъ радуги. Посрединѣ тихое озеро съ ясною водою. За озеромъ и крутомъ по окраинамъ большой буковый и кленовый лѣсъ. Много настоящей черники, настоящей съгερной, сочной и сладкой красной малины и черной смородины. На морскомъ берегу ничего этого нѣтъ.

Отдыхаемъ. Команда моя осматриваетъ свои ружья; хотятъ посмотрѣть, нѣтъ-ли какого-нибудь звѣря. А-я, тѣмъ временемъ, купаюсь, къ величайшему ужасу Петре и Тляходьга. Петре въ ужасѣ отъ тритоновъ, которые, по его мнѣнiю, не что иное, какъ оборотни-черти. А Тляходьга увѣряетъ, что въ этомъ озерѣ могутъ жить и дикiя женщины, которыя затянутъ меня къ себѣ въ глубину. Но ни тритоны ничего мнѣ не сдѣлали, ни дикiя женщины не соблазнились мною, но купаться было не особенно прiятно: вода выносива лишь на поверхности, а немного глубже чрезвычайно холодна. Тляходьга скоро вернулся и сказалъ, что нашелъ настоящую дорогу, идущую мимо очень сильнаго родника, которая, навѣрное, на обратномъ нашемъ пути легко приведетъ насъ внизъ, въ Романовскъ; нужно только предварительно ее изслѣдовать. Впослѣдствii мы эту дорогу прорубили и исправили и много лѣтъ съ лошадьми и вьюками подымались и спускались по ней.

Никакого звѣря не оказалось, и мы двинулись дальше. Подымаемся легко пока все полянами, съ одной на другую. Вездѣ прекраснѣйшая трава, кусты, цвѣты, но лѣсъ все мельче, и тихiя озерца тоже меньшихъ размѣровъ. Гордѣй увѣряетъ, что онъ теперь все равно, что у себя дома. Но оказывается, что онъ и дома можетъ заблудиться: на одномъ скалистомъ подъемѣ опять теряетъ тропу, и мы опять карабкаемся по ужасной кручѣ. Здѣсь и кустовъ даже нѣтъ; подъемъ очень труденъ; къ тому еще, гдѣ-то наверху вдругъ показался дикiй козелъ, и команда моя, замѣтивъ его и соревнувая другъ передъ другомъ въ скорости, моментально скрылась изъ моихъ глазъ. Гдѣ они промчались — не видно. Круто и чрезвычайно скользко. Нѣсколько разъ падало. Но кое-какъ, цѣпляясь за траву руками и чуть-ли не зубами, и ползкомъ, и на четверенькахъ, достаю, наконецъ, вершины.

Отдыхаю и оглядываюсь. Здѣсь лѣсу уже нѣтъ; только въ защищенныхъ мѣстахъ растутъ мелкорослые буки и корявые березы, но зато множество кавказскаго высокорослаго рододендрона (*Rhod. caucasicum*) высокихъ горъ; не того, что растетъ большими кустами (*R. ponticum*) тамъ, внизу; у того цвѣты лиловые, а у этого — бѣлые. Прямо, передо мною, большая котловина, покрытая низкою, точно подстриженною травою, и съ нѣсколькими маленькими озерцами. Солнце заходитъ. Картина

восхитительная. Который ужъ это разъ, даже сегодня, мнѣ приходится восхищаться поразительными красотами этихъ дивныхъ мѣстъ. Прямо, черезъ противоположный край котловины, высятся громадный Шутусъ, съ ледниками и снѣгами, откуда бѣгутъ шумные ручьи. Внизъ отъ Шутуса безконечный тихтовый лѣсъ. Влѣво, въ большомъ отдаленіи виденъ Фиптъ съ своимъ скалистымъ продолженіемъ, Оштенонъ. Вершины ихъ позолочены лучами заходящаго солнца. Оглядываясь назадъ, откуда я поднялся. Тамъ, внизу, какъ на ладони, Романовская поляна, съ убогими избушками полудикихъ трековъ, а далѣе, за Мдзым-тою, громада Аибги, бѣлая отъ своихъ известковыхъ скалъ, а еще далѣе высокія Бзыбскія горы, на вершинахъ которыхъ тоже еще не потухли заходящіе лучи. «Я вновь предъ тобою стою очарованъ».

Схожу внизъ, на котловину. Команда уже расположилась около небольшого озера, подъ защитою невысокаго хребтика. Они оживленно обвиняютъ другъ друга въ томъ, что козелъ ушелъ, не подпустивъ никого даже на выстрѣлъ. Но трапираться некогда, быстро всчерѣть. Собираемъ сушнякъ, разводимъ огонь, пьемъ чай съ галетами и укладываемся на рододендроновыхъ ложахъ, поближе къ костру. Ночь ясная и холодная.

Съ разсвѣтомъ встаемъ. Поспѣшно пьемъ чай. Тляходымъ говорить, что сердце его не можетъ знать покоя, пока онъ не принесетъ серны. Днемъ серны отъ мухъ уходятъ очень высоко, подъ снѣгъ, почему Тляходымъ торопятъ Петре и Гордѣя, чтобы захватить звѣрей, пока они не далеко еще ушли отъ почлега. Поспѣшно уходятъ. А я неторопливо иду собирать жуковъ.

Подъ каждымъ камнемъ попадается множество, совершенно незнакомыхъ мнѣ, великолѣпныхъ жуковъ. Многие изъ нихъ очень красивы. Особенно оригинальны большія плоскія жужжальцы, характерная особенность альпійскихъ областей. Опять нѣтъ предѣловъ моимъ восторгамъ. Иду вдоль гребня хребта, ворочая камень за камнемъ, все далѣе и далѣе. Все время ясная дорожка. Несомнѣнно, когда-то прежде пасли здѣсь овецъ. А теперь, конечно, дорожку поддерживаютъ медвѣди. Нѣсколько разъ опускался и подымался, прихожу къ глубокой сѣдловинѣ. Романовскъ опять, какъ на ладони. На эту-то самую сѣдловину Гордѣй вчера и мѣтилъ. Но оказывается, что нужно было на чать подъемъ гораздо лѣвѣе, и тогда мы непременно вышли бы на эту сѣдловину. Но все хорошо, что хорошо кончается; знай Гордѣй твердо дорогу, тогда мы не попали бы на тѣ прелестныя поляны, что оставили ниже, въ буковомъ лѣсу.

Съ сѣдловины тропа пошла вправо и, обогнувъ крутой отрогъ, привела меня къ большому водопаду. Это истоки притока Мдзым-ты, отбѣгающаго Ачишхо съ сѣверо-востока; притокъ этотъ Тляходымъ называетъ Ачишсе, а у абхазцевъ онъ называется Зикудой.

а на нашихъ картахъ.—Пузико. / Наверху, откуда водопадъ спускается, еще издали былъ виденъ снѣгъ. Снѣгъ меня соблазняетъ; многіе жуки не отъ мухъ, а отъ жары, возможно, уходятъ, какъ серны, высоко къ снѣгу. Рѣшалось подняться дальше. Ясная дорожка ведетъ меня въ обходъ водопада и приводитъ къ большому снѣжному полю. Нахожу и здѣсь много рѣдкостей. На пути, три раза вижу сернь; чего-то онѣ беспокоятся; вѣрно мои охотники ихъ напугали. Близко уже къ вершинѣ главнаго Ачишхо. Гора эта издали, съ морского берега, представляется ровнымъ длиннымъ хребтомъ; таковъ онъ, отчасти, и есть на самомъ дѣлѣ. Вершина хребта, достигающая до 8 тысячъ футовъ высоты, мало выдается надъ общимъ преобиемъ, и лишь тотъ его поворотъ, который замыкаетъ Романовскую долину, сильно и красиво иззубренъ. Къ сожалѣнію, когда я добрался до главной вершины, то полюбоваться видомъ не могъ. Сдѣлалось сильно пасмурно. Замдзымтинскія горы уже совершенно не видны. Сильный вѣтеръ съ моря низко гонитъ тучи, того и смотри пойдетъ дождь; но, къ удивленію, подходя къ Ачишхо, тучи быстро устремляются кверху и идутъ даже выше Шугуса. Очевидно, сейчасъ здѣсь теплѣе, чѣмъ на лѣсистыхъ хребтахъ, заполняющихъ все пространство между Ачишхо и моремъ. Но уже много за полдень, а я зашелъ очень далеко, нужно торопиться назадъ.

Пускаюсь въ обратный путь. Но бока гребня, по которому я пришелъ къ главной вершинѣ, очень круты и спускаться чрезвычайно трудно; упасть очень опасно. Бока эти во многихъ мѣстахъ безъ камней и покрыты очень скользкою травою, и вотъ у меня мелькнула идея, отчего бы не попробовать спуститься, какъ дѣти зимою съ горъ на санкахъ, а за неимѣніемъ саней, на собственныхъ салазкахъ. Ничего, спустился благополучно. Но при такомъ спускѣ нужно твердо знать, что впереди нѣтъ уступа. Только спустился, вдругъ очень близко отъ себя увидѣлъ трехъ горныхъ козловъ. Передній былъ очень большой, съ большими, прямо назадъ зашутыми рогами, и съ большою бородою. Поспѣшно положилъ ружье, которое вѣчно мнѣ мѣшаетъ, и вытащилъ записную книжку, чтобъ зарисовать ихъ, но они, скверные, не стали этого ждать и убѣжали на хребетъ, соединяющій Ачишхо съ Шугусомъ. Тороплюсь дальше, но опять задержка. Пройдя водопадъ и выбираясь уже на послѣдній хребетъ, спутнулъ изъ рододендроновъ большого самца торной индѣйки,—интересная птица; а еще дальше совсѣмъ изъ-подъ ногъ вылетѣлъ цѣлый выводокъ кавказскихъ тетеревей (*Tetrao Mlokosewitschi*).

Сильно прибавляю шагу, такъ какъ тучи начали ступаться и на Ачишхо, но я уже ясно вижу мѣсто нашей остановки. Близко къ вечеру сдѣлался густой туманъ; но и охотники успѣли избѣгнуть его и явились, торжественно неся убитую Тляходымъ серну. Увѣряютъ, что побили ихъ множество, но взять могли

только одну; другія упали въ кручи. А ходятъ онѣ тамъ будто бы табунами, штукъ по 300. Гордѣй въ томъ божится, хотя Тляходьгъ говоритъ ему: «Сбавь сотни хоть двѣ». Петре помалкиваетъ, такъ какъ намъ не въ первый разъ видѣть табуны сернъ, которыя врядъ-ли ходятъ болѣе 30 штукъ вмѣстѣ. Говорятъ, что тоже видѣли много такихъ же птицъ, какъ и я. Большихъ горныхъ индѣекъ (*Megaloperdix caucasica*) Тляходьгъ называетъ хуртка, а меньшихъ—кавказскихъ тетеревей (*Tethrao Mlokoze-witschi*), самокъ—горными курицами, а самцовъ—черными фазанами. Мясо этихъ горныхъ курицъ бѣлое, очень вкусное. Я въ горахъ многократно имѣлъ удовольствіе кушать ихъ. А козловъ они не видѣли. Тляходьгъ очень ими заинтересовался.

Разводимъ большой огонь и начинается стряпня. Тляходьгъ жаритъ мяѣ, на ружейномъ шомполѣ, шашлыкъ изъ сергиной вырѣзки, самое вкусное мясо, какое только можно себѣ представить. Для себя они жарятъ большіе куски реберъ и внутренностей, и съѣдаютъ ихъ въ поразительномъ количествѣ и даже еще полусырыми. Пиръ на славу. Одѣлаюсь тихо и сталъ пакрапывать дождикъ. Тляходьгъ проворно, покрикивая и муштруя Гордѣя, началъ сооружать шалашъ изъ вѣтвей, отдѣльный для меня и особый для нихъ. Ночью довольно прохладно; по временамъ ясно, а по временамъ мелкій дождь. Но шалашъ мой не промокъ, и постель изъ рододендровыхъ вѣтокъ тоже оказалась суха.

Утромъ совершенно прояснѣло. Провизіи теперь у насъ много и можно бы остаться здѣсь еще на одинъ день. Тляходьгъ очень занятъ козлами, которыхъ я видѣлъ вчера, а я чрезвычайно заинтересованъ очень оригинальнымъ шершейкомъ, куда ушли козлы, соединяющимъ Ачишхо съ Шугусомъ. Рѣшаемъ такъ: Петре, снабженный банкою для жуковъ, останется у шалашей караулить мясо отъ медвѣдей и... отъ Гордѣя, который, кажется, можетъ съѣсть полъ-серны заразъ. Гордѣй пойдетъ изслѣдовать найденную Тляходьгомъ въ первый день подъема дорогу. Онъ увѣряетъ, что непременно убьетъ на этомъ пути козу, какъ онъ называетъ серпу; онѣ, онъ говоритъ, теперь перепутаны и, навѣрное, спустились ниже, къ родникамъ. А я съ Тляходьгомъ пойдемъ по слѣдамъ вчерашнихъ козловъ.

Идемъ по знакомой уже тропѣ очень скоро и, поднявшись у водопада, поворачиваемъ направо, на хребетъ, куда вчера ушли козлы. Верхъ этого хребта представляетъ острый каменистый гребень, идти по которому небезопасно и очень трудно. Сначала онъ значительно повышался, а затѣмъ сталъ круто спускаться, сохраняя все тотъ же скалистый характеръ. Мы быстро спустились въ пихты, гдѣ пошло уже лучше. И вотъ, довольно рѣдкимъ пихтовымъ лѣсомъ, идемъ уже по самой сѣдловинѣ. Направо, круто внизъ, шумная Ачишсе, впадающая въ Мдзымту выше Романовска; направо, много выше, самые верхніе истоки Бѣ-

лой, впадающей въ Кубань. Мѣстность, туда влѣво, кажется огромною котловиною, покрытою дремучимъ лѣсомъ, тянущимся на много верстъ, до самыхъ подножій Фишта. Тляходьтъ рассказываетъ, что по этому дремучему лѣсу ходятъ лишь шайтаны; ночью по окраинамъ его, тамъ, гдѣ онъ переходитъ въ субъальпійскія поляны, можно встрѣтить очень много оленей и даже дымбаевъ—такъ черкесы называютъ зубровъ, абхазцы же говорятъ «адомбай». Бутъ тамъ и барсы, съ которыми на побережьи шутаютъ рысь, и о которыхъ сложились цѣлыя легенды. Когда на побережьи жителей было очень мало и для звѣрей было большое приговье, то отъ рысей житья не было бѣднымъ собакамъ; всѣхъ ихъ поперетаскали эти злобныя и сильныя кошки. Но это всегда, совершенно ошибочно, приписывалось барсамъ; барсы никогда къ морскому берегу не выходили.

Я, въ своихъ странствованіяхъ, оленей видѣлъ очень много, но всегда только благороднаго (*ceruus elaphus*); но меня увѣряли, что въ Кубанской области встрѣчаются будто бы и лани (*ceruus dama*). Зубровъ видѣлъ рѣдко. Между прочимъ, въ одну очень снѣжную зиму, зубры забрались даже близко къ морю; черкесы одного изъ нихъ убили на рѣкѣ Шахе, недалеко отъ своего селенія, а другого—на нижней Мзымтѣ, куда преслѣдовали его отъ Аюбии. Нормально же зубры на южный склонъ не заходятъ. Барса же видѣлъ я лишь однажды, и хотя разглядѣлъ его отчетливо,—звѣрь слишкомъ красивый и своеобразный,—но многіе относились къ этому моему сообщенію недоувѣрчиво. Теперь, фактъ ихъ нахожденія въ горахъ западнаго Кавказа установленъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Перешеекъ сталъ круто подыматься къ сторонѣ Шутуса. Скоро не только лѣсъ, но и кустарники кончились и подъемъ сдѣлался очень труденъ. Я часто сдерживаю нетерпѣніе Тляходьта, заставляя его переворачивать камни, подъ которыми мы опять находимъ много незнакомыхъ мнѣ жуковъ. Тляходьтъ смѣется, что для этого дѣла хорошо бы приручить медвѣдя, который, не стѣсняясь, ворочаетъ самые огромные камни. Вотъ уже миновали и рододендроновыя заросли; идемъ по чистой травѣ и видимъ влѣво, но еще очень высоко, снѣгъ. Гдѣ снѣгъ, мѣсто значить ровнѣе, и жуковъ больше. Приободряюсь. Хотя и очень трудно, но, цѣпляясь за камни, не отстало отъ Тляходьта. Кажется близко, но только кажется, на самомъ дѣлѣ еще очень далеко; ой, не вернутся-ли, пока не завлеклись Богъ знаетъ куда? Какъ вдругъ, прямо надъ собою, мы увидѣли большое стадо, болѣе пятнадцати штукъ, огромныхъ козловъ, но не такихъ, какихъ я видѣлъ вчера. То были настоящіе дикіе козлы (*Caprus aegagrus*), прародители нашихъ домашнихъ козъ, а это кавказскій туръ (*Aegocerus caucasicus*), форма переходная между козлами и баранами. Голову они держатъ высоко, а рога у нихъ изогнуты, по-

хоже какъ у барановъ, концами нѣсколько впередъ и сильно раздвинуты въ стороны. Красивая картина. Смотрятъ на насъ. Тляходыгъ заволеивался; но, прежде чѣмъ мы успѣли, что-либо предпринять, туры скрылись, и совершенно неизвѣстно куда. Вѣроятно, тамъ наверху, гдѣ они стояли, есть какое-нибудь провалье.

Начинаемъ опять подыматься. Но я волнуюсь уже не турами, а тѣмъ, что съ моря опять, по вчерашнему, стали набѣгать тучи. Поднялись и на тотъ гребень, гдѣ были туры, а ихъ нѣтъ. До снѣгу еще очень далеко, и тамъ, гдѣ-то по окраинѣ этого снѣга, различаемъ, какъ будто бы бѣгутъ какіе-то звѣри, но такъ далеко, что опредѣлить, что это такое, совершенно невозможно, хотя Тляходыгъ и увѣряетъ, что это именно наши туры. Но банка моя полна жуками и на сегодня съ меня довольно также и видовъ, можно бы на этотъ разъ отказаться и отъ тура. Тѣмъ болѣе, что тучи все грознѣе. Уговариваю Тляходыга вернуться. Какъ ему ни жаль расстаться съ турами, потоня за которыми Богъ знаетъ куда можетъ насъ завести, но благоразуміе и у него беретъ верхъ, и мы возвращаемся. Тляходыгъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что эти самые туры не уйдутъ отъ его руки, когда мы перейдемъ на большой переваль.

Какъ-то очень быстро прошли мы къ своимъ шаламамъ, и очень кстати; опять сдѣлался густой туманъ, а скоро пошелъ дождь. Петре набралъ полную банку жуковъ и блестяще исполнилъ роль караульщика. Какъ Гордѣй ни приставалъ, но до нашего возвращенія Петре не позволилъ ему дотронуться до серины. Самъ же Гордѣй не убилъ козу лишь случайно: «вѣдмедь» помышлялъ; говорить, что видѣлъ ихъ, будто бы, нѣсколько штукъ, но онъ такъ напуганъ вчерашнимъ побоищемъ, что подобраться къ нимъ трудно, далеко не подпускаютъ на выстрѣлъ; но, несмотря на то, онъ подобрался таки, и вдругъ «вѣдмедь». Дорогу же онъ великолыпно изслѣдовалъ до самой Романовской поляны. «Хоть ночью иди».

На утро угрожающій туманъ. Нужно уходить. Съ мѣста почлега Гордѣй дѣйствительно нашелъ настоящую дорогу, и мы легко спустились на слѣдующую поляну, съ которой съ такимъ трудомъ поднялись въ первый разъ. Продолжаемъ благополучно спускаться съ поляны на поляну. Вотъ и скалистый гребень, послѣ котораго скоро должно быть озеро съ тритонами и водяными женщинами. Но туманъ чрезвычайно сгустился, и мы попадаемъ на незнакомое для насъ мѣсто. Но Гордѣй смѣло идетъ впередъ, увѣряя, что здѣсь и есть настоящая дорога. Тропа дѣйствительно очень ясная, но большого родника, видѣннаго Тляходыгомъ, нѣтъ. Начинается споръ, — туда-ли мы идемъ? Но Тляходугу спускъ долженъ идти гребнемъ, а мы, спустившись уже порядочно, очутились въ долинѣ. Гордѣй божится, что, продолжая спускаться, выйдемъ прямо на его хатку.

Между тѣмъ спускъ дѣлается все круче и круче. Хорошо, что лѣсъ; мы уже въ области каштановъ, которыхъ здѣсь масса. Гордѣй даже узналъ одно опромное дерево, шодъ которымъ онъ убилъ «во, какого вѣдмеда», — показывая ростомъ съ добрую лошадь. Тляходыгъ, въ виду такого безспорнаго аргумента, какъ указаніе охотникомъ мѣста своей охоты, — не можетъ же онъ это мѣсто не знать, — поколебался даже въ своемъ скептизмѣ къ Гордѣю. Заговорилъ даже о томъ, что ужъ теперь-то онъ заставитъ такихъ-сякихъ грековъ дать намъ свой лучшій домъ; не мокнуть же намъ подъ дождемъ, который, того и смотри, разразится. Пріятныя мечты! А между тѣмъ дороги никакой нѣтъ и мы идемъ просто русломъ быстро увеличивающагося ручья. Ручей обратился въ цѣлую рѣчку, падающую, съ уступа на уступъ, великолѣпными каскадами. Переходить черезъ эти великолѣпныя каскады очень трудно. Направо и налево стѣны изъ аспидныхъ досокъ; мѣстами, между этими аспидными слоями, прослойки чего-то страшнаго. Тляходыгъ увѣряетъ, что это — «пароходныя дрова». Дѣйствительно, какъ будто бы каменный уголь, но только совершенно безъ блеска. Беру кусокъ съ собою. Но вотъ бѣда, — каскады все увеличиваются. Приходимъ къ настоящему водопаду, низвергающемуся въ глубину сажень на десять. Съ одной стороны, на полпути паденія, видна площадка и на ней дерево. Ниже дерева, мягкая осыпь. Только бы добраться до дерева, тамъ по осыпи можно и скатиться. Тляходыгъ вырубаетъ предлинную жердь, на одномъ концѣ которой оставляетъ нѣсколько вѣтокъ въ видѣ крючковъ. Крючьями этими укрѣпляютъ жердь къ прочному дереву. Жердь такъ длинна, что хватаетъ до торчащаго на полпути дерева. Тляходыгъ спускается первый. Жердь выдержала. Площадка крѣпка. Кричитъ чтобъ на тонкихъ жердяхъ опускали къ нему вещи. А оттуда онъ ихъ уже спускаетъ на осыпь. Такимъ путемъ благополучно спускаемся и всѣ мы. Но у края осыпи оказался еще глубокій бассейнъ. Прошли и его, хотя воды по поясъ и она очень холодная. Теперь ручей уже не падаетъ такъ круто, и мы скоро выходимъ на какую-то небольшую поляну. Ничего похожего на Романовскъ. Недоумѣваемъ, Гордѣй тѣчсывается. У Тляходыга зудятъ руки дать ему хорошій подзатыльникъ. Туманъ началъ разсѣиваться и, влѣво отъ себя, мы ясно различили зубцы Шугуса. Всѣ мы такъ и ахнули.

Спустились мы, значитъ, въ совершенно противоположную сторону отъ Романовска, въ верховья Ачипсе, и отсюда до возжелѣннаго большаго греческаго дома, о которомъ мечталъ Тляходыгъ, добрыхъ верстъ двадцать. Петре съ Тляходыгомъ напускаются на Гордѣя, который, сознавая свою вину, кротко молчитъ. Я ихъ всѣхъ успокаиваю; правда, серну мы уже съѣли, но у насъ есть еще сыръ, галеты, чай, такъ что-жъ тутъ торовать; не все-ли равно сегодня, или завтра мы будемъ въ Романовскѣ. Хотя тучи

и предупреждаютъ насъ, что это далеко не все равно. Вечерѣтъ, и мы идемъ искать болѣе удобнаго мѣста для ночлега. Только тронулись въ путь, вдругъ прямо передъ нами медвѣдь, какого-то сѣрато цвѣта. Не успѣлъ я даже вскрикнуть, какъ его уже застрѣлили. Онъ даже не бѣжалъ отъ насъ, а добродушно повернулся и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ; раненый разорвалъ мнѣ душу ужаснымъ крикомъ. Казалось, онъ закричалъ намъ: «Жестокіе, что я вамъ сдѣлалъ?» Тляходыгъ, въ утѣшеніе сказалъ мнѣ, чтобъ я не убивался: вѣдь это тотъ самый медвѣдь, котораго Гордѣй убилъ уже подъ тѣмъ каштаномъ, мѣстополюженіе котораго онъ такъ твердо помнитъ. Пока возились съ медвѣдемъ, совсѣмъ стемнѣло. Пришлось заночевать какъ попало, въ несудобномъ мѣстѣ, чуть-ли не на руслѣ какого-то ручья. Развели большой костеръ. Я прошу зажарить мнѣ кусокъ медвѣжатины. Тляходыгъ не соглашается, говоритъ: «грѣхъ». — «Почему грѣхъ?» — спрашиваю я. — «А какъ же, — отвѣчаетъ: — развѣ ты не знаешь, что медвѣдь прежде былъ священникомъ, который согрѣшилъ, и вотъ Богъ обратилъ его въ медвѣдя; посмотри какія у него лапы: все равно, что у насъ съ тобою». Петре его поддерживаетъ. Стрѣлять медвѣдѣ, по ихъ мнѣнію, никакого грѣха нѣтъ, а ѣсть — большой грѣхъ. Такъ медвѣжатины я, въ этотъ разъ, и не получилъ. Мясо, впрочемъ, жесткое, невкусное; вѣролтно — за грѣхи священника.

Ночью разразилась сильнѣйшая гроза съ ливнемъ. Гроза въ горахъ по безконечнымъ раскатамъ грома — нѣчто необычайное. Промокъ я насквозь. Тляходыгъ съ Петре почти не спали, стараясь не дать затухнуть костру. На одного лишь Гордѣя, дождь и гроза дѣйствовали, повидимому, усыпляющимъ образомъ; все ночь онъ не шелохнулся.

Поневолѣ встаемъ до свѣту. Дождь прекратился. Разводимъ огромный костеръ, и я просушиваюсь до-суха. Команда не сушится; увѣряютъ, — не стоитъ, все равно сейчасъ опять пойдемъ въ воду. А по-моему, чрезвычайно важно передъ выходомъ надѣть на себя все сухое. Трогаемся. Долина Ачишсе сильно расширилась, и мы идемъ по прекраснымъ мѣстамъ старыхъ сельбищъ. Множество тигантскихъ орѣховъ, яблокъ, грушъ, сливъ; послѣднія, къ нашему общему сожалѣнію, еще совершенно не спѣлыя. Слева все время нашего пути видны причудливыя зубцы горы Ассара, продолженія Шугуса, а ниже ихъ — дремучій пихтовый лѣсъ; справа, отроги Ачишхо, склоны которыхъ покрыты большимъ листованнымъ лѣсомъ, въ нижнихъ горизонтахъ съ сильнымъ преобладаніемъ огромныхъ каштановъ. Идемъ по какой-то старой тропѣ, которая привела насъ къ минеральному источнику, обдѣланному совершенно почернѣвшимъ грубымъ срубомъ. Ясно, что горцы считали источникъ этотъ за целебный. Но, отъ какихъ болѣзней? Тляходыгъ говоритъ, что отъ всякихъ, — «если конеч-

но Богу угодно помочь». Вода въ источникѣ сильно газированная, но холодная и съ такимъ же непріятнымъ желѣзистымъ вкусомъ, какъ и въ источникѣ на Цвижице.

Въ мѣстѣ впаденія Ачице въ Мдзымту должна сразу суживается. Слѣва, вплоть къ самой рѣкѣ, подходит большая скала, по требію поросшая какими-то странными соснами. Справа, съ нашей стороны, — тоже скала, но не столь высокая. На скалѣ этой развалины какой-то большой каменной постройки, въ видѣ длинной стѣны. Стѣна эта сложена изъ извести, съ примѣсью крупнаго песка, изъ довольно правильныхъ камней, попеременно съ большими плоскими кирпичами. Кладка похожа на береговыя развалины. Но кому она можетъ принадлежать? Горцы, въ теченіе многихъ столѣтій населявшіе эти мѣста и недавно отсюда выселившіеся, никакихъ построекъ изъ камня не возводили; полудикари, слѣды жизни которыхъ такъ быстро исчезаютъ. Тляходыгъ говоритъ — «богатырямъ». Неужели же римляне забрались и сюда?

Между этою скалою, гдѣ развалины, и рѣкою остается узкая тропа. Огибая скалу, надъ самою уже Мдзымтою, тропа становится довольно опасною, а въ большую воду по ней, конечно, пройти невозможно. Гордѣй говоритъ, и на этотъ разъ правду, что выше этой скалы есть съ Ачице перевалъ, очень крутой. Благополучно миновали скалу и идемъ уже надъ Мдзымтою опять по очень большому и красивому шолынамъ. Налѣво, за Мдзымтою, кажется совсѣмъ близко, высится эффектная Аибга, отсюда уже не съ тремя, а съ четырьмя скалистыми вершинами. Громко разговаривая, какимъ бы путемъ на нее забраться, спускаемъ волчицу съ шестью волчатами. Волчата, отбѣжавъ немного, всѣ сразу, точно по командѣ, останавливаются и оборачиваются къ намъ. Тляходыгъ, Петре, Гордѣй сразу стрѣляютъ, но у всѣхъ осѣчки. Я такъ былъ занятъ оригинальною картиною, что совершенно забылъ о своей берданкѣ, не дающей осѣчекъ, и получилъ отъ Тляходыга выговоръ: «Какъ это упустить волчицу. А убей мы ее, волчатъ живьемъ бы взяли». Это правда, что взяли бы.

Идемъ далѣе. Переходимъ бурный потокъ, еще одинъ подъемъ и спускъ, и мы спимъ въ Романовскѣ. Подходя, видимъ своего Ваську, который при видѣ насъ радостно заржалъ. И печати, наложенныя Тляходыгомъ на гордѣевскую дверь, дѣйствительно, оказали свое магическое дѣйствіе, и вещи наши оказались нетронутыми. Тляходыгъ на этотъ разъ въ столь энергическихъ выраженіяхъ, и словами, и дѣйствіями, потребовалъ для меня комнату, что таковая у одного стараго грека нашлась. Но, кажется, на сребролюбиваго грека болѣе соблазняющее дѣйствіе произвели не жесты Тляходыга, а видъ денегъ, которыя я далъ Гордѣю на покушку курицы, яицъ и всего прочаго.

Пока готовится супъ, я разбираю своихъ жуковъ и раскладываю ихъ по коробкамъ, къ величайшему удивленію набравшихся въ комнату грековъ, гречать и гречанокъ. Задаютъ обычные вопросы: «для какого это лекарства?» Тляходьгъ за меня отвѣчаетъ: «чтобы морить грековъ». Но когда Тляходьга нѣтъ, я объясняюсь съ ними больше знаками, такъ какъ греки эти ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ турецкаго, не говорятъ. Мнѣ рассказывалъ по этому поводу одинъ почтенный армянинъ, бывший въ Θεοδοσίи городскимъ головою, что большинство народовъ, покоренныхъ турками, забыли свой родной языкъ потому, что правительство турецкое примѣняло очень энергичныя мѣры къ отуреченію подчиненныхъ падишаху народовъ; всякому, осмѣливавшемуся въ публичномъ мѣстѣ говорить не по-турецки, отрѣзывали языкъ. Мѣра, конечно, чисто турецкая. Но какъ не можетъ быть настоящей сильной семьи, если мужъ и жена не слились въ одно нераздѣльное существо, такъ не можетъ быть и сильного государства, если члены, его составляющіе, не слились въ одну семью. Римляне, этотъ величайшій народъ древности, не изучали другихъ языковъ, кромѣ своего собственнаго, и нисколько не сомнѣвались, что всѣ граждане обширной Римской имперіи должны знать этотъ великій, общій для всѣхъ ихъ, языкъ.

Тляходьгъ умѣетъ объясняться на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ. Но я подозреваю, что эти объясненія можно уподобить разговору русскаго солдата, коверкающаго свой языкъ на всѣ лады и воображающаго, что тогда этотъ своеобразный воляшокъ и непонятному будетъ понятенъ. Вспоминаю по этому поводу одну забавную исторію. Однажды въ моемъ походномъ шалашѣ гостилъ молодой, только что ширѣхавшій изъ Индіи, англичанинъ Лаймль, сынъ англійскаго консула въ Тифлисѣ. Этотъ современный римлянинъ ни слова не зналъ по-русски, а по-французски выговаривалъ въ такомъ родѣ: ютыль,—нужно было догадаться, что это—utile. Вѣроятно я также выговаривалъ по-англійски; но это не мѣшало намъ хохотать до упаду. А потомъ, этотъ, изъѣздившій весь свѣтъ англичанинъ рассказывалъ, что во всю жизнь свою не провелъ онъ такой веселой недѣли, какъ со мною на охотѣ.

Обсупниваемся, обогрѣваемся и шируемъ на славу. Ночью происходитъ комическій инцидентъ. Хозяйской дочери показалось холодно, и она захотѣла забраться ко мнѣ подъ одеяло. Казалось бы, что ставить ей это въ вину нельзя, тѣмъ болѣе, что одеяло было ея. Но чутко спящій Тляходьгъ пришелъ въ страшное негодованіе и, охраняя мой сонъ, извлекъ ее оттуда за ногу. Когда я сталъ выговаривать ему, зачѣмъ онъ такъ трудно съ ней обошелся (вѣдь она только хотѣла обогрѣться), онъ возмущился: «Развѣ это дѣвушка?—посмотри, какія у ней ноги,

точно колоды, а грудь... точно у коровы; безстыдница была даже безъ шароваръ». По черкесскимъ взглядамъ, ноги у дѣвушки должны быть тонки и крѣпки, какъ у горной козы, а грудь... совершенно плоская, «какъ у куницы». Куница—это идеаль граціи и ума, по Тляходыгу.

Ночь ясная и тихая. На утро, опять безъ лошади,—пусть ее отдыхаетъ,—отправляемся на большой перевалъ. Гордѣй опять идетъ съ нами. Вчерашнею дорогою, теперь ужъ скоро и безъ задержекъ, подходимъ къ Ачипсе, которая, вслѣдствіе бывшаго дождя, все еще, по выраженію Гордѣя, значительно «играетъ». Переходимъ благополучно ее въ бродъ; но уже на той сторонѣ попадаемъ въ маленькій ручеекъ, съ удивительно холодною водою. И откуда только берется такой холодъ? Ноги мои совершенно окоченѣли. Сейчасъ же, послѣ небольшой прибрежной заросли, попали на прелестную поляну, съ превосходною травою и старыми кустовыми деревьями. Только ее прошли,—попали опять на такую же; и такъ съ поляны на поляну, бывшими садами, съ огромными орѣхами, яблонями, грушами подымаемся все выше и выше. Тропа сильно залущена. Мѣстами съ трудомъ пробираемся, прорубая заросли кинжалами. Удивительно, до чего греки лѣнны; имѣютъ постоянную надобность въ переходахъ на сѣверный склонъ, въ селеніе Псебай, и нисколько объ этой дорогѣ не заботятся. Тляходыгъ, идущій впереди и принужденный, то и дѣло, шускать свой кинжалъ въ работу, неистово бранить грековъ.—«Вотъ, если бы начальство было умное и меня, Тляходыга, назначило старшиною надъ греками, узнали бы они, какъ нужно держать дорогу».

Продолжая, все такъ же, съ помощью кинжаловъ, нашъ путь, мы, наконецъ, подымаемся выше области садовъ и достигаемъ сплошного лѣса. Стопимъ на небольшомъ перевальчикѣ. Дорога раздваивается:—одна идетъ внизъ къ старымъ горскимъ селеніямъ надъ Мдымтою, шумъ которой ясно доносится даже сюда. Другая же, очень крутыми и короткими зигзагами, подымается гребнемъ горы, далѣе вверхъ. Все еще встрѣчаются каштаны, а дуба даже очень много. Подъемъ утомителенъ, какъ по крутизнѣ, такъ и по зарослямъ. Много приходится рубить, что Тляходыгъ дѣлаетъ очень искусно, но это сильно задерживаетъ движеніе. Но насъ ободряютъ темныя лихты, близко уже видѣющіяся вверху надъ нами. Въ пихтахъ дорога пойдетъ ровнѣе.

Наконецъ, достигаемъ и пихтъ. Батюшки, что за деревья! Всѣ мы разѣваемъ даже рты отъ удивленія. Подобныхъ пихтъ мы еще нигдѣ не видѣли. Петре говорить, что только для того, чтобы посмотреть на такіа деревья, стоило преодолѣть всѣ трудности и притти сюда. Тляходыгъ не пожалѣлъ бы отдать все свое имущество за то, чтобъ хоть одна подобная пихта росла около его хатки. Дѣйствительно, есть чѣмъ восхищаться. Обыкновенный

размѣръ этихъ гигантовъ 60--80 аршинъ, при трехъ обхватахъ, но есть не мало колоннъ въ шестъ обхватовъ и до 100 аршинъ выотою. Множество этихъ великановъ упало отъ старости или вѣтра, и во многихъ мѣстахъ совершенно загородило дорогу. Приходится дѣлать большіе обходы, чтобы преодолѣть такія претруды. Полотая вершина этого хребта, именуемаго Псекохо, по которому мы идемъ, верстъ на десять покрыта все такимъ же великолѣпнымъ лѣсомъ. Вѣтра сейчасъ нѣтъ, и тишина въ этомъ вѣковомъ лѣсу кака-то волшебная. По временамъ, черезъ прогалины открываются великолѣпныя виды. Вверхъ по Мдзымтѣ видно много ровныхъ мѣстъ, а въ самыхъ верховьяхъ—громадныя снѣжныя горы. Въ другую сторону, кажется совсѣмъ близко, Шутусъ съ своими отрогами, со снѣгомъ и ледниками.

Подъ гигантскими пихтами, какъ-то мало замѣтенъ подлѣсокъ изъ шорядочныхъ еще буковъ, кленовъ и разныхъ мелкихъ кустарниковъ. Попадается много красной малины, но не такой сладкой, какъ на Ачишхо; конечно, тѣнь и сырость тому причиною. Почъ корою старыхъ пихтъ ловлю прелестныхъ жуужелицъ и другихъ интересныхъ жуковъ. Въ восторгахъ моихъ принимаетъ дѣятельное участіе и команда, и каждый громко выкрикиваетъ: «большой, красноногій»,—когда таковой ему попадается. Легко и весело идемъ все дальше. Но уже вечерѣетъ; и мы, дойдя до верхней окраины лѣса, располагаемся подъ огромною пихтою на ночлегъ. Гордый разыскалъ, гдѣ-то далеко внизу, роду и принесъ одинъ чайникъ. Поддерживаемъ большой огонь, но съ опаскою, чтобы не поджечь нашу пихту.

Сдѣлался большой туманъ. Гдѣ-то на горѣ слышенъ лай собакъ и блеяніе овецъ. Петре говоритъ, что это, навѣрное, ихъ мингрельскіе пастухи. Гордый же утверждаетъ, что это, безъ сомнѣнія, воры абхазцы, что каждую осень крадутъ у грековъ по нѣскольکو лошадей. Тляходыгъ предлагаетъ принести молодого барашка. «Все равно,—говоритъ,—мингрельцы-ли, абхазцы-ли, но они равно будутъ польщены тѣмъ, что ихъ барашекъ достался на ужинъ такому важному барину, какъ ты». Но я къ подобной радости неизвѣстныхъ намъ пастуховъ отношусь скептически. А Тляходыгъ настаиваетъ. «Ты не думай,—говоритъ,—я карабчить не буду, онъ самъ, миленькій, придетъ ко мнѣ въ руки». Тляходыгъ, дѣйствительно, такъ неподобно умѣетъ блеять, что глушымъ ягнятамъ воображаютъ, что это зоветъ ихъ мать, и идутъ къ нему въ руки.

О карабчить, я уже упоминалъ, что, по понятію черкесовъ, это слово—русское и обозначаетъ кражу лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ, а иногда—вообще воровство. Интересно, что на Кавказѣ очень много обращается такихъ странныхъ словъ, какъ: марушка (женщина), чушка (кабанъ), карабчить (воровать), аулъ (селеніе) и т. п., которыя черкесы считаютъ за

русскія слова, и крайне удивлялись, когда я спрашивалъ ихъ, какъ то или другое слово точно произносится на ихъ языкѣ. Вѣроятно, это все, перенесенныя изъ одного края въ другой, слова солдатскаго волянюка.

По поводу барашковъ и «карабчить» Тляходынъ пустился въ откровенность и рассказываетъ, что, «когда онъ былъ молодъ, то, дѣйствительно, не мало карабчилъ лошадокъ. Всякій порядочный черкесъ то же дѣлалъ. Ни одной ночи, бывало, не могъ спокойно провести дома. Какъ стемнѣетъ, такъ его точно бьетъ лихорадка, пока онъ не пойдетъ и у какого-нибудь ротозѣя не укарабчитъ лошадь. И сколько онъ этихъ лошадей карабчилъ, а все не впрокъ. Какъ хорошо, что теперь начальство строгое и воровать не позволяетъ. Гораздо теперь люди и умнѣе, и богаче сдѣлались. А прежде, когда черкесы сами надъ собой начальствомъ были, одинъ позоръ былъ. Каждый тогда только и думалъ, какъ бы поскорѣе сработать, или гдѣ бы украсть дѣвушку, чтобъ продать ее туркамъ. А развѣ можно было тогда такъ свободно ходить, какъ теперь? Тогда, если-бъ кто безъ всякаго спросу вздумалъ прийти къ медежюискимъ человѣкамъ, вотъ какъ теперь мы сюда пришли,—сейчасъ бы его ограбили, а потомъ и убили бы. Нѣтъ, теперь куда лучше стало!»

Ночью былъ дождь, но мы подъ тихтою оказались сухи. Утромъ сдѣлалось совершенно ясно. Вода слишкомъ далеко, и мы—безъ чаю. Но зато у насъ—великолѣпный завтракъ изъ молодого барашка. Откуда онъ взялся? Тляходынъ только смѣется,—«вѣдь я же говорилъ тебѣ, что онъ самъ придетъ къ намъ».—Петре укоризненно смотритъ на Тляходына,—«а вдругъ барашекъ да минтрельскій,—какой грѣхъ!» Но Гордѣй божится, что абхазскій. Тляходынъ говоритъ: «Божій». И на этомъ мы всѣ примиряемся и съ удовольствіемъ его кушаемъ.

Съ окончаніемъ лѣса хребетъ заострился и дорога сдѣлалась опять довольно крутою. Прошли уже низкорослый букъ и кленъ. Вотъ и послѣдніе кустарники кончились, и мы вступили въ травяную долину. Опять открылись восхитительныя виды. Ледники на Шугусѣ и въ верховьяхъ Мдзымты переливаются удивительными красками, а море, до котораго по прямой болѣе сорока верстъ, точно задернуто мглою.

Хребетъ сдѣлался очень крутъ, и дорожка раздѣлилась на три. Одна пошла внизъ, вправо, на циркообразную долину съ небольшимъ озерцомъ; отсюда-то и слышался вечерній лай собакъ. Хотя пастуховъ и овецъ уже не видать, но Петре, по какимъ-то признакамъ, увѣряетъ, что это, несомнѣнно, были мингрельцы. Другая—очень круто пошла прямо на гору. По этой дорожкѣ,—Гордѣй говоритъ,—ходятъ тогда, когда по третьей лѣвой, изъ-за снѣга, что бываетъ въ іюнѣ, нельзя пройти. Впослѣдствіи намъ много разъ приходилось карабкаться по этой кру-

тизнѣ. Теперь идемъ по третей, сильно уклонившейся въ пологорѣ влѣво, дорожкѣ. Мѣстами дорожка эта проходитъ черезъ непріятныя подвижныя осыпи, мѣстами—надъ опасными скалистыми обрывами, мѣстами совершенно напрасно спускается ниже, чтобъ вновь подняться. При самомъ окончаніи послѣднато скалистато участка, изъ-подъ камня, поперекъ дорожки бѣжитъ холодная вода. Еще небольшой подъемъ,—и мы стоимъ на большой ровной шлощадкѣ съ мягкой, низкой травой, множествомъ цвѣтовъ и бабочекъ и тихо журчащимъ ручейкомъ съ чистою и холодною водою; вправо—небольшое озеро.

Отдыхаемъ. Петре почувствовалъ себя нездоровымъ. Увѣряетъ, что это оттого, что барашекъ былъ, несомнѣнно, мингрельскій. Но Тляходьмъ на это ему возражаетъ, что «отъ родного барашка человекъ еще сильнѣе дѣлается; значить,—многозначительно прибавляетъ,—причина твоей болѣзни какая-нибудь другая». Гордѣй, который очень жалѣетъ добродушнато Петре, утѣшаетъ его тѣмъ, что вотъ на ночлегъ онъ возьметъ и засушить малины и напоитъ его чаемъ съ малиною. Какъ онъ засушитъ эту малину,—ему одному извѣстно. Какъ ни какъ, а петревъ грузъ приходится разложить на другихъ. Тляходьмъ, конечно, взять больше всѣхъ; неудобный для носки, но столь важный мѣдный чайникъ и котелокъ дали Гордѣю, съ строгимъ внушеніемъ обращаться бережно; что-то и мнѣ прибавили въ сумку.

Потихоньку двигаемся дальше. Направо и налѣво, какъ двѣ громадныя стѣны—причудливыя зубчатыя горы, видъ которыхъ съ каждымъ шагомъ все мѣняется. То онѣ кажутся отдаленными рыцарскими замками, то—неприступными крѣпостями, то—какими-то допотопными чудовищами. Идемъ все чистыми, травянистыми мѣстами и, пройдя такъ версты три, совершенно незамѣтно достигаемъ самаго перевала Псеашха (водный перевалъ, по обилію воды). Высота его надъ моремъ—около 7 тысячъ футъ. Съ одной стороны воды текутъ на юго-западъ, въ Мдзымту, а по другую сторону—на сѣверо-востокъ, въ Кубань. Здѣсь насыпана гряда камней. Каждый благочестивый горецъ, проходя черезъ перевалъ, считаетъ священною своею обязанностью, въ честь духа торъ, положить сюда камень. И мы то же сдѣлали. Но перевалъ, собственно, неясенъ. Мѣсто очень ровное; и то, что сегодня течетъ въ Кубань, завтра, отъ обвалившихся камней, можетъ потечь въ Мдзымту. Направо и налѣво, довольно низко по уступамъ горъ, много снѣгу, но поверхность его грязная. Постоянно спугиваемъ медвѣдей; видимо, ихъ тутъ чрезвычайно много. За однимъ изъ нихъ Гордѣй, забывъ о чайникѣ и котелкѣ, хотѣлъ, было, потнаться, но я рѣшительно не позволилъ ему. До кустовъ, гдѣ бы можно было поудобнѣе расположиться на ночлегъ, еще очень далеко, здѣсь же растутъ только

мелкорослые рододендроны, но Петре сильно усталъ, и мы рѣшаемъ остановиться. Найдя укромное мѣстечко, гдѣ рододендроны покрупнѣе, и есть крупная черника и брусника, располагаемся на отдыхъ. Сухихъ рододендроновъ много, вода тутъ же,—и мы, напоивъ Петре чаемъ, хотя и безъ сушеной малины, оставляемъ его, подъ защитою большого камня, отдохнуть. А сами, втроемъ, сложивъ тутъ же поклажу, идемъ на поиски.

Подымаемся влѣво по небольшой балкѣ и на первой же котловинѣ очень близко видимъ большого черного медвѣдя. Тляходыгъ быстро стрѣляетъ. Медвѣдь падаетъ на бокъ, переворачивается, хватается себя зубами за раненое мѣсто, страшно реветъ и... убѣгаетъ. Въ моментъ выстрѣла кругомъ насъ бросилось по разнымъ направленіямъ десять медвѣдей; это—не охотничье увлеченіе, а дѣйствительный фактъ,—десять медвѣдей разныхъ величинъ и цвѣтовъ. Здѣсь были и черные, и бурые, и сѣрые, и бѣлоторлые, а одна медвѣдица была совершенно бѣлая, съ очень длинною шерстью, и съ ней такой же медвѣжекъ. Когда выстрѣлили, то медвѣдица обратилась къ намъ передомъ, а медвѣженокъ сталъ за нею на заднія лапы, какъ бы желая увидѣть, что тамъ происходитъ; затѣмъ, медвѣдица, толкнувъ мордой медвѣженка и имѣя его впереди, медленными шагами, постоянно оборачиваясь, удалилась отъ насъ.

Но съ медвѣдицами далеко не всегда бываетъ такъ просто. Одинъ разъ, на этихъ же горахъ, одна такая мегера, раненая берданочною пулей навылеть, бросилась на Петре и, несмотря на массу ранъ, продолжала на него бѣжать, пока, не болѣе какъ въ пяти уже шагахъ отъ насъ, разрывная пуля не снесла ей полъ черепа. Въ другой разъ мы вшестеромъ, громко разговаривая, шли по берегу рѣки Бзычь и на другомъ берегу увидѣли двухъ презабавно играющихъ медвѣжатъ. Вдругъ—характерный звукъ, точно отдаленный на башнѣ колоколъ. Это—предостерегающій звукъ медвѣдицы; медвѣжата засуетились и быстро скрылись въ чащѣ; а свирѣпая мать ихъ прямо бросилась въ клюкочущую воду, переплыла на нашу сторону, отряхнулась, встала во весь свой ростъ на заднія лапы и затѣмъ, опустившись, стремительно кинулась на насъ. Конечно, была разстрѣлена. И по-дѣломъ; оставайся она на томъ берегу, мы бы ее не тронули. Въ Учъ-Дере, однажды, два черкеса ранили медвѣдицу. Имъ казалось, что она уже убита, но они все же приблизились къ ней съ большою осторожностью. Вдругъ она, несмотря на вторую ружейную рану, поднялась и стрѣлявшато почти въ упоръ въ нее подрила подъ себя. Несмотря на то, что другой въ это время рубилъ ее топоромъ, подмалтый былъ задранъ на-смерть, а товарищъ его—искалѣченъ на всю жизнь. Тляходыгъ говорить, что съ медвѣдицами, у которыхъ медвѣжата, нужно быть очень осторожнымъ.

Но что дѣлаютъ на такой высотѣ медвѣди? Сначала я никакъ не могъ собѣ этого уяснить. По увѣренію Тляходьга, да и Петре, они забираются повыше, чтобы удобнѣе швырять камнями во всѣхъ проходящихъ внизу. Дѣйствительно, медвѣди постоянно ворочаютъ камни, иногда очень большіе, и камни эти, вслѣдствіе крутизны склоновъ, съ шумомъ катятся внизъ. Тляходьга всегда въ такомъ случаѣ съ торжествомъ надъ своимъ невѣріемъ кричалъ: «Ну, вотъ берегись, опять швырнётся». Но оказалось, что камни они переворачиваютъ для того же, для чего и я ихъ ворочаю,—чтобы добыть изъ-подъ нихъ жуковъ. Обыкновенно съ утра, въ настоящее время, когда мы здѣсь, медвѣди объѣдаются смородиною, не разбирая спѣлыхъ ягодъ отъ неспѣлыхъ; вѣроятно, ягоды, къ тому же мокрыя отъ росы, утоляютъ ихъ жажду; затѣмъ, набивъ, несомнѣнно, оскотину, идутъ на ловъ жуковъ, которыхъ они пожираютъ огромное количество. Твердые, хитинные покровы жуковъ не могутъ перевариться даже медвѣжьими желудками, и массаги извергаются вмѣстѣ съ испражненіями. Въ этихъ-то кучахъ я и нашелъ первыя новости, но въ видѣ лишь однихъ надкрылій отъ удивительно прелестныхъ жуковъ; лишь по слѣдамъ медвѣдей я нашелъ и самихъ жуковъ, которыхъ въ концѣ лѣта гораздо больше въ верхнихъ районахъ.

Выстрѣломъ, кромѣ медвѣдей, спугиваемъ еще цѣлое стадо козловъ, штукъ около тридцати. Тляходьга называетъ ихъ красными турами. Шерсть на нихъ теперь, дѣйствительно, красноватая, но это, несомнѣнно, не туры, а такіе же козлы, какъ тѣ, что я видѣлъ на Ачишхо. Огромные рога ихъ идутъ прямо назадъ, нѣсколько не въ бокъ, какъ у туровъ, да и весь обликъ ихъ другой. Стадо это стояло въ тѣни, подъ скалой, и мы сначала его не замѣтили. Между ними есть и маленькіе. Казалось, что козламъ не уйти отъ насъ. Прямо за ними—промадная скала, кажущаяся совершенно отвѣсною; если же пойдутъ направо или налево, непременно попадутъ подъ наши выстрѣлы. Но козлы не долго задумывались надъ выходомъ и бросились прямо на отвѣсную скалу. Совершенно непостижимо, какъ они аготли по ней вскарабкаться. Камни сыплются у нихъ изъ-подъ ногъ; многіе падаютъ, кажется, летятъ прямо въ пропасть, но, зацѣпившись за какой-нибудь выступъ, вновь оправляются и съѣлн устремляются за уходящимъ стадомъ. Впереди всѣхъ—огромный козель, вожакъ, должно быть, достигнувъ вершины, немного постоялъ какъ бы въ недоумѣніи, затѣмъ стремительно бросился внизъ, на ту сторону. Должно быть, та сторона такъ же крута, какъ и эта. Каждый послѣдующій точно такъ же немного постоявъ наверху,—видно, что спускъ туда былъ не легокъ,—бросался по примѣру вожака.

Вправо отъ большой скалы виденъ перевальчикъ, на который мы и спѣшимъ, чтобъ увидѣть, куда скрылись козлы. Прямо на нашемъ пути, на самомъ перевалѣ, сидитъ, поджавъ подъ себя заднія ноги, какъ сидятъ обычно собаки, шребольнуцій черныи медвѣдь, видимо, не желающій уступить намъ дорогу. Онъ не трогается; поворачиваетъ голову, то посмотреть на насъ правымъ, то лѣвымъ глазомъ; видимо, мы его занимаемъ, но страха не внушаемъ, и онъ не уходитъ. Тляходыгъ сердится. Я предлагаю залаять по-собачьи, что я разъ испыталъ, будучи въ такомъ же положеніи, но одинъ, на узкой тропинкѣ, на перевалѣ между Учъ-Дере и Дагомьсомъ; медвѣди не любятъ собачьяго лая. Но Тляходыгъ поднялъ увѣсистый камень и хочетъ бросить его въ медвѣдя. Кричитъ: «вотъ я разобью тебѣ морду этимъ камнемъ».—Къ удивленію, медвѣдь, подпустивъ насъ шаговъ на тридцать, медленно поднялся и, не спѣша, сталъ уходить отъ насъ, постоянно оборачиваясь въ нашу сторону. Тляходыгъ увѣряетъ, что медвѣдь, какъ бывшій священникъ, никогда не спесетъ прубаго слова и предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ уйти отъ столь невоспитанныхъ людей.

Вотъ мы и на перевальчикѣ. Глубоко, внизу, слышенъ шумъ одного изъ лѣвыхъ притоковъ Ачинска, которые всѣ падаютъ шумными каскадами. Козловъ не видать. Тляходыгъ предлагаетъ подняться на вершину той самой скалы, по которой шли козлы. Съ перевальчика, гдѣ мы стоимъ, туда на вершину замѣтна звѣриная тропка, лѣзущая межъ скалъ и по осыпямъ надъ головокружительными обрывами. Тляходыгъ съ Гордѣемъ, снявъ съ себя обувь и засунувъ ее за поясъ, идутъ впередъ. Достигнувъ вершины, они машутъ мнѣ, чтобъ и я шелъ; козлы, вѣроятно, видны. Снимаю тоже чувяки и шускаюсь въ рискованный путь. Скалы прошелъ благополучно, но первую же осыпь осилить не могу. Голова у меня никогда не кружится, но обѣ руки у меня теперь заняты,—въ одной ружье, въ другой палка, да еще чувяки, да еще забота о баночкѣ съ жуками. Вдругъ баночка моя, служившая мнѣ такъ много лѣтъ, бухъ изъ кармана и стремглавъ внизъ, казалось даже, что я слышалъ, какъ она гдѣ-то внизу зазвенѣла. Хорошо еще, что въ шей было немного жуковъ; но я все же такъ затосковалъ, что чуть не вернулся. Тляходыгъ, увидавшій сверху, что со мной что-то происходитъ, спустился, оставивъ наверху свое ружье и обувь, ко мнѣ на помощь. Рассказываю ему о баночкѣ. Онъ утѣшаетъ: «десять еще такихъ баночекъ наберемъ жуковъ, а теперь держись за мой поясъ». Мнѣ кажется это рискованнымъ, и я прошу его взять только отъ меня ружье и чувяки и идти впередъ, не спѣша; и тогда, не отставая отъ него, прохожу всѣ опасныя мѣста самъ и достигаю, наконецъ, вершины.

Здѣсь—сильный вѣтеръ. По временамъ налетаютъ клочки тумана и дѣлается довольно свѣжо. Но виды зато поразительные. Крутомъ—множество еще болѣе высокихъ вершинъ. Въ одну сторону, черезъ ряды все понижающихся хребтовъ, ясно видно море, представляющееся темно-синею полосой, гораздо болѣе темною, чѣмъ небо. Въ противоположную сторону—тоже хребты и горы, и далеко за ними—Кубанская равнина, которая, наоборотъ, представляется болѣе свѣтлою, чѣмъ небо. Въ этомъ сѣверномъ направленіи видна интересная гора Ачишбокъ, на вершинѣ которой, точно искусственно поставленные, возвышаются два большихъ каменныхъ столба. По разсказу Тляходьга, въ этой горѣ есть большая пещера, въ которой живетъ горный духъ. Когда этотъ духъ ворочается, то всѣ горы сотрясаются. Я спрашиваю, видѣлъ ли кто этого духа.—«Никто не видѣлъ, потому что всякій, кто на него взглянетъ, сейчасъ же на мѣстѣ падаетъ мертвымъ».—Такъ откуда же знаютъ,—продолжаю допытываться я,—что тамъ живетъ духъ?—«Спроси старыхъ людей, всѣ скажутъ, что это—правда».

У горцевъ, старые люди—счастливые люди. Ихъ авторитетъ ни для кого и никакому не подлежитъ сомнѣнію. Никто не видѣлъ, но всѣ старые люди знаютъ,—и этого довольно. «Да на этой горѣ,—продолжаетъ Тляходьга,—есть еще и не такія чудеса; тамъ есть родникъ, въ которомъ, если умыться, сейчасъ же сдѣлаешься молодымъ».—Дѣйствительно, чудесный родникъ,—говорю я,—нельзя ли намъ туда забраться?—«Вотъ то-то и бѣда, что забраться туда никакъ невозможно,—видишь, какіе столбы». И опять передъ авторитетомъ всѣхъ старыхъ людей приходится преклониться. Тляходьга скептицизмомъ въ столь священныхъ вопросахъ не поколеблеться.

О духѣ въ пещерѣ горы Ачишбокъ разсказано и у Торнау, но нѣсколько иначе и съ большими подробностями. У него духъ называется Дашкаль и прикованъ онъ къ пещерѣ семью цѣпями, и лежитъ тамъ мечъ, къ которому, когда Дашкаль потянется, то всѣ горы сотрясаются. Когда придетъ его время, то онъ разобьетъ свои цѣпи и явится на свѣтъ, чтобъ поднять брата на брата, народъ на народъ. И никто никогда его не видѣлъ, лишь одинъ какой-то глухой шастухъ спустился однажды въ эту пещеру, но, при одномъ взглядѣ на Дашкала, сейчасъ же сошелъ съ ума.

Интересныя горы. Но, обычно словоохотливый, Тляходьга не склоненъ теперь разсказывать. Онъ показываетъ мнѣ на козловъ, которые всѣмъ стадомъ шраутились въ удивительной расщелинѣ, въ тѣни большой скалы, совершенно намъ недоступной. Стрѣлять совершенно не стоитъ. Если даже пуля долетитъ и убьетъ которато-нибудь, то совершенно бесполезно,—убитый непременно упадетъ въ пропасть. Но, несмотря на очевидность

этого, съ трудомъ удерживаю Гордѣя отъ столь желѣпато выстрѣла.

Тляходьгъ осматриваетъ мѣстность и видитъ на одной осыпи, тоже подъ тѣнью большой скалы, другое небольшое стадо козловъ. Рѣшаемъ такъ: онъ съ Гордѣемъ пойдетъ хребтомъ, въ обходъ козламъ. На хребтѣ видны очень скверныя мѣста, въбраться на которыя снизу даже и козламъ, навѣрное, будетъ не легко. Я же спущусь прямо на козловъ,—спускъ, кажется, сносенъ—и тѣмъ отвлеку ихъ вниманіе отъ Тляходьга и Гордѣя.

Опять снимаю чувяки и начинаю осторожно спускаться. Но спускъ оказался не легокъ; и круто, и очень жесткая, скользкая трава сильно колетъ мнѣ ноги. Потихоньку благополучно спускаюсь. Козлы уже близко. Впереди стада стоитъ одинъ, очень большой; онъ смотритъ на меня и по временамъ перетоптываетъ передними ногами. Другіе—въ тѣни, въ кучкѣ; нѣкоторые лежатъ и всѣ, видимо, смотрятъ на меня. Еще подхожу ближе; о ружьѣ не думаю, все мое вниманіе обращено на интересную сцену. Совсѣмъ уже близко; ясно даже различаю безпокойное выраженіе глазъ передового. Вдругъ этотъ передовой, несомнѣнно часовой, издалъ ясный, свистяще-шипящій звукъ (серны тоже свистятъ, но иначе)—все стадо мгновенно вскочило и бросилось отъ меня прямо на мелькнувшаго межъ скалъ Тляходьга. Но, проскакавъ немного, круто поворачиваетъ въ сторону и спасается какъ разъ по тому обрыву, который намъ сверху казался неприступнымъ. Спустившись къ мнѣ, Тляходьгъ говоритъ, что съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, при неожиданномъ направленіи, которое приняла козлы, стрѣлять было невозможно; спуститься же на болѣе удобное мѣсто онъ не успѣлъ. Гордѣй тоже далеко не дошелъ къ нимъ на выстрѣлъ. Опрашиваютъ, отчего я, подойдя такъ близко, не стрѣлялъ?—Очень просто: я еще не всѣхъ разглядылъ, и хотѣлъ знать, какъ близко они подпустили бы меня.—Тляходьгъ говоритъ: «за рота, братъ, ихъ не поймашь».

Спускаемся внизъ. Много цвѣтовъ, по которымъ летаютъ разнообразныя шмели и красивыя бабочки, между ними великолѣпная *Parnassius Nordmanni*. Видъ этотъ описанъ извѣстнымъ казанскимъ профессоромъ Эверсманомъ, въ сороковыхъ годахъ, какъ обитающій на Кавказѣ. Но послѣ никому не попадался, такъ что современные мнѣ энтомологи сомнѣвались даже, съ Кавказа-ли получили Эверсманъ эту бабочку. И вотъ здѣсь я поймалъ ихъ очень много. Но гоняться за ними очень утомительно, а ловить трудно; летаютъ онѣ безъ устали на уровнѣ ледниковъ и долго-предолго не садятся на землю.

Наконецъ, подходимъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили Петре, который хорошо отдохнулъ и чувствуетъ себя лучше. Варимъ опять чай на рододендронахъ, и такъ какъ уже вечерѣетъ, то принуждены здѣсь же и заночевать, хотя, за отсутствіемъ дровъ,

хорошаго костра имѣть нельзя. Поднимается густой туманъ. Ночь очень холодная. Съ полуночи подулъ какой-то леденящій вѣтеръ, совершенно разогнавшій туманъ, и къ утру вся трава побѣлѣла отъ мороза.

Утро совершенно ясное. Озлѣбли такъ, что стучать зубы. Поспѣшно набираемъ сухихъ рододендроновъ, разводимъ огонь и отогрѣваемся. Идемъ далѣе, все чистыми травяными мѣстами. Вскорѣ за своимъ плечегомъ, сейчасъ за первой щелью, слѣва увидѣли прелестное, порядочной величины, озеро. Съ двухъ сторонъ, непосредственно надъ озеромъ возвышались высокія, отвѣсныя скалы, откуда падаетъ въ озеро шумящій водопадъ.

Съ третьей стороны—небольшой живописный холмикъ; точно ждешь, чтобъ на немъ воздвигли домикъ. Мѣсто очень живописное; жаль только, что здѣсь нѣтъ лѣсу. Съ четвертой стороны журча бѣжитъ изъ озера ручеекъ. Вода въ озерѣ чистая, какъ кристалъ, и холодна, какъ талый ледъ. Водяныхъ растений, которыми изобилуютъ маленькія озера на Ачишхо, здѣсь нѣтъ. Дно очень глубоко; видимая часть покрыта крупнымъ пескомъ. При нашемъ приближеніи, съ озера поднялось стадо утокъ; поверхность, откуда онѣ снялись, покрылась бѣлыми брызгами. Тляходыгъ, шедшій впереди, клянется, что ясно видѣлъ очень красивую, чисто бѣлую лошадь, которая нырнула въ воду. Крайне удивленъ, что я, столь внимательный, ея не замѣтилъ. Петре и Пурдѣй, со страхомъ и съ полною вѣрою, внимаютъ ему. На мои слова—кто же когда-нибудь видѣлъ, чтобъ лошади ныряли въ воду, — никакого вниманія не обращаютъ. На берегу, — говорятъ, — одно, а здѣсь законъ другой. Этотъ другой, горный законъ, въ устахъ Петре какая-то непреложная, высшая сила, противъ которой, всякія сомнѣнія даже грѣшны. Также и у Тляходыга; въ горахъ водятся бѣлыя водяныя лошади, всѣ старики это знаютъ; и хотя несомнѣнно, что Тляходыгъ, такъ же, какъ и я, видѣлъ лишь бѣлые брызги, но вѣра его въ горныя чудеса такъ велика, что брызги эти моментально въ его представленіи обратились въ бѣлую водяную лошадь.

Вскорѣ за озеромъ, съ лѣвой же стороны долины, по которой мы идемъ, въ упавшихъ громадныхъ камняхъ устроены, прежними горскими пастухами, закрытыя помѣщенія, куда они, съ своими стадами, укрывались во время непогоды. Подобныхъ загоновъ повсюду на горахъ много. Теперь все это необитаемо; нѣтъ ни людей, ни домашнихъ животныхъ; только дикія козы да медвѣди бродятъ свободно. Еще далѣе, слѣва же, видимъ широкую ровную долину. Прямо, на юго-западѣ, долина эта ни чѣмъ не ограничена; ясно, что здѣсь тоже перевалъ и болѣе низкій, чѣмъ Псеашха. Интересно бы его изслѣдовать. Черезъ долину видны зубчатые отроги Ассары. Наша дорожка идетъ все правымъ берегомъ рѣчки, очень слабо опускаясь; паденіе же рѣчки гораздо круче, такъ что

мы все выше и выше надъ нсю. Наконецъ, проявляются березовые кусты и ивняки. Идемъ черезъ нихъ еще далѣе и достигаемъ поразительно картинной мѣстности: направо — широкая долина, по срединѣ которой течетъ порядочная рѣчка, съ очень холодною водою. Дно долины покрыто роскошнѣйшею травою, края — мелкимъ березнякомъ, кой-гдѣ пихтами, а выше ихъ — опять трава; а тамъ, далѣе — причудливые зубчатые гребни. Но главное, что поражаетъ и приковываетъ мои взоры, это — огромная гора, замыкающая верхнюю часть долины. Верхъ самой горы покрытъ снѣгомъ, но намъ виденъ только край этого снѣга, нависшій на нашу сторону громаднымъ карнизомъ. Ниже снѣга — отвѣсныя скалы; а еще ниже — огромная толща синяго льда. Изъ-подъ этого-то льда и бѣжитъ рѣчка. На картѣ названія горы нѣтъ, но Тляходыгъ называетъ и гору и рѣчку — Абаго. Высота Абаго 11 тысячъ футъ и вершина ея кругомъ покрыта ледниками. Гора стоитъ, кажется, прямо надъ нами, но на самомъ дѣлѣ до нея порядочно далеко. Тутъ, гдѣ мы стоимъ, отсюда открылся видъ на эту великолѣпную долину, рѣчка Абаго начинаетъ круто падать, а по бокамъ растутъ большія березы, буки, клены, пихты и настоящія сосны, — не тѣ, что мы видѣли подъ Ачишхо и внизу, на скалахъ у Ачипсо.

Идемъ лѣвымъ берегомъ, вверхъ по рѣчкѣ, прямо къ большому леднику. Чѣмъ далѣе, тѣмъ картина поразительнѣе. Разсматриваемъ оленьи слѣды, и вдругъ поражаемся необычайнымъ шумомъ, точно сто громовъ ударило разомъ. Это упалъ снѣжный обвалъ. Тляходыгъ говоритъ, что это шайтанъ тѣшится. Такихъ шайтановыхъ шотѣхъ было пять. А въ началѣ лѣта обвалы эти случаются чаще и бываютъ и больше, и грознѣе.

Находимъ укромное мѣсто, близъ котораго много можно набрать дровъ. Складываемъ здѣсь, подъ большимъ нависшимъ камнемъ, всю свою поклажу и идемъ далѣе. При уходѣ Тляходыгъ обращаетъ вниманіе всѣхъ насъ на разные примѣты, по которымъ можно найти это мѣсто. Предосторожность чрезвычайно важная. Вѣроятно вслѣдствіе того, что взоръ поражается причудливыми вершинами горъ и невольно постоянно къ нимъ обращается, нижнія части какъ-то не отчетливо запечатлѣваются въ памяти. Кажется, мы расположились именно вотъ здѣсь, подъ этимъ камнемъ, близъ этого дерева; но камней такихъ много, и деревьевъ тоже; одинъ камень отъ другого, при массѣ ихъ, мало чѣмъ отличается, и очень легко совершенно не найти того мѣста, которое казалось столь яснымъ.

Приближаемся къ леднику. Недалеко отъ него рѣчка Абаго составляется изъ трехъ рѣчекъ: одной, текущей прямо изъ ближайшаго ледника; другой, впадающей вправо отъ насъ, т. е. лѣвымъ притокомъ, бѣгущимъ все небольшими водопадами тоже изъ ледника, но расположеннаго очень высоко; и третьей, впа-

дающей отъ насъ влѣво,—правый притокъ, текущій съ очоень большого ледника, на который, какъ намъ показалось съ горы, не трудно забраться; но до ледника далеко. Эта третья рѣчка, рядомъ громадныхъ водопадовъ, по тѣснинамъ и скаламъ, бѣшено мчится внизъ, представляя собою одну пѣну.

Ледъ, на ближайшемъ къ намъ ледникѣ, къ которому мы уже приблизились,—синяго цвѣта и лежитъ множествомъ слоевъ, толщиною отъ одного аршина до сажени. Слои ясно раздѣляются темными полосами. Нижнй край этого ледника, вѣроятно, возвышается болѣе шести тысячъ футъ надъ уровнемъ моря, а надъ тѣмъ мѣстомъ долины, гдѣ мы стоимъ,—очень немного, не болѣе саженой тридцати. Оттуда, сверху, съ шумомъ падаютъ шѣнящіяся водопады. Подъ самымъ льдомъ—большая темная пещера, откуда, собственно, и течетъ главная рѣчка. Крутомъ насыпана масса самыхъ разнообразныхъ камней—и большихъ, и малыхъ, бѣлыхъ, черныхъ, разноцвѣтныхъ. Есть бѣлый и розовый мраморъ, зеленый трахитъ, еще что-то, и Богъ знаетъ только какіе тутъ камни; цѣлый ихъ хаосъ. Хорошо, что я не собираю камни,—на десяти лошадяхъ ихъ не вывезти бы. Пока я разсматриваю ледникъ и соображаю, возможно ли на него подняться, внезапно сверху падаетъ обвалъ. Хорошо, что мы стояли подъ защитою выдавшейся скалы. Множество огромныхъ глыбъ льда, масса камней, снѣга—далеко покатались въ долину. Тляходымъ торопится уходить. Дѣйствительно, стоять холодно и опасно, а подняться съ этой стороны на ледникъ нѣтъ никакой возможности. Поворачиваемъ отъ этихъ опасныхъ мѣстъ назадъ, и идемъ теперь внизъ правымъ краемъ долины. Пройдя бѣшенный правый притокъ, видимъ преудивительное явленіе: саженой тридцать выше долины возвышается скалистая гряда, въ ней видны два большихъ отверстія, изъ которыхъ стремительно падаетъ масса воды. Вода эта, образуя порядочный ручей, клопоча и пѣнясь, по камнямъ несется внизъ, въ рѣчку Абатю. Выше истоковъ этой воды—кусты и совершенно сухо; а еще выше—скалы, и никакой котловины со снѣгомъ, какъ я предположилъ, нѣтъ. Вѣроятно, вода эта отдѣляется какими-нибудь подземными ходами отъ большого праваго притока рѣчки Абатю.

Пройдя эту, оригинальнаго происхожденія воду, начинаемъ подыматься въ гору. Круто, трава суха, скользка, и идти трудно. Къ тому же, хватаясь за камни, нужно быть очень осторожнымъ,—чрезвычайно много гадюкъ. И Тляходымъ, и Петре рассказываютъ, что гадюки эти большое бѣдствіе для пастуховъ. У домашнихъ животныхъ, даже у такихъ шолудякихъ овецъ, которыхъ пасутъ здѣсь, какъ-то слабо развитъ инстинктъ отвращенія къ змѣямъ. Овцы, при видѣ гадюки, непременно стремятся ее обнюхать, и шолучаютъ ужасный укусъ прямо въ морду. За рѣдкими исключеніями, отъ такого укуса овца погибаетъ. А умныя

пастушескія собаки, напротивъ, — при видѣ гадюки неистово лаютъ и дѣлаютъ большой скачекъ въ сторону.

Съ наслажденіемъ убивъ, по пути, нѣсколько этихъ гадюкъ, достигаемъ наконецъ самаго прежня хребта. Камни нагромождены здѣсь на подобіе гигантской лѣстницы. Къ сожалѣнію, ступени этой лѣстницы рассчитаны не по нашимъ ногамъ; мы не можемъ ими пользоваться и принуждены пробираться по разсѣлинамъ или обходить лѣстницу по сторонамъ. Но по сѣверо-восточной сторонѣ поминутно страшные обрывы и идти крайне опасно. Въ одномъ мѣстѣ у Петре завружилась голова, и онъ чуть не упалъ въ пропасть. Съ осторожностью двигаемся все дальше и дальше. Уже большіе ледники правата притока видны очень ясно, но до нихъ все-таки довольно далеко. По такому трудному пути, если и можно сегодня дойти туда, то вернуться за-свѣтло никакъ ужъ невозможно. Раздумываю, не лучше-ли намъ, не увлекаясь, пока еще не поздно, повернуть назадъ. Но Тляходьгу и Гордѣю непремѣнно хочется убить хоть какую нибудь возочку; нельзя же нарушить горный законъ, предписывающій кушать на горахъ шашлыкъ непремѣнно изъ мѣстнаго звѣря. Пока мы разсуждаемъ, какъ разъ въ этотъ моментъ замѣчаемъ какое-то громадное животное. «Домбай», кричитъ Тляходьга. Вѣроятно, — дѣйствительно онъ; но съ точностью, за дальностью разстоянія, сказать нельзя. Видно только что-то очень большое. Ясно, что не олень; а другихъ большихъ животныхъ, кромѣ оленя и зубра, здѣсь нѣтъ. Вся команда необыкновенно оживляется; оживленіе дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на меня. Теперь уже никто изъ насъ не сомнѣвается, что это дѣйствительно зубръ. Онъ то остановится, то вновь пойдетъ. Пасется, должно быть. Насъ онъ, конечно, не видитъ, а такъ какъ вѣтеръ дуетъ отъ него на насъ, то и не услышать и не почуетъ. Но дойти до него — гораздо дальше, чѣмъ намъ кажется. Нужно сдѣлать большой спускъ, затѣмъ пройти по острому гребню, имѣя съ одной стороны глубокое озеро, а съ другой — огромные обрывы; далѣе, чтобъ быть не замѣченными зубромъ, который ходитъ за озеромъ, необходимо сдѣлать большой, чрезвычайно опасный подъемъ, все время надъ обрывомъ. Весь путь этотъ ясно виденъ и долженъ занять самое меньшее часъ, а можетъ и два, времени; а зубръ, за это время можетъ и уйти; а солнце уже далеко за полдень. Поразмысливъ спокойно надъ этимъ, я все же рѣшаюсь вернуться назадъ. Но спутники мои, все таки, хотятъ попытать счастья. Я имъ не мѣшаю, и мы разстаемся.

Не желая опять идти по лѣстницѣ гигантовъ, я избираю другой путь, вдоль правата бѣшената притока, который, по моему, удобнѣе и скорѣе приведетъ меня къ мѣсту, гдѣ наша поклажа. Спускаюсь. Оттого-ли, что это спускъ, но путь показался мнѣ

очень легкимъ. Попадаю на медвѣжью тропу и безъ затрудненія иду по ней правою стороною рѣчки, которая шумитъ довольно далеко подо мною, въ узкой тѣснинѣ. На лѣвой сторонѣ, на одной высотѣ и параллельно со мною, идутъ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, два медвѣдя. Они, какъ видно, конкурируютъ со мною, но гораздо больше увлечены своимъ дѣломъ, чѣмъ я, ибо никакого вниманія на меня не обращаютъ. Не могу сказать того же о себѣ; я нѣтъ-нѣтъ да посмотрю на нихъ, что они тамъ дѣлаютъ. Какъ видно, ловъ ихъ очень удаченъ. Они съ шумомъ ворочаютъ камни и что-то подолгу возятся на мѣстѣ сброшеннаго камня. Я подобныхъ камней, еслибъ даже въ десять разъ былъ сильнѣе, перевернуть не могъ бы. Переворачиваю маленькіе и стараюсь не напугать. Ловъ мой идетъ плохо, и хотя медвѣдямъ до меня, черезъ глубокую тѣснину, не такъ-то легко достигнуть, но я все подумываю, какъ бы поскорѣе добраться до кустовъ, которые уже видны, и скрыться отъ опасныхъ сосѣдей. Тляходы же строго-на-строго мнѣ предписывалъ, когда я одинъ, ни подъ какимъ видомъ не стрѣлять въ медвѣдя, развѣ самооборона того потребуетъ. А тутъ ихъ не одинъ, а два; а можетъ быть, какъ во вчерашней котловинѣ, ихъ тутъ и десять окажется. Но вотъ и кусты; но тутъ я не поберегся, опромный камень съ прохотомъ покатился изъ-подъ моихъ ногъ, и оба медвѣдя сразу сдѣлали нѣсколько скачковъ вверхъ, затѣмъ обернулись и смотрятъ на меня.

Нужно сказать, что медвѣди отлично ходятъ по самымъ крутымъ мѣстамъ, не останавливаясь даже передъ почти отвѣсными камнями. Вѣроятно опромные ихъ когти очень помогаютъ имъ въ этомъ. Также я замѣтилъ, что всѣ медвѣди, когда неожиданно испугаются, то быстро дѣлаютъ нѣсколько скачковъ впередъ, а затѣмъ оборачиваются посмотреть на причину шума, при этомъ очень часто становятся на заднія лапы, несомнѣнно для того, чтобы лучше разглядѣть мѣстность. Бросаются же они на человѣка, если дѣло до этого дошло, всегда на четверенькахъ. Если испугавшій ихъ шумъ не сразу для нихъ понятенъ, то они долго смотрятъ и вся уморительная фигура ихъ выражаетъ тогда полное недоумѣніе. Медвѣди здѣсь рѣдко нападаютъ на человѣка, но бывають и такіе случаи, кончающіеся крайне печально. Миролюбіе ихъ, вѣроятно, нужно приписать большому ширволю, обилію вкусной растительной пищи, въ виду необычайнаго изобилія всевозможныхъ фруктовъ и ягодъ, теплomu мягкому климату, чудной природѣ; это, все вмѣстѣ взятое, размлчаетъ даже медвѣжьи сердца. Извѣстно, что даже пчелы здѣшнія удивительно миролюбивы.

Пріятно думать о миролюбіи, но я не сталъ дожидаться, что намѣрены предпринять и выкажутъ-ли это миролюбіе мои коллеги на лѣвой сторонѣ бурной рѣчки, и торопился укрыться въ заросляхъ. Скоро нашелъ много кустовъ черной смородины, обильно

покрытыхъ ягодами, и началъ съ такою жадностью пожирать эти ягоды, что быстро набилъ себѣ оскмину. Очень пріятно было послѣ этого найти прекрасную сладкую малину. Спускъ на самую долину былъ довольно затруднителенъ. Я топалъ на отрогнуто обнаженную скалу чистаго бѣлаго мрамора, по которой пройти было очень трудно. Перебрался благополучно черезъ эту скалу, а дальше все же еще было такъ круто, что я нѣсколько разъ чуть чуть не оборвался; удержался благодаря лишь густымъ крѣпкимъ кустамъ.

Рѣчка сильно прибавилась и вода въ ней теперь мутная, тогда какъ утромъ была чистая. Перехожу черезъ рѣку и высматриваю, гдѣ мѣсто нашей остановки. Какъ разъ подходитъ и моя команда. Подбираясь къ зубру, они видѣли большое стадо туровъ, настоящихъ черныхъ, какъ ихъ называетъ Тляходьгъ; но не стрѣляли по нимъ, боясь испугать зубра. А между тѣмъ, пока они подкрадывались, наверху сдѣлался густой туманъ, они съ трудомъ спустились къ озеру, гдѣ ходилъ зубръ, но онъ неизвѣстно куда скрылся. Боясь зайти Богъ знаетъ куда, они рѣшились, хотя и съ пустыми руками, вернуться назадъ. Сильно сконфужены.

Дѣлаемъ большой огонь и съ наслажденіемъ пьемъ чай съ разогрѣтыми на огнѣ галетами. Галеты—итальянскіе морскіе сухари изъ бѣлой муки—незамѣнимы для такихъ путешествій. Хлѣбъ тяжелъ, громоздокъ и быстро плѣснѣетъ, галеты же легки, хотя тверды, какъ камень, компактны и не портятся; а слегка смоченные, великолѣпно разогрѣваются на огнѣ и дѣлаются очень вкусными. Я въ своихъ горныхъ походахъ всегда возилъ ихъ по нѣскольку пудовъ.

А жаркого все же у насъ нѣтъ. Нарушается горный законъ. Тляходьгъ раздумываетъ, чѣмъ бы умиловить за что-то тнѣвающагося на насъ духа горъ. Дѣлаетъ какія-то заклинанія, гадаетъ на палочкахъ, по которымъ выходитъ, что всѣ звѣри ушли высоко подъ ледники. Въ концѣ лѣта это всегда такъ и бываетъ. По Тляходьгу, нужно намъ подняться наверхъ. А по Гордѣю,—такъ обратно, необходимо спуститься еще ниже, гдѣ олени. И онъ начинаетъ подбивать всѣхъ насъ сейчасъ же идти туда. Увѣряетъ, что отлично знаетъ мѣста, гдѣ олени, какъ онъ произноситъ, ночуютъ и ходятъ на пастбу. Гордѣй большой мастеръ рассказывать небылицы. Послушать его, такъ онъ однажды верстъ десять промчался, повиснувъ на оленьей шеѣ. А съ медвѣдемъ, такъ у него было столь удивительное происшествіе, что теперь, съ увлеченіемъ намъ о немъ рассказывая, онъ самъ съ трудомъ вѣритъ, что это дѣйствительно было. Ранилъ онъ «аграмаднаго съ корову рѣдмедя», и медвѣдь не только подмялъ его подъ себя, но и шереломалъ ему всѣ ребра, но онъ все таки изловчился вытащить ножъ и всадить его медвѣдю въ самое сердце. А затѣмъ, безъ памяти

пролежалъ всю ночь подъ медвѣжьимъ тѣломъ, пока то настолько не застыло, что ему, Гордѣю, сдѣлалось «больно холодно», и онъ очнулся.

На оленей идти я отказываюсь. И вчера, и сегодня мы очень много ходили, не мѣшало бы и отдохнуть; къ тому же близокъ уже и вечеръ. Кроме того я думаю, что ловъ мой здѣсь будетъ удачнѣе, чѣмъ внизу; тамъ, гдѣ Абаго впадаетъ въ большую рѣку, я замѣтилъ очень живописное и заманчивое, въ отношеніи жуковъ, мѣсто, которое и хочу завтра хорошенько обследовать. Гордѣй пристаётъ къ Тляходыгу и Петре и говоритъ, что стыдно будетъ вернуться ни съ чѣмъ; всѣ, молъ, будутъ смѣяться: Богъ знаетъ куда зашли, а ничего не добыли. И Петре, и Тляходыгъ, повидимому, совершенно согласны съ нимъ, но вопросительно смотрятъ на меня. Тляходыгъ говоритъ, что, хотя палочки и показываютъ, что нужно идти наверхъ, но что, если я прикажу, онъ пойдётъ и внизъ. Я отвѣчаю, что приказывать не приказываю, но и не удерживаю. Они быстро снаряжаются, берутъ ружья, галеты, уходятъ, и скоро скрываются съ моихъ глазъ.

Я остаюсь одинъ и какимъ-то ничтожнымъ сознаю себя среди этихъ громадъ, которыя высятся крутомъ меня. Тишина, какая-то совершенно особенная. Станный, непрерывный шумъ рѣки кажется, какъ будто бы тоже принадлежитъ этой тишинѣ, и нисколько ее не нарушаетъ. Жаль, что я не обладаю поэтическимъ воображеніемъ; навѣрное, въ этомъ странномъ рѣчномъ шумѣ, переливающимъ разнообразнѣйшими тонами, я услышалъ бы цѣлую исторію этихъ мѣстъ. Сколько удивительнато въ этой исторіи. Но и безъ воображенія все это бесконечно удивительно и очаровательно.

Уже темнѣетъ. Поспѣшно натаскиваю побольше дровъ. Дрова все хорошія, сухія, березовыя; да еще не простой березы, а карельской. Сколько тутъ можно набрать этого добра,—страсть. А теперь вѣдь карельскую березу возятъ изъ Сѣверной Америки, но она далеко не такая красивая. Дѣлаю большой-пребольшой огонь,—отогнать бы дикихъ животныхъ!—и укладываюсь спать. Отъ ледника тянетъ холодомъ. Ночь сначала ясная, но потомъ задулъ какой-то вѣтеръ, натнавшій густого туману; а скоро пошелъ, хотя и непродолжительный, но крупный дождь. Но я подъ выступомъ камня совершенно остался сухъ, и никто не беспокоилъ меня.

На утро прояснѣло. Чтобъ не терять времени я спѣшно иду къ устью Абаго, вода въ которой теперь опять прозрачная, дождь былъ не большой, а ледникъ за ночь подмерзъ. Долина Абаго, не далеко отъ устья рѣки, сильно суживается. Рѣчка вступаетъ въ тѣснину, гдѣ круто падаетъ по камнямъ; по обоимъ же берегамъ чрезвычайно живописные холмы. Особенно эффектенъ холмъ праваго берега. Холмъ этотъ покрытъ лѣсомъ стройныхъ шхтъ, кле-

новъ и бузовъ, подъ ними—березы, рябины, калины и другія сѣверныя породы; много брусники, малины и черной смородины; на прогалинахъ—сочная трава. Видъ отсюда на гору Абаго поразительный. Подъ корою большой упавшей пихты нахожу превосходную, очень большую и совершенно плоскую жуужелицу и много другихъ оригинальныхъ жуковъ.

У подножья холма проходитъ главная тропа, по которой мы шли съ перевала. Спускалось по ней дальше. Здѣсь она пошла гораздо круче и лѣсомъ. Мѣстами она такъ заросла, что трудно пройти. Въ болѣе чистыхъ мѣстахъ, по краямъ ея,—множество соблазнительныхъ ягодъ. Спутывало нѣсколькихъ медвѣдей. Какъ видно, они держатся тѣхъ же правилъ, что и я:—съ утра ѣдятъ ягоды до оскомины, а потомъ поднимаются повыше за жуками.

Дорожка, все спускаясь, выходитъ, наконецъ, на берегъ главной рѣчки—Уруштень (Черная—у казаковъ). Абаго впадетъ въ Уруштень, который течетъ въ Малую Лабу, а эта, соединившись съ Большою Лобою, образуетъ большую рѣку, впадающую въ Кубань. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я спустился на Уруштень, дорожка моя переходитъ на лѣвый его берегъ. Бродъ оказался не затруднительнымъ; хотя вода по тоясь, но чиста и дно видно отлично, и на этомъ мѣстѣ теченіе не очень стремительно. Продолжало спускаться уже лѣвымъ берегомъ Уруштена. Пихты встрѣчаются все чаще и наконецъ становятся преобладающимъ, очень тустымъ лѣсомъ. Ниже видны большія ровныя мѣста, сплошь покрытыя пихтами. Но пихты здѣсь далеко не достигаютъ того колоссальнаго размѣра, какъ на хребтѣ Псекохо, на южномъ склонѣ, по которому мы подымались на Псеашха. Дохожу до небольшой, сильно шумящей рѣчки, текущей съ Ассары и впадающей въ Уруштень слѣва. Не здѣсь ли оленьи мѣста? И дѣйствительно, сквозь прогалину, совсѣмъ не далеко отъ себя, увидѣлъ огромнаго оленя; шерсть на немъ темно-рыжая, красноватая. Кажется и онъ уже увидѣлъ меня, или услышалъ мое приближеніе. Голова его поднята и обращена въ мою сторону; громадные рога, со множествомъ развилихъ, почти касаются спины. Затѣмъ онъ, крупной рысью, лишь по временамъ дѣлая чудовищные скачки, нисколько не затрудняясь зарослями рододендроновъ, умчался отъ меня въ гору. Чрезвычайно красивое животное. Гораздо красивѣе и серны, и дикихъ козловъ, и туровъ. И бѣжить какъ красиво! Тѣ идутъ или шагомъ, или дѣлаютъ какіе-то поразительные скачки; рысью же,—я никогда не видѣлъ, чтобъ они бѣгали. А на рыси животное всего красивѣе; голова поднята кверху, движенія легки и всѣ формы ясно обрисованы.

Пока я любовался великолюпытнымъ оленемъ, благопріятный моментъ для выстрѣла, конечно, прошелъ. Но я нисколько этого и не жалѣю. Вѣдь и команда моя навѣрное застрѣлила оленя, а застрѣли и я, то что же съ двумя оленями мы здѣсь дѣлали бы?

И ротовъ-то ихъ не унести бы. Вообще убійство животныхъ, хотя бы и дикихъ, не въ моихъ нравахъ. Когда я былъ много моложе, то и тогда, охотясь за фазанами, которыхъ въ тѣ времена около Новороссійска было видимо-невидимо, и стрѣляя ихъ не для забавы, а исключительно для пропитанія, я никогда не испытывалъ, какъ другіе, удовольствія отъ каждаго удачнаго выстрѣла, и очень не любилъ смотрѣть на послѣдствія своей искусной жестокости. Но фазанъ—красивая, но глупая курица, а олень—нѣчто возвышенное.

Тляходьтъ, конечно, со мною совершенно не согласенъ; всѣ звѣри созданы Богомъ для того, чтобъ искусные охотники ихъ стрѣляли, и онъ, съ необыкновеннымъ удовольствіемъ, наноситъ на ложе своего ружья помѣтки числа побитыхъ имъ звѣрей. Уже все ложе испещрено этими замѣтками, и разобраться въ нихъ, кажется, даже самому Тляходьту врядъ-ли возможно. Онъ еще увѣряетъ, что душу его на томъ свѣтѣ не будутъ такъ терзать побитые имъ звѣри, какъ мою, утопленные мною, въ спирту жуки. И никакъ не можетъ понять того, что жукамъ я даю безсмертіе. Сколько ихъ, наколотыхъ на булавки, съ надписью своей родины, красуется теперь во всѣхъ музеяхъ цивилизованнаго міра.

Поймавъ какого-то хорошенькаго и престраннаго жука, возвращаю назадъ. Боюсь, какъ бы въ Уруштепѣ не прибыла сильно вода. Иду скорыми шагами; вдругъ вижу дикаго козла. Какъ онъ на этомъ остромъ камнѣ стоитъ? Удивительно! Но, козелъ какой-то странный; не такой, какъ тѣ, за которыми мы охотились позавчера и какихъ я видѣлъ на Ачишхо. Тѣ были рыжіе, а этотъ—сѣроватый; у тѣхъ рога огромные, а у этого небольшіе; и ростомъ этотъ много меньше. Подъ камнемъ ихъ еще семь и всѣ такіе же. Другой видъ, что-ли? Но другой видъ неизвѣстенъ. Нужно ихъ срисовать; тѣмъ болѣе это возможно, что несмотря на близость, они меня не видятъ. Я стою въ тѣни и вижу даже, какъ стоящій на камнѣ часто мигаетъ глазами. Берусь за книжку и карандашъ; но, какъ Гордѣю убить козу всегда мѣшаютъ медвѣди, такъ и мнѣ на этотъ разъ. И что только ему понадобилось? Но такой произвелъ шумъ обрушеннымъ камнемъ, что—только я и видѣлъ козловъ; исчезли въ мгновеніе ока.

Жалко. Вновь прибавляю шагъ и, шеребредя уже рѣчку, вдругъ, слышу за собою чьи-то легкіе шаги. Оборачиваюсь,—Тляходьтъ. Обнимаетъ меня и отъ радости чуть не плачетъ. Говоритъ, что никакая схота не шла ему на умъ; всю ночь агучился, какъ это онъ оставилъ меня одного въ столь страшныхъ мѣстахъ, гдѣ ходятъ шайтаны, дикія лѣсныя женщины, бѣлыя бодиныя лошади и другія разныя страсти. Теперь неслыханно радъ, что видитъ меня живымъ и здоровымъ; теперь ужъ онъ меня одного ни за что не оставитъ.

Разсказываетъ еще, что много оленей очень много. Онъ замѣтилъ и того, котораго я спугнулъ, но отъ него олень этотъ былъ далеко, вѣвъ выстрѣла. Доходилъ онъ до слѣдующаго притока въ Уруштень слѣва. Тамъ есть большой, прочный балаганъ, крытый дранью; кругомъ—изгородь и небольшое поле, засѣянное рожью. Принесъ онъ съ собою и колосья; зерна очень мелкія. Вѣроятно, это устроили какіе-нибудь охотники. Для хаджуретовъ (отверженные люди, черкесскіе разбойники) мѣсто слишкомъ открытое; для пастуховъ—слишкомъ низко; для какого-нибудь хуторянина—далеко отъ жилья.

А я разсказываю Тляходьгу объ удивительныхъ козлахъ, которыхъ я, вотъ сейчасъ, видѣлъ. Онъ увѣряетъ, что это одичавшія домашнія козы; когда черкесы ушли, много, будто бы, домашнихъ козъ осталось въ горахъ. Что-то сомнительно. Домашнія козы слишкомъ ручное животное, чтобъ такъ быстро одичать. Потомъ я еще разъ видѣлъ этихъ козловъ, но застрѣлить не удалось.

Приходимъ на свое становище, разводимъ огонь и варимъ чай. Скоро подходятъ и Петре съ Гордѣемъ. Они тоже видѣли много оленей. Петре подбодрялся на зарѣ къ одному очень большому, рсвѣвшему, по словамъ Петре, точно большой бутай. Но приблизиться къ нему на выстрѣлъ не успѣлъ: олень ушелъ; будь у него въ рукахъ берданка, какъ они произносятъ, не то бы было. Гордѣй видѣлъ много ланей, которыя теперь, по его словамъ, сѣрыя; говорить, что съ утра онѣ лежатъ, а, когда пригрѣетъ солнце, идутъ пастись. Одну, будто бы, ранилъ; показывалъ даже траву со слѣдами на ней, будто бы, крови. Ушла; но будь съ нимъ моя берданка—то-ли было бы.

Распалились ужасно. Просятся опять на оленей. Петре говорить, что если я дамъ ему берданку, то онъ убьетъ большого оленя непременно; теперь онъ уже знаетъ, какъ къ нему приблизиться. «Хорошо,—говорю,—галеть съ насъ еще хватитъ, но прежде ухода непременно тужно перебраться на лучшее мѣсто, подъ большую пихту, на облюбованномъ мною холмѣ». Сейчасъ же собираемъ все и переходимъ туда. Тляходьга находитъ пихту, расщепленную молніею на множество досокъ. Изъ нихъ, съ придачею пихтовыхъ вѣтокъ, устраивается просторный, великолѣпный шалашъ. Полъ тоже устилается пихтовыми вѣтками. Тляходьга увѣряетъ, что на нихъ такъ же мягко, какъ на перьяхъ; хотя это не совсѣмъ такъ.

Опять разводимъ большой огонь; и все сдѣлали очень кстати. Дувшій все время свѣжій юго-западный вѣтеръ внезапно перешелъ на сѣверо-восточный и пошелъ холодный дождь съ градомъ. Но счастью, и дождь, и градъ также внезапно прекратились, и опять сдѣлалось ясно, лишь по вершинамъ горъ позастревали тучи.

Какъ только дождь пересталъ, Гордѣй заторопился. Свою перерезанную ремешками пицаль, изъ которой можно попасть лишь въ-упоръ, онъ съ удовольствіемъ замѣнилъ Петревымъ ружьемъ, а Петре съ благоговѣніемъ припаялъ моту берданку, и, набравъ галетъ, они скрылись. Тляходыгъ уже ранѣе имъ сказалъ, что разъ я не иду, то онъ меня одного ни за что здѣсь не оставитъ. Ночью опять былъ дождь, но насъ, въ нашсмъ прекрасномъ помѣщеніи, онъ мало беспокоилъ. Здѣсь на холмѣ оказалось гораздо теплѣе, чѣмъ тамъ, подъ камнемъ, близъ ледника.

Утромъ опять ясно. Какъ это хорошо, что дождь идетъ лишь по ночамъ. Впрочемъ, не всегда здѣсь такъ бываетъ. Въ началѣ лѣта дождь иногда идетъ нѣсколько дней подрядъ. Разводимъ огонь. Тляходыгъ говоритъ, что онъ видѣлъ хорошій сонъ—сегодня непременно будетъ шашлыкъ. Тляходыга все беспокоятъ туры, которые ушли отъ насъ на Шугусѣ. Быть не можетъ, чтобъ онъ такъ и ушелъ съ этихъ горъ, не надѣливъ меня турьими рогами. Упрашиваю меня куда-нибудь пойти. Я съ удовольствіемъ соглашаюсь, тѣмъ болѣе, что теперь могу идти безъ противнаго, вѣчно мнѣ мѣшающаго, ружья. Предлагаю ему осмотрѣть ту низкую, широкую долину, которую мы видѣли влѣво, недалеко отсюда. Я буду собирать тамъ жуковъ, а онъ пойдетъ на отрогъ Ассары. Навѣрное тамъ, не черный, такъ красный, а какой-нибудь да ходитъ.

Идемъ. Это совсѣмъ близко. Долина очень странная, къ югу-западу совершенно открытая. Видимъ одно маленькое, а за нимъ другое большое, до полуверсты въ поперечникѣ, озеро. Оба озера, видимо, очень глубоки; очень холодная вода въ нихъ совершенно темная. Берега обрывисты. Тляходыгъ увѣряетъ, что озера эти бездонны, и очень совѣтуетъ мнѣ держаться отъ нихъ подальше; мало-ли какая нечисть можетъ въ нихъ обитать. Но они рѣшительно никакъ не обитаемы. Пройдя большое озеро, раздѣляемся. Онъ идетъ направо, въ гору, а я влево, долиной. Но прежде, чѣмъ сказать: «огмавъ»—досвиданія,—Тляходыгъ проситъ меня никуда не скрываться, чтобъ ему можно было все время не упускать меня изъ своихъ глазъ. А зрѣніе у него удивительное.

Сейчасъ за озеромъ оказалось престранное мѣсто; совершенно ровная, круглая площадка, почти безъ травы, а по окраинамъ ея камни, которые въѣлись въ землю. Выворачиваю эти камни, подъ ними масса оригинальныхъ альпійскихъ долгоносиковъ. Это осенніе уже выводки, которые будутъ обитать подъ камнями, безъ всякой пищи, до весны, когда они расплзутся по цвѣтамъ, если, конечно, до того времени ихъ не поѣдятъ жуки-лици и медвѣди. Многіе изъ нихъ попали въ мою баночку и приобрѣли безсмертіе. Подхожу къ самому окончанію долины, обрывающейся пропастью къ Ачипсе. Тамъ, внизу, слышится шумъ

одного изъ бурныхъ притоковъ этой шумной рѣки. Ясная дорожка пошла влѣво, вдоль скалъ, уже по Ачитсинской сторонѣ. Направо—зубчатая Ассара. Тляходыгъ—своими острыми глазами долженъ меня отсюда видѣть. Прямо Ачитихо закрываетъ всякій дальнѣйшій видъ. Наѣдаюсь сладкой малины и полагаю, что пора уже и назадъ.

Возвращаюсь. Но только выхожу изъ-за скалъ, какъ сразу же обомлѣваю. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я собиралъ долгоносикъ, въ разстояніи не болѣе полуторехсотъ шаговъ отъ меня—огромная медвѣдица, съ цѣлую корову; первый разъ вижу такое чудовище. Съ ней медвѣженокъ. Медвѣдица перескакиваетъ камни, медвѣженокъ подѣдаетъ жуковъ. Она меня не видитъ, и вѣтеръ не отъ меня, но медвѣженокъ вдругъ чего-то заволновался, всталъ даже на заднія лапы. Медвѣдица посмотрѣла въ ту сторону, куда пошелъ Тляходыгъ, и ткнула медвѣженка мордою: все спокойно, чего ты, ѣшь,—молъ. Но медвѣженокъ все чего-то беспокоится; ужъ не слѣды-ли мои напѣхалъ? Я спрятался за камень и раздумываю, что предпринять? Очень удобно ихъ отсюда и зарисовать; да не до того. Нужно думать, какъ бы вывернуться изъ опаснаго положенія. Единственный выходъ—осторожно, придерживаясь скалъ, обогнуть медвѣдицу; приходится, сообразно съ тѣмъ, какъ нагромождены скалы, сдѣлать полуокружность радіусомъ всего въ пятьдесятъ сажень. Медвѣдица медленно подвигается къ Ачитсинскому провалю, откуда я сейчасъ пришелъ, и, такимъ образомъ, разстояніе между нами, все будетъ увеличиваться. Вѣроятно, она рассчитываетъ полакомиться тамъ малиною, которую, впрочемъ, вдоль тропы я уже всю объѣлъ. Хорошо, что она меня не видитъ. А если учуетъ, что тогда? Раздумываю, что въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ на лѣвую руку намотать свою блузу, банку съ жуками можно переложить въ карманъ панталонъ,—жалко долгоносиковъ,—затѣмъ сунуть эту руку медвѣдицѣ въ пасть, а копьемъ дѣйствовать, какъ рогаминою. У меня есть еще большей, крѣпкій ножъ; вспоминаю рассказъ Гордѣя и, на всякій случай, репетирую извлеченіе ножа и пропзаніе имъ сердца медвѣдицы. Хорошо, что я изучалъ анатомію, и думаю, что не ошибусь его найти. У себя сердце сейчасъ слишкомъ ясно различаю. Но, конечно, все это только мечты; на самомъ же дѣлѣ, борьба съ такимъ чудовищемъ, въ моемъ положеніи, совершенно невозможна и исходъ ея, несмотря на мое знаніе анатоміи, до очевидности ясенъ. Самое лучшее приступить къ исполненію своего плана: подъ защитою скалъ, обогнуть медвѣдицу. Вдругъ вижу, что теперь сама медвѣдица чего-то заволновалась; но смотритъ, по счастью, опять не въ мою сторону, а въ противоположную, гдѣ теперь долженъ быть Тляходыгъ. Успокоилась, опять обучаетъ своего медвѣженка уму-разуму. А я, тѣмъ временемъ, продолжаю осторожно двигаться.

Уже скоро полъ-окружности и мнѣ почему-то кажется, что я буду тогда въ опасности, хотя разстояніе до медвѣдницы почти все то же. Вдругъ... б-уххъ!—раскатился выстрѣлъ. Это несомнѣнно, Тляходыгъ на горѣ, но недалеко гдѣ-то, выпалилъ. Медвѣдница, какъ бѣшеная, толкая передъ собою медвѣженка, ринулась, какъ разъ на ту дорогу, по которой я отъ провала пришелъ. Разстояніе сразу между нами удвоилось, и я даже свистнулъ ей вслѣдъ. Теперь, знаю, не остановится.

Очень скоро появился и Тляходыгъ, таща, даже не выносившую, молодую сергу. Онъ тоже увидѣлъ медвѣдницу и спѣшилъ ко мнѣ на помощь, насколько не заботясь о сыпавшихся изъ-подъ его ногъ камней,—что разъ и обеспокоило медвѣдницу. На спускѣ онъ неожиданно увидѣлъ сергу и, конечно, не могъ удержаться, чтобы ее не застрѣлить; впрочемъ, вѣрно рассчитавъ, что медвѣдница или бросится на выстрѣлъ, или, скорѣе, уйдетъ въ противоположную сторону, по дорогѣ къ Ачипсинскимъ скаламъ, гдѣ уже видны кусты и гдѣ ей удобнѣе спрятать своего медвѣженка,—что и случилось. Но послѣ выстрѣла ружье у него моментально опять было заряжено; какъ всегда, хотя бы на бѣгу. Но грозная медвѣдница, слава Богу, болѣе не появлялась.

Довольны мы оба и вдвойнѣ. Благополучно избавились отъ медвѣдницы и Тляходыговъ сонъ сбылся: мы съ шашлыкомъ. Тляходыгъ быстро потрошитъ сергу и мы скорыми шагами идемъ къ своему дому. Большой огонь,—и у насъ моментально великолѣпный обѣдъ. Тляходыгъ смѣется надо мною, какъ это я палкою думаю убить медвѣдницу, да еще такую огромную. Благодарствуемъ. Ужъ перевалило за полдень, а нашихъ охотниковъ за оленями все еще нѣтъ. Тляходыгъ говоритъ: «Не безпокойся, придутъ». И мы рѣшаемъ еще походить. Мнѣ непремѣнно хочется взобраться на ледникъ. Тляходыгъ не очень склоненъ туда идти, «чего,—говоритъ,—мы тамъ не видали». Но я настаиваю. «А, какъ же,—говорю,—лѣстницу хотѣли поставить на тебѣ». Къ тому же сегодня такой счастливый, по мнѣнію Тляходыга, день, что отказать мнѣ онъ не можетъ.

Подвѣшиваемъ сергу подъ пихту, чтобы какой-нибудь звѣрь не досталъ, и идемъ. По знакомому мѣсту ходъ какъ-то всегда скорѣе. Быстро подошли къ первому леднику, но לנו теперь, что на него хотя и близко, но не подняться. Нужно идти на тотъ, что вправо отъ насъ; онъ хотя много дальше, но кажется доступнѣе. Подымаемся. Здѣсь тоже вродѣ лѣстницы гигантовъ, но не особенно правильной. Слѣва все время каменная стѣна, направо—ледниковый потокъ. Временами попадаются мелкія котловинки, съ цвѣтами, жуками и бабочками, съ тихо журчащимъ ручейкомъ, гдѣ забываешь о трудныхъ ступеняхъ и объ срывахъ, надъ которыми только что прошелъ. Такъ, съ площадки на площадку, не спѣша особенно, поднялись мы уже очень высоко.

Собственно ледникъ какъ-то остался отъ насъ вправо, мы уже вышли на большое снѣжное поле, выше ледника. Теперь ужъ я больше занятъ вершиною хребта, которая недалеко. Но идти по этому снѣжному полю нужно крайне осторожно, ибо, если упадешь, то полетишь прямо на ледникъ, на которомъ видны глубокія трещины, и если не убьешься сразу, то будешь въ трещинѣ погребенъ на цѣлое столѣтіе. Вотъ мы уже и на самомъ гребнѣ, изъ-подъ глубокаго, ослѣпляющаго глаза снѣга, все же много торчатъ огромныхъ скалъ. Приютились у скалы. Сильный вѣтеръ; но видъ безподобный. Налѣво—весь покрытый снѣгомъ, главный массивъ Абаго, до верху котораго еще футовъ съ полторы тысячи; ну, туда мы не пойдёмъ. Направо, совсѣмъ близко,—крутая коническая вершина, тоже вся покрытая снѣгомъ; это—конечный, къ юго-западу, пунктъ Абатскаго узла. Конусъ этотъ прекрасно былъ виденъ съ многихъ пунктовъ нашего пути по Мдзымтѣ. На востокъ—цѣлый лабиринтъ огромныхъ горъ, совершенно заслоняющихъ дальній горизонтъ. Прямо на югъ, черезъ огромное провалье, которое у насъ подъ ногами, видна Аншха, слѣдующая, послѣ Абаго, вершина главнаго хребта. Она кажется ниже того мѣста, гдѣ мы стоимъ. Южный склонъ этой вершины намъ не виденъ, но сѣверный—безъ снѣга, лишь въ углубленіяхъ замѣтны небольшія скопленія его, и отчетливо еще видно небольшое озеро. Далѣе Аншхи, нѣсколько правѣе ея, видна, въ верховьяхъ уже Мдзымты, покрытая снѣгомъ и ледниками гора Ацитаку; по высотѣ она, вѣроятно, мало уступаетъ Абагѣ.

Стоимъ и оба любимеся. Надъ нами—темно-синее небо, и оказывается, что какъ бы мы высоко не поднялись, а оно все также надъ нами высоко и никакая лѣстница не поможетъ до него достигнуть. Указываю на это обстоятельство Тляходыгу и говорю ему, что для того, чтобы возвратиться на небо, нужны не высокія горы и длинныя лѣстницы, а совершенно чистая совѣсть. Тляходыгъ шепчотомъ смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что даже съ Абаго не влѣзешъ на небо; но мои объясненія, что съ чистою совѣстью, и безъ лѣстницы, можно войти на небо, для него не понятны. «А какъ же,—настаиваетъ онъ,—вѣдь вотъ всѣ старики знаютъ, что есть одна такая гора, можетъ какая-нибудь другая Абаго, съ которой навѣрное по лѣстницѣ можно возвратиться на небо». Ну, ужъ, противъ шепчущихъ стариковъ ничего не подѣлаешь. «А что такое небо?»—спрашивая я его.—«Какъ развѣ ты не знаешь? Это тамъ, гдѣ рай». Тляходыгъ очень смущенный, но какъ я ни старался объяснить ему, что рай, а равно и адъ, внутри насъ и всецѣло зависятъ отъ дѣлъ и помысловъ нашихъ, уяснить себѣ этого онъ никакъ не могъ. Рай для него, это такое мѣсто, гдѣ, послѣ смерти, онъ каждый день будетъ стрѣлять по сернѣ или козѣ, а хлѣбъ и медъ сами собою

будутъ являться на его столѣ. А объ адѣ, такъ онъ совершенно не желаетъ думать. «Довольно,—говорить,—ада и при жизни, чтобы еще послѣ смерти его звать». Его разъ, совершенно безвѣстно, такъ ии за что, административнымъ порядкомъ сослалъ въ Архангельскую губернію. Это онъ и называетъ адомъ.

Однако, долго философствовать пельзя. Сильный вѣтеръ даетъ себя чувствовать. Пора и обратно. Спускъ по снѣжному полю еще болѣе опасенъ, чѣмъ подъемъ. Тляходыгъ идетъ впереди, а я по его слѣдамъ. Палка очень помогаетъ, но дѣйствовать ею нужно довольно своеобразно:—держа ее обѣими руками и опираясь въ сторону возвышенія; выходитъ, какъ будто бы придерживаешься за кустъ. Благополучно сошли со снѣга. Какъ-то особенно легко вздохнули, когда стали на настоящую землю. Теперь уже не трудно; съ полянки на полянку, съ уступа на уступъ, спускаемся все ниже и ниже. Вдругъ, нагѣво за потокомъ, въ расщелинѣ скалы—три серны. И зачѣмъ только онѣ глупыя стоятъ такъ близко отъ насъ. Тляходыгъ, конечно, не утерпѣлъ. Бухъ... и одна серна, сдѣлавъ неестественно большой скачекъ, покатила въ низъ, со скалы на скалу. «И зачѣмъ ты стрѣлялъ,—говорю Тляходыгу,—все равно упала въ пропасть».

«Здѣсь гора, другой заборъ, грѣшно не стрѣлять, а можно и достанемъ»,—отвѣчаетъ онъ не безъ удовольствія. И, дѣйствительно, спустившись еще порядочно, Тляходыгъ перешелъ черезъ потокъ и досталъ таки серну. Радъ страшно: «каковъ сохъ!» А я тѣмъ временемъ, пошелъ группу красиваго горнаго хрустала, видимо снесенную сверху.

Приходимъ къ балатану. Все благополучно. Уже вечерѣетъ, а охотниковъ нашихъ все еще нѣтъ. Я начинаю волноваться, по Тляходыгъ совершенно спокоенъ. «Таагъ,—говорить,—внизу нѣтъ ни дикихъ женщинъ, ни водяныхъ лошадей; нѣтъ съ ними не будетъ; просто еще не застрѣлили оленя, а съ пустыми руками не хотятъ возвращаться». Успокаиваюсь на этомъ и я.

Роскошно ужинаемъ и болтаемъ. Тляходыгъ спрашиваетъ меня, знаю-ли я, почему такая разница въ величинѣ медвѣдей? Всѣ небольшіе, а вотъ сегодняшняя медвѣдица—огромная.—«Не знаю».—«А вотъ отчего: женщина всегда болѣе грѣшна, чѣмъ мужчина; всѣ грѣхи происходятъ отъ женщинъ. Вотъ эта огромная медвѣдица и есть прямое потомство жены грѣшнаго священника; попадая эта, во много разъ была грѣшнѣе своего мужа, вотъ и потомство ея больше». По увѣренію Тляходыга огромны только медвѣдицы, а медвѣдей большихъ нѣтъ. Но въ этомъ случаѣ Тляходыгъ ошибается; и медвѣди-самцы тоже иногда попадаются очень большіе. Эти большіе медвѣди, это настоящій сѣверный бурый медвѣдь (*ursus arctus*); тогда какъ небольшіе, всѣхъ оттѣнковъ,—бѣлый, сѣрый, бурый, черный и бурый или черный съ бѣлымъ горломъ есть совершенно особый

видъ *ursus isabellinus*. Только этотъ послѣдній отличается своимъ кроткимъ нравомъ, тогда какъ большіе бурые довольно свирѣпы и часто нападаютъ и на домашній скотъ, даже на буйволовъ. Такихъ случаевъ въ Романовскѣ было не мало.

Подъ трескъ большого костра засыпаемъ.

Ночью дождя не было. Поднимаемся до свѣту. Опять покушалъ вкусной серпинны и предлагаю Тляходыгу пойти навстрѣчу Петре и Гордѣю. Только начали спускъ къ Уруштену, какъ Тляходыгъ говоритъ, что онъ ясно услышалъ два, близко одинъ за другимъ, выстрѣла.—«Это изъ твоей берданки». У меня слухъ не плохой, но я не слышалъ. Идемъ очень скоро. Перешли уже на лѣвую сторону Уруштена. Вотъ и камень, на которомъ я видѣлъ странныхъ козъ, а вотъ и поляна, гдѣ на меня смотрѣлъ большой олень, а ни Петре, ни Гордѣя, все нѣтъ. Куда же теперь идти? Тутъ такой дремучій лѣсъ, и столько оленьихъ тропъ, что не мудрено размышнуться. Тляходыгъ свиститъ. Онъ мастеръ свистать, и его свистъ слышенъ, какъется, за версту. Никакого отзвука. Что же дѣлать? Тляходыга осѣняетъ, а вѣрнѣе, что она у него и тайлась, замалчивая мысль: «не пойти-ли намъ, по этой рѣчкѣ, къ Ассару, къ своимъ турамъ. А то какъ бы Петре съ Гордѣемъ, которые теперь навѣрное потрошатъ оленя, какъ бы да не заставили насъ тащить его наверхъ къ балагану. Лучше мы понесемъ свою добычу». Увѣренность, что мы найдемъ тура и застрѣлимъ его, у Тляходыга полная. «Они, голубчики, пасъ ужъ тамъ ждутъ, сонъ опять такой хорошій видѣлъ».—Ну, что-жъ—говорю,—пойдемъ.

Рѣчка бурная, много камней, идти очень трудно. Но вотъ, нашли тропку, которая вывела насъ на лѣвый хребетъ. Пошло легче, но мѣста очень дикія. Высокіе хребты и съ одной, и съ другой стороны, совершенно закрываютъ всякій видъ. Назадъ, за Уруштеномъ, тоже высокія горы, и ничего болѣе не видно. Но вотъ, прямо передъ нами, но далеко наверху, заблѣлъ свѣтъ. Тляходыгъ теперь забылъ и о Петре, и о Гордѣѣ, и объ ихъ успѣхѣ, хотя еще и неизвѣстномъ, и все вниманіе его обращено на этотъ свѣтъ. Идетъ онъ такъ скоро, что я едва за нимъ поспѣваю. О жукахъ нечего и думать, ничего не слышнѣ, лишь отрывисто говорить: «Не отставай». Вотъ уже свѣтъ недалеко, а на окраинѣ его, по нашей сторонѣ, ясно видны какія-то животныя. Тляходыгъ не сомнѣвается, что это туры. Но прямо, какъ мы идемъ, подойти къ нимъ невозможно. Переходимъ черезъ гребень, который здѣсь очень остръ, налѣво, на другую его сторону, а по ней уже, внѣ видимости звѣрей, продолжаемъ подыматься. Какой, однако, человѣкъ хитрый, какъ онъ ловко умѣетъ обмануть этихъ кроткихъ, но глупыхъ вегетарьянцевъ!

Трудно, но мы все выше и выше. Опять вышли на самый гребень. Глядь,—прямо внизу, у свѣта, большое стадо настоящихъ

туровъ. Бухъ... грянулъ выстрѣлъ, послѣдовавшій такъ скоро, что ни сосчитать, ни разглядѣть ихъ, я не успѣлъ. Визгу только, что все стадо уносится по снѣгу, а одинъ, какъ бы ставъ на дыбы, сдѣлалъ громадный скачекъ, и упалъ. Я все еще въ удивленіи стою на гребнѣ, а Тляходыгъ уже тамъ, около убитаго тура. Машетъ мшѣ. Осторожно спускаюсь и подхожу. Туръ, дѣйствительно, великолѣпный. Рога—ничто удивительное. На самой выпуклой сторонѣ утолщенные ребра ихъ сильно стерты. Тляходыгъ увѣряетъ что туры внизъ съ кручи бросаются всегда на рога. Но я самъ, этого никогда не видѣлъ. Тляходыгъ съ наслажденіемъ потрошитъ тура: «Вѣдь говорилъ же я тебѣ еще на Ачишхо, что онъ, голубчикъ, не уйдетъ отъ моихъ рукъ». Но теперь еще вопросъ, какъ донести его до низу. Я предлагаю взять лишь одну кожу съ рогами, а мясо оставить: вѣдь у насъ, внизу, двѣ серны. Но Тляходыгъ непрезгнимо желаетъ унести все. Послѣ долгого спора, удовлетворится одной четвертью; и то вѣсь очень большой: только въ однихъ рогахъ съ кожей шкура полтора. Еще второй вопросъ: какимъ путемъ идти назадъ? Такъ, какъ мы пришли, до нашего балагана верстъ пятнадцать, не менѣе, а если бы перемахнуть напрямикъ черезъ гору, то не болѣе пяти. Но знакомая дорога всегда короче, и мы благоразумно пускаемся, тѣмъ же путемъ, какъ пришли. Уже далеко за полдень, и много еще времени прошло прежде, чѣмъ мы добрались до Уруштена. Перешли и рѣку. Тляходыгъ увѣряетъ, что пахнетъ Гордѣмъ; отлично, будто бы, онъ это чувствуетъ: «навѣрное онъ уже прошел и—съ оленемъ». Наконецъ, подходимъ къ своему балагану, и уже издали видимъ огромные оленьи рога.

Оказывается, что Тляходыгъ не ошибся, и охотникамъ такимъ только сегодня утромъ удалось подобраться къ оленю. Какъ ихъ здѣсь ни много, но они очень чутки, и близко подойти къ нимъ возможно лишь въ то время, когда они ревутъ. Теперь у нихъ свадебное время; но чего они такъ ужасно ревутъ,—понять трудно. Угроза-ли это сопернику, или любовный призывъ самки? А дерутся они ужасно. Извѣстно, что, когда два самца вступятъ въ бой, то часто оба падаютъ мертвыми. Убилъ Петре этого огромнаго звѣря сегодня лишь утромъ, двумя выстрѣлами; что и слышалъ Тляходыгъ. Первая пуля пробила его насквозь у лопатокъ. Вторая, тоже лавышетъ, попала уже нѣсколько сзади и вышла черезъ трудъ. Гордѣю не пришлось и стрѣлять, но за то онъ притащилъ и огромные рога съ кожей, и много мяса. Бѣдные охотники полторы сутокъ ѣли одни лишь галеты съ сыромъ, но за то теперь они себя вознапраждали. Предлагаютъ и намъ оленьины. Ымъ, по нахожу, что серна куда вкуснѣе. Тляходыгъ непремѣнно хочетъ угостить меня и турьимъ мясомъ, но и оно много уступить сернинѣ.

Дождя не было, хотя и пасмурно. Встали послѣ вчерашнихъ волненій не рано. Уже мы всѣмъ удовлетворены по горло; на всѣхъ горахъ побывали, всякихъ звѣрей побили, банки мои полны жуками; пора спускаться въ Романовскъ. Пока очищаютъ кожи отъ всего лишняго и сворачиваютъ ихъ для удобной носки, проходитъ не мало времени. Еще разъ кушаемъ. Затѣмъ распредѣляемъ грузъ. Гордый теперь самъ беретъ на себя больше всего; кромѣ оленьей шкуры съ рогами, онъ еще, по собственной охотѣ, беретъ обѣ заднія оленьи ноги. Тляходыгъ беретъ тура, а Петре достаются обѣ серны, остатки сухарей и прочес. Моя сумка очень легка,—кромѣ банокъ съ жуками, тамъ ничего нѣтъ. Хотя разъяснѣло, но надъ морскими хребтами видны злобѣщія тучи, а солнце уже совершило три четверти своего пути, и намъ нужно проторапливаться.

Идемъ; но такъ всѣ перетружены, что не скоро. Только поднялись на ровнымъ, травянистымъ мѣста, какъ спугнули цѣлое стадо тетеревей, которые прячутся здѣсь въ травѣ, точно куропатки. Гордый сбросилъ съ себя всю поклажу и вздумалъ ловить ихъ рубахою; конечно, ничего не вышло. Идемъ далѣе; опять задержка. Увидѣли выводокъ торныхъ индѣекъ. Большой самецъ сѣлъ на камень; индѣйки предпочитаютъ скалистые мѣста. И вдругъ Тляходыгъ, который только что бранилъ Гордѣя за ловлю тетерекъ, хотя мы всѣ смѣялись надъ этимъ очень, разсудительный Тляходыгъ обрасываетъ съ себя тура и стрѣляетъ по «хуртхѣ» пулею. Обычное искусство на этотъ разъ измѣнило ему, и Megalorerdix улетѣлъ. Виною, конечно, оказался шайтанъ.

Между тѣмъ, уже вечерѣсть; и мы съ этой большой высоты наблюдаемъ удивительную игру красокъ: верхушки горъ еще позолочены лучами солнца, но, чѣмъ ниже, тѣмъ тона темнѣе, а въ самомъ низу все задернуто какою-то мглою, точно тамъ уже наступила ночь. Красиво и таинственно.

Прибавляемъ, насколько возможно, шагу. Спускъ съ перевала въ быстро сгустившихся сумеркахъ оказался гораздо труднѣе подъема. Гордый ободряетъ тѣмъ, что лошади здѣсь, дѣйствительно, часто убиваются, но люди—рѣдко. Особенно скверно было проходить черезъ осыпь,—вся она движется. Торопливо проходимъ мелкорослый березнякъ, кленъ, букъ и достигаемъ, наконецъ, пихтъ, подъ которыми и расползаемся ночевать. Тляходыгъ предусмотрительно наполнилъ у послѣдней воды чайникъ и бережно догесъ его сюда. Жарятъ оленину, турятину, сернину, и ужинъ выходитъ на славу. Всѣ мы весело болтаемъ.

Вдругъ какой-то звукъ, какъ будто бы шаги. Кто-то или что-то идетъ, несомнѣнно. Конечно, онъ или оно насъ, ярко освѣщенныхъ огнемъ, видитъ, мы же его нѣтъ. Положеніе не

равное. Гордѣй беретъ за ружье, но Тляходыгъ его удерживаетъ: «Дурной, развѣ хаджуретъ будегъ итти такъ неосторожно»? Незнакомецъ свиститъ; по свисту Петре утверждаетъ, что мингрелецъ, «свиститъ, говэритъ, по-мингрельски», и громко его обзываетъ. Такъ и есть: мингрельскій пастухъ и идетъ еще съ осликомъ. Приглашаемъ его поужинать съ нами; соглашается съ удовольствіемъ. Хотя мясомъ пастуховъ не удивишь, — они въ горахъ питаются только мясомъ и особенно приготовленными кислымъ молокомъ, но галеты, да еще разогрѣтые у огня, для него — лакомство. А онъ насъ угостилъ очень вкуснымъ сыромъ.

У Петре развязался языкъ; мингрельцы — большіе болтуны; пошли разговоры. Узнаемъ, что фамилія его Арканія, а идетъ онъ въ Адлеръ за солью. Бараны безъ соли существовать не могутъ. Рассказываетъ, что ихъ сильно обижаютъ рыси: таскаютъ маленькихъ барашковъ; вотъ и недавно, когда они здѣсь надъ лѣсомъ стояли, утащила овечку. Много они этихъ скверныхъ рысей пострѣляли. Тляходыгъ говэритъ, что съ этою стрѣльбою нужно быть очень осторожными; кромѣ рысей, подманиваетъ еще глухихъ овечекъ и горный духъ, въ котораго упаси Боже стрѣлять; все стадо можетъ тогда пропасть. Арканія слушаетъ съ ужасомъ, благодаритъ Тляходыга за такое цѣнное сообщеніе и, какъ только возвратится, передастъ своимъ, чтобы были осторожныѣе.

Далѣе, Арканія рассказываетъ еще намъ, что теперь стоятъ они подъ Аишхой и что между этой горою и Псеашхой есть рѣчка Целохъ, у устья которой есть «кислая вода». И что выше не Мдзымтѣ такихъ кислыхъ источниковъ много; одинъ даже подъ Аишхой есть такой, въ которомъ вода кипитъ, какъ въ котлѣ, хотя она холодна, какъ ледъ. А одинъ есть соленый, и къ нему много приходитъ дикихъ козъ, и легко ихъ тамъ стрѣляютъ. А еще далѣе, откуда Мдзымта вытекаетъ, есть большое, красивое озеро Мдзы, по которому можно даже плавать на фелюкѣ, но спѣтъ лежить тамъ еще въ июлѣ. А съ озера Мдзы, черезъ перевалъ Мдзымта-азмычъ можно итти на Бзыбъ и въ Гудауты, или въ Сухумъ, куда хочешь. Болтаетъ безъ умолку, видимо, обрадованъ новымъ людямъ.

У меня является идея: попросить Арканію на своемъ осликѣ отвезти всю нашу поклажу до Романовска; ему можно за это отдать остатки пороха, пуль и еще что-нибудь; и Петре съ Гордѣемъ пойдутъ съ нимъ. Кожки нужно растянуть для просушки, а то какъ бы не испортились. А я съ Тляходыгомъ посмотримъ, что за «кислая вода», — очень ужъ интересно. Арканія соглашается съ удовольствіемъ. Петре съ Гордѣемъ тоже довольны. Тляходыгъ спрашиваетъ о дорогѣ. Арканія говоритъ, что дорога очень легкая; нужно итти на ту поляну надъ лѣсомъ, гдѣ

они стояли недавно, а далѣе дорога пойдетъ очень большая, — сами, молъ, увидите. Осликъ его, незамѣнимое для горъ животное, стоитъ тутъ же, и съ удовольствіемъ съѣлъ кусокъ сыра, который я ему предложилъ, съѣлъ даже кусокъ жаренаго мяса. Но его все-таки привязали подъ пихтой, наложивъ ему много разныхъ лопуховъ и вѣтокъ.

Ночью разразилась сильная гроза; раскаты грома были ужасны. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; высыпалъ и крупный градъ, которому предшествовалъ сильный шумъ. Но пихта дождя не пропускаетъ; огонь у насъ большой, и спимъ мы отлично.

На утро опять жаримъ мясо. Ъдимъ и расстаемся. Они пойдутъ внизъ, а я съ Тляходыгомъ, взявъ съ собою немного галетъ и жаренаго мяса, идемъ наверхъ. Сдѣлалось совершенно ясно; грозы, какъ не бывало. Скоро приходимъ и на поляну, которая хорошо знакома Тляходыгу; здѣсь, такъ недавно, благодѣтельный горный духъ привелъ къ его рукамъ жирнаго барашка. «Хорошо, что барановъ нѣтъ, — говоритъ Тляходыгъ, — а то они, глухие, вообразили бы, что мы, это — возвращающійся съ солью Арканія, и совершенно бы насъ задушили». Трава вся выѣдена баранами безъ остатка, и мы, по ихъ слѣдамъ, скоро вышли на широкую дорогу, которая, огибая выступъ Псеашихи, спускается внизъ, на рѣчку Целохъ, какъ называлъ ее Арканія, но на картѣ она названа Пслухъ, — звукъ какой-то странный. Прямо высится снѣжный конусъ, подъ которымъ мы были третьяго дня; но съ этой, южной, стороны онѣгу на земъ мало. Вонъ видна и сѣдловина, гдѣ мы стояли, а выше ея — огромный Абаго. Спускъ, хотя и былъ названъ Арканіей большою дорогою, а Тляходыгомъ наименованъ даже «тарматасною», т. е. тарантасною, — оказался очень крутымъ, каменистымъ и труднымъ. Но, наконецъ, мы спустились съ крутизны на самую долину Целоха. Прямо возвышается многотысячная скала, это — то провалье, которое мы сверху видѣли. Видъ мрачный, подавляющій, но величественный.

Идемъ долиною рѣки внизъ, небольшими полянами съ роскошною травою. Здѣсь бараны еще не были; они спустятся сюда, когда наверху выпадетъ снѣгъ. Долина постепенно расширяется и поляны дѣлаются обширѣе и красивѣе, пошли даже съ грецкими орѣхами, значитъ, довольно уже низко. Склоны покрыты лиственнымъ лѣсомъ. По рѣчкѣ — огромныя ольхи. Но гдѣ же «тислая вода»? Долина сильно сузилась. Проходимъ высоко надъ рѣчкою и ясно слышимъ уже большой шумъ самой Мдзымты. Выходимъ на маленькую полянку, мокрая земля которой окрашена въ бурый цвѣтъ, какъ вода желѣзистыхъ болотъ на сѣверѣ. А вотъ, тутъ и источникъ, обдѣланный срубомъ, какъ на Ачипсѣ, и вода въ немъ также булькаетъ и также невкусная. Тляходыгъ предложилъ: «послѣ такихъ трудовъ, по-

нить ее побольше, на всякій случай, чтобы крѣпче быть». По дѣйствіе ся-казалось противоположное, и желудки у насъ сильно болѣли. Не въ этомъ ли ся цѣлебность? Вообще, мѣсто очень непривлекательное. Ничего ни веселато, ни красивато нѣтъ; да и неудобное. Совершенно не стоило сюда, да еще съ такимъ трудомъ, забираться. Ко всему еще, сильно торопясь, не поймали ни одного жука.

Теперь, какъ же намъ назадъ? Итти опять, по трудной дорогѣ, черезъ Псеашха, когда мы стоимъ у самой Мдзымты, слишкомъ ужъ досадно. Да, кромѣ того, если мы пойдёмъ черезъ Псеашха, то ясно, что къ ночи въ Романовскъ намъ не успѣть. А ночью на торѣ какъ бы пастухи, чего добраго, не приняли насъ за рысей. И мы рѣшаемъ итти низомъ надъ Мдзымтою. Къ сожалѣнію, мы не знали тогда, что перейдя мы здѣсь черезъ Мдзымту, то лѣвымъ берегомъ ся свободно могли бы дойти до Романовска, немного выше котораго есть отличный бродъ черезъ эту бурную рѣку. А мы неудачно затѣяли итти правымъ ся берегомъ, рассчитывая попасть на дорогу, которая должна бы насъ вывести на Псекохскій хребетъ, къ тому перевальчику, въ области уже каштановъ, съ котораго мы видѣли ясную дорогу къ этимъ мѣстамъ. Только оставили лѣвый берегъ Шелоха, какъ наткнулись на огромную скалу; Мдзымта бьетъ подъ самую скалу, и пройти подъ ней нѣтъ никакой возможности. Вернулись назадъ и рѣшили перевалить надъ скалою. Но подъемъ оказался и высокій, и чрезвычайно трудный, по густотѣ зарослей. Послѣ утомительнаго подъема, пошелъ такой же спускъ въ тѣснину маленькой рѣчки, текущей съ верхней пастушьей поляны. Затѣмъ, опять подъемъ по камнямъ и зарослямъ; по всему бываетъ конецъ, и мы достигли-таки до чистыхъ пологихъ мѣстъ бывшего селенія. Справа поляны эти поднимаются до самыхъ пихтъ Псекохо, а налево, высокимъ скалистымъ обрывомъ высятся надъ Мдзымтою. Мѣста не важныя, но по нимъ мы легко уже дошли до искомаго перевальчика; но, когда спустились въ Ачипсѣ, было уже совершенно темно. Пришлось заночевать. Тляходыгъ жалѣетъ, что онъ не сказалъ Петре оставить чайникъ въ какомъ-нибудь условномъ мѣстѣ. Но никому изъ насъ не пришло въ голову, что эта, казалось, столь небольшая прогулка по широкимъ «тарматаснымъ» дорогамъ займетъ столько времени. Свалить на шайтана свою забывчивость, что знакомый путь всего ближе, никакъ нельзя, но, по Тляходыгу, все же виноватъ Арканія, зачѣмъ не сказалъ намъ, чтобы мы по такимъ сквернымъ мѣстамъ не ходили; «а ты еще подарилъ ему такъ много пороху». Хотя за умнаго барашка, который самъ пришелъ къ намъ на завтракъ, можно и не жалѣть пенужнаго уже намъ порѣха. Огонь все-таки развели, хотя и изужили безъ чая остатками галетъ и шацлыковъ.

Яснымъ утромъ безъ затрудненій доходимъ до Романовска. Петре уже расположился въ той же просторной избѣ, въ которой мы останавливались спустившись съ Ачишхо. Гордый, точно предчувствующій, что его что-то ждетъ пріятное, усиленно за мной ухаживаетъ; досталъ даже гдѣ-то кофе; и, хотя этотъ кофе и не обладалъ ни однимъ изъ достоинствъ, которыми, по польской поговоркѣ, онъ долженъ обладать:—быть чернымъ, какъ дьяволъ, горячимъ, какъ пекло, и сладкимъ, какъ поцѣлуй любимой женщины,—но я все же съ удовольствіемъ его выпилъ. Чистимся, прихорашиваемся, угощаемъ себя обильнымъ обѣдомъ и собираемся на завтра въ обратный путь, къ морю.

До свиданія, чудныя горы, надѣюсь, до будущаго лѣта; но, оставляя васъ и эти удивительныя мѣста, я долженъ нѣсколько разобратся въ вашихъ путанныхъ названіяхъ; и, разбираясь въ нихъ, съ трустью задумываюсь.

Мы, русскіе—странный народъ. Чувство патриотизма какъ-то слабо у насъ развито. Отчего это,—не буду анализировать, но что это такъ,—несомнѣнно. Послѣ долгой, кровопролитной борьбы, послѣ ряда блестящихъ, славныхъ подвиговъ, завоевываемъ, наконецъ, эту трудно-доступную страну. Казалось бы, на каждомъ шагу слѣдовало сохранить воспоминанія объ этихъ славныхъ событіяхъ,—«потомству въ примѣръ», какъ великолѣпно начертано на одномъ памятникѣ, въ Севастополѣ. А мы, обратно; свои историческія названія предаемъ забвенію, а всемѣрно стараемся откапывать дикія названія, данныя какими-то разбойниками, можетъ быть, даже выражающія, что-либо о насъ нелестное. Цѣлый рядъ нашихъ историческихъ названій на этомъ побережьи уже утратился. Вельяминовскъ, названный въ честь извѣстнаго кавказскаго героя, ген. Вельяминова, обратился въ Туапсе, вѣроятно, въ честь разбойническаго племени, при каждомъ удобномъ случаѣ грабившаго и убивавшаго русскихъ. Даховскъ обратился въ Сочи, Свето-Духовскъ—въ Адлеръ, Романовскъ—въ Красную поляну. Просто позоръ. Каждый топографъ, каждый землемѣръ, каждый честолюбивый туристъ, силится розыскать точныя, по ихъ мнѣнію, названія и рѣкъ, и горъ. Зачѣмъ и ради какой славы? И вотъ къ чему эти розыски приводятъ: каждая гора, каждая рѣка имѣютъ теперь много дикихъ названій, но ни одного русскаго и, обыкновенно, ни одного точнаго. Нутайгусъ моряковъ обратился въ Шугусъ, а на послѣднихъ изданіяхъ пятиверстной карты появилось уже новое начертаніе—Чугушъ, а нѣкоторые черкескіе пастухи гору эту называютъ Абаго и еще Тыбга и Дзитаку. А слѣдовало назвать ее горою Александра Второго, а другую—горою Михаила, а третью—святыхъ Константина и Елены. Вѣдь во время славнаго царствованія Александра II, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ была окончена эта долго-

лѣтняя война, и въ день свѣтыхъ Константина и Елены торжественно служили здѣсь благодарственный молебенъ. Одна и та же рѣка называется: Зикуюй, Ачипсе, и на картѣ—*И у з и к о*. Нашъ славный Свято-Духовскъ абхазскими пастухами называется *Ліешъ*, мингрельскими—*Ардлеръ*, мѣстными турками—*Ардиллеръ*, а у насъ теперь—*Адлеръ*; одинъ нѣмецкій патріотъ сказалъ мнѣ, что это въ честь германскаго орла... И такъ далѣе, далѣе.

Теперь, возвращаясь къ началу, долженъ сказать, что мой *Абаго* на картѣ вовсе не названа, *Абаго* картѣ—совершенно въ другомъ мѣстѣ. Странно, что не названа; это—первая вершина, которая покрыта обширными полями вѣчнаго снѣга, и снѣгъ этотъ лежитъ и на южной сторонѣ. На *Шугусѣ*, вслѣдствіе крутизны его южныхъ склоновъ, вѣчный снѣгъ держится лишь на сѣверной сторонѣ, а такихъ обширныхъ полей, какъ на *Абаго*, я тамъ не видѣлъ. Гора, которую *Тляходымъ* и пастухи называютъ *Ассара*, на картѣ названа *Дзитаку*; тогда какъ созвучное названіе—*Ацитаку* всѣми,—и мингрельскими, и абхазскими пастухами согласно приписывается массиву верховьевъ *Мдзымты*, *Псоу* и *Лашипсе*, который на картѣ названъ *Агепота*. Черкесы, подъ названіемъ *Медежюи-кушхъ*, *Медежюи-губхъ* понимали всю мѣстность, гдѣ жили «медежюискіе человѣки». какъ *Тляходымъ* называетъ абхазское племя *ахчипсоу*, населявшее эти мѣста. Теперь названіе «медовѣвской поляны» приурочено лишь къ мѣстности на рѣкѣ *Цвижицѣ*, гдѣ было лишь одно селеніе *Цвижи*, тѣхъ же разбойниковъ *ахчипсоувцевъ*. Озеро *Мдзы*, дающее начало рѣкѣ *Мдзымта*, названо на картѣ: разъ *Кардыбача*, другой разъ *Кардовича*, а названіе «*Мзи*» приурочено къ совершенно другому озеру, не находящемуся даже въ бассейнѣ *Мдзымты*. По *Тляходыму*, между прочимъ, эту рѣку слѣдуетъ называть *Бзымть*. И такая путаница безконечна.

Вспоминаю по этому поводу остроумный рассказъ чуднаго человѣка, замѣчательнаго во многомъ, адмирала Виктора Ивановича Заруднаго, бывшаго много лѣтъ начальникомъ морской съемки Чернаго моря,—рассказъ о томъ, какъ происходитъ эта путаница. «Однажды,—рассказываетъ адмиралъ,—одинъ мой любознательный топографъ усиленно допытывался узнать точное названіе одной, заинтересовавшей его съ топографической точки зрѣнія горы. Горцу-проводнику приставанія эти надобли и онъ сказалъ: «*Чугу-сапхъ*», что на ихъ варварскомъ языкѣ,—поясняетъ адмиралъ,—означаетъ—отстань отъ меня, или что-то въ этомъ родѣ. Любознательный топографъ, не разслышавъ хорошенько варварскаго произношенія, добросовѣстно записалъ: «*Чужая-шапка*».

Ночью опять былъ дождь, но у насъ уже все приготовлено къ выступленію. Разстаемся съ гостемъ-хозяиномъ самымъ лю-

безнымъ образомъ; видимо, платою «за гостепріимство» онъ остался очень доволенъ. Хозяйская дочь, довольно милостивая гречанка, та самая, съ которою Тляходьгъ такъ неучтиво поступилъ, даритъ мнѣ на память кисеть, пригласая меня поскорѣе приходить опять, «но лучше, — прибавляетъ она, — безъ черкеса». Тляходьгъ кисеть одобряетъ, но гречанку все же находитъ очень некрасивою. Теперь не только трудъ и ноги ея ему не нравятся, но и руки у ней оказались... «точно обрубки... то-ли дѣло наши черкешенки, стройныя, какъ тѣ пихты, изъ подъ которыхъ мы только что пришли».

Васька, за столько дней свободы, разбаловался и очень недоволенъ тѣмъ, правда, немалымъ грузомъ, который на него навьючили. Но всѣ рога, такъ искусно Тляходьгомъ увернуты, что никакъ ни поранить, ни даже натереть коня не могутъ. Относительно сѣдлови и укрѣпленія вьюковъ черкесы безподобны. Мингрельцы сѣдлаютъ лошадей и укрѣпляютъ вьюки куда небрежнѣе. Тротаемся. Всѣ треки провожаютъ теперь насъ добрыми пожеланіями. А Гордѣй отправляется проводить насъ подалѣе. Онъ на седьмомъ небѣ; кромѣ денегъ онъ получилъ отъ меня и «бердышку». Обѣщаетъ доставить мнѣ разнообразнѣйшихъ шкуръ, до зубра включительно, и полныя банки жуковъ.

Мнѣ очень хотѣлось идти назадъ черезъ Аибгу, но я объ этомъ слишкомъ поздно сказалъ Тляходьгу. Черезъ Мдзымту слѣдовало переправиться выше Романовска, гдѣ есть хорошій бродъ; ниже же, вплоть до самой Цвижишсе, не нашлось ни одного мѣста, гдѣ бы возможно было переправиться въ бродъ. Вода отъ дождей прибыла и кипитъ, какъ въ котлѣ; даже Тляходьгъ, раздѣвшись, не можетъ перейти. Въ прежнія времена, у горцевъ, черезъ эту рѣку было устроено много висячихъ мостовъ, гдѣ канатами служили виноградныя лозы. По этимъ мостамъ переходили не только пѣшие, но и перегоняли мелкій скотъ.

Нечего дѣлать, откладываясь походъ черезъ Аибгу до слѣдующаго раза и идемъ старой дорогой. У моста черезъ Цвижишсе встрѣчаемъ трехъ грековъ, съ навьюченными лошадьми. Это первые путники, если не считать пастуха на Псеашха, которыхъ мы встрѣтили за это время. Подъемъ на Ахцу, съ сѣверо-восточной стороны, показался намъ, даже послѣ большихъ горъ, очень труднымъ; слишкомъ онъ однообразенъ, безъ всякихъ передышекъ и безъ всякихъ, оживляющихъ и ободряющихъ полянокъ. Пока, наверху, перебирались черезъ землѣрные завалы, а теперь съ нашимъ грузомъ это не легко, свечерѣло. Спускъ на южную сторону дѣлаемъ уже почти въ темнотѣ. Уже и филины, которыхъ здѣсь очень много, рѣзко кричатъ: «ухъ-у-хухъ, оой-о-оой!» Тляходьгъ торопится, а я съ трудомъ поспѣваю за нимъ, такъ какъ сильно зашибъ ногу о камень. Но вотъ и родникъ, у ко-

торато мы набираемъ въ чайникъ воды, и спускаемся еще немного, гдѣ у большаго персика и прекрасной травы располагаемся на ночлегъ. На персикѣ плоды оказались слѣлыми. Но откуда онъ сюда попалъ? Тляходыгъ увѣряетъ, что его посадили черкесы, специально, чтобы запоздавшіе путники, вотъ, какъ мы сейчасъ, могли бы утолить свою жажду сочными плодами. Такъ-ли это, не спорю съ нимъ, хотя и сомнѣваюсь, но мы всѣ съ удовольствіемъ ихъ кушаемъ. Даже Петре нашелъ, что персики вкуснѣе лавровишенъ, ягоды которыхъ онъ, на всемъ поревалѣ черезъ Ахцу, опять поѣдалъ въ несмѣтномъ количествѣ.

Ночью помочилъ таки насъ дождь. Но утро ясное. Тляходыгъ указываетъ мнѣ, на противоположномъ берегу Мдзымты, межъ скалами, небольшую рѣчку и по ней много большихъ самшитовъ. Выше Ахцу самшитовъ мы не видѣли; да это, впрочемъ, и естественно: самшиты предпочитаютъ известняки, хотя мѣстами встрѣчаются и на другихъ почвахъ. Съ этой площадки, гдѣ мы спочуемъ, мы раздѣляемся. Петре съ лошадью и всѣмъ грузомъ, отправляется домой, но не черезъ Адлеръ, а ближе, черезъ Хосту. Тляходыгъ рассказываетъ ему, какъ найти дорогу; «у грековъ, въ Лѣсномъ, еще спросишь»,—добавляетъ онъ ему. По этой дорогѣ легко къ вечеру можно быть въ Сочи. Потомъ мы по ней всегда и ходили. Самъ же я съ Тляходыгомъ хочу пройти верхнимъ бассейномъ рѣки Сочи. Когда-то, давно, когда я первый разъ былъ въ Романовскѣ, я этимъ путемъ прошелъ, но по направленію отъ Сочи. Тогда по рѣкѣ Сочи были расположены поселки женатыхъ солдатъ. Дороги держались въ порядкѣ, и не только пѣшкомъ, но и верхомъ можно было свободно сообщаться.

Беремъ немного галегъ, благословляемъ Петре и расстаемся. Спускаемся теперь на Кудепсту много выше Лѣсного. На спускѣ, на одной холмообразной площадкѣ, Тляходыгъ обѣщаетъ показать мнѣ одинъ «марафетъ», какъ онъ выражается. Марафетъ, по его мнѣнію, это слово русское и означаетъ—нѣчто удивительное. Находить это мѣсто и страшно рутается. «Черти треки, шайтанъ побери ихъ, только такіе бездѣльники, изъ негодныхъ обрѣзковъ слѣпанные люди, только они, такіе-сякіе, могли рѣшиться украсть такой великоутѣпный марафетъ; пока черкесы тутъ жили, марафетъ былъ цѣль».

Въ огромномъ букѣ остался лишь жалкій остатокъ этого марафета, кусочекъ большого мѣднаго гвоздя, глубоко, на высотѣ саженой трехъ, вбитато въ дерево. Пониже, какіе-то затмѣвшіе знаки, что-то вродѣ древне-греческихъ буквъ. По разсказу Тляходыга гвоздь значительно выдавался и къ нему на мѣдной цѣпи былъ привѣшенъ большой, мѣдный же крестъ.—«Какъ думаешь,—спрашиваю его,—кто и когда могъ его здѣсь укрѣпить?»—«Конечно, какой-нибудь святой человѣкъ, а когда..., конечно, то-

гда, братъ, когда и старые люди еще на свѣтъ не родились». Объ отдаленныхъ годахъ черкесы имѣютъ очень смутное представленіе. Когда старые люди еще не родились, это уже что-то ужасно давно. А жаль, что такіе-сякіе греки украли «марафеть».

Перейдя Кудепсту и подымаясь все полотими, чистыми полянами, незамѣтно достигаемъ довольно слабо выраженнаго перевала на правую Кудепсту. Здѣсь, на самомъ перевалѣ, отличный родникъ холодной воды. Отсюда, — одна широкая дорога идетъ внизъ и черезъ верховья Хосты и Мацесты выходитъ на Сочи у Пластунскаго. Недавно еще она была совершенно чистая, а теперь почти непроходима, такъ заросла и поразмывалась. Другая дорога идетъ хребтомъ вверхъ и въ верховьяхъ Кепша соединяется съ той, изъ Сочи въ Романовскъ, о которой я говорилъ и на которую мы думаемъ теперь попасть.

Хребетъ, по которому мы подымаемся, надъ самымъ родникомъ вдругъ измѣнился, сдѣлавшись известковымъ и хаотичнымъ. Въ одномъ мѣстѣ мы укрылись отъ набѣжавшаго, неизвестно откуда, дождя, въ большую пещеру. Хотя въ пещерѣ и должны водиться очень интересные безглазые жуки, но я въ здѣшнихъ пещерахъ никогда найти ихъ не могъ. Пещеръ не люблю; всегда въ нихъ сыро, холодно, и какая-то неизвестность, что тамъ далѣе тебя ждетъ. Тляходымъ тоже пещеръ не любить, а къ глубокимъ относится съ большимъ, суевѣрнымъ страхомъ. По его мнѣнію, въ пещерахъ можно встрѣтить шайтана, «а кто же желаетъ его видѣть?». Рассказываетъ, что въ этихъ же мѣстахъ, — но на Хостѣ, такъ есть такая большая пещера, что въ ней можно цѣлый день идти и все до конца не дойдешь; и, что течетъ тамъ цѣлая рѣка, и прямо неизвестно куда, и ужъ кого эта рѣка захватитъ, такъ того прямо шайтану въ лапы принесетъ. «Не дай Богъ, даже знать о такихъ ужасахъ», — прибавляетъ онъ. — «А вотъ, напримѣръ, какія штуки дѣлаетъ шайтанъ, живущій въ пещерахъ. Помнишь пещеру на Фиштѣ? Такъ вотъ, однажды шло нѣсколько пластуновъ съ урядникомъ даже, наткнулись они на засаду черкесскихъ хаджуретовъ; хаджуреты стрѣляютъ, а шайтанъ и замани пластуновъ въ пещеру; ну, провизія и заряды у нихъ кончились, они и вышли изъ пещеры, а хаджуреты и зарубили ихъ всѣхъ. Не замани ихъ шайтанъ, то-ль было бы».

Дождь, слава Богу, пересталъ и мы поспѣшили оставить столь мрачное мѣсто. Продолжая идти этимъ неприятнымъ, известковымъ хребтомъ, мы то спускаемся, то вновь подымаемся, пока, наконецъ, не приходимъ на довольно низкую сѣдловину, въ верховьяхъ двухъ Кудепствъ. Прямо передъ нами, высокою стѣною, подымается Ахцу. Подъемъ на него здѣсь значительно выше, чѣмъ на Романовской тропѣ. И самъ онъ здѣсь не такой, какъ тамъ, известковыхъ скалъ и камней здѣсь нѣтъ, куда-то

они исчезли. Пошла обычная глина, и самая дорога широкая и пологая. Идя по ней, очень легко и скоро достигли вершины хребта, которая здѣсь тоже совершенно другая—плоская и покрыта громадными, но чистыми, свободными и отъ подтѣска, и отъ колючихъ зарослей, буковымъ лѣсомъ. Пріятно въ такомъ лѣсу идти. Взоръ нашъ улаживается простыми, маленькими корольками, перепархивающими съ вѣтви на вѣтку. Поэтому-то ихъ здѣсь оказалось очень много.

Идемъ собѣ и посвистываемъ; все, кажется, благополучно. Чуть замѣтно подымаясь, идемъ все этимъ большимъ хребтомъ, сначала на сѣверо-западъ, какъ и должно быть по картѣ, но затѣмъ, чего на картѣ вовсе нѣтъ, хребетъ завернулъ, почти подъ прямымъ угломъ, на сѣверо-востокъ. Начинаемъ слабо спускаться. Направо, несомнѣнно, верховья Кешша, а налево—что? По картѣ судя, должно быть, рѣчка Ацъ—притокъ Сочи. Намъ нужно идти по хребту Ацъ, значить, нужно пройти еще дальше. Проходимъ еще, и теперь влево ясно видимъ два параллельныхъ хребта: одинъ высокій, болѣе тесеръ отъ насъ дальній; другой—низкій, прямо подъ нами. По картѣ такъ и есть; высокій—это Алекъ, продолженіе Ахцу, въ томъ же сѣверо-западномъ направленіи, до самой Сочи; низкій, это—небольшой, параллельный Алеку, хребетъ Ацъ. Другихъ хребтовъ здѣсь нѣтъ. Къ сожалѣнію, скалистый Ісгѣшъ, замыкающій верховья Кешша, да и всѣ другія вершины, скрыты густымъ туманомъ. Но мы думаемъ, что стоимъ, несомнѣнно, на настоящей дорогѣ и смѣло спускаемся на Ацъ, какъ мы полагаемъ. Идя этимъ хребтомъ, еще болѣе убѣждаемся, что никакой ошибки быть не можетъ, такъ какъ влево и параллельно намъ все тянется высокій хребетъ, принимаемый нами за Алекъ, совершенно заслоняющій отъ насъ море. Опознано идемъ, хотя и не свистимъ уже. Но вдругъ, къ нашему величайшему удивленію, видимъ, что лѣвый хребетъ прорванъ до самого низу; прорывъ представляетъ видъ скалистой известковой тѣснины, и сквозь щель эту ясно видно море. Вотъ тебѣ и разъ! Озабачаемся, въ большемъ недоумѣніи. Одно несомнѣнно, это то, что карта этого мѣста совершенно невѣрна и цѣлѣю большаго хребта на ней нѣтъ. По всему видно, что прорывъ этотъ есть плохо нанесенный на карту верховья Хосты, и что мы, слѣдовательно, идемъ не по Ацу, а по Алеку. Досадуемъ; но ничего ужъ не подѣлать, слишкомъ ужъ мы много прошли и много спустились. Тляхоты всю неудачу приписываетъ шайтану, нагнавшему туманъ. «Напрасно мы о немъ такъ много говорили». Но еще болѣе подвела насъ карта, на которой не только пропущенъ одинъ высокій хребетъ, но и Ахцу, Алекъ и Ацъ изображены не вѣрно. Ахцу не протягивается по прямой, а дѣлаетъ сильный изгибъ къ сѣверо-востоку. Откуда съ обратнымъ изгибомъ идетъ Алекъ, который, какъ и Ацъ вначалѣ

сильно изогнуть. Вообще пятиверстная карта во многих мѣстахъ изображена неправильно. Такъ, верховья Дагомысовъ нанесены нисколько не сходно съ дѣйствительностью. Верховья Небато, восточнаго Дагомыса, не шротягиваются такъ далеко, какъ это показано на картѣ, они не идутъ далѣе верховьевъ Тагамтсе, западнаго Дагомыса. Тамъ, гдѣ на картѣ верховья восточнаго Дагомыса, на самомъ дѣлѣ притоки рѣки Агуа. Между хребтомъ, ограничивающимъ верховья Дагомысовъ, и большимъ водораздѣломъ притоковъ Сочи отъ Бзычи находится низкая сѣдловина, черезъ которую проходитъ хорошая дорога изъ Агуа въ бассейнъ Бзычи. Верховья Сочи тоже невѣрны. Сочи хотя и беретъ начало съ горы Чурь (у черкесовъ Бзычиашиха), но изъ бассейна ея непосредственно перевалить въ бассейнъ Бѣлой, какъ это показано на картѣ, нельзя. Тамъ вклинились еще верховья Цвижннсе, тоже вытекающей съ Чурь.

Но шутку шайтана мы не сразу испытали на себѣ во всей ея шайтаньей хитрости. Пока еще мы идемъ совершенно свободно, все такимъ же чистымъ буковымъ лѣсомъ, руководствуясь постоянно встречающимися замѣтками, сдѣланными довольно высоко на деревьяхъ. Замѣтки эти дѣлаютъ охотники-черкесы зимою по большому снѣгу, когда они отправляются на ловъ кунницъ,—любимый и выгоднѣйшій, послѣ карабченія лошадей, ихъ промыселъ. Большинство замѣтокъ—просто глубокія зарубки топоромъ, но на нѣкоторыхъ деревьяхъ встрѣчаются разные вычурные рисунки. Тляходыгъ называетъ ихъ таврами и увѣряетъ, что каждое тавро что-нибудь значитъ: или въ какомъ направленіи нужно идти, или гдѣ найти воду, и другія подобныя же, полезныя для охотниковъ указанія. Встрѣчаемъ даже, на одномъ, сравнительно не старомъ букѣ, довольно хорошо вырѣзанныхъ людей, стрѣляющихъ изъ лука. Такъ какъ я знаю, что всего лишь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ лукъ еще былъ въ большомъ распространеніи среди черкесовъ, а каждому изъ насъ теперь уже за тридцать, то спрашиваю Тляходыга, помнитъ-ли онъ, въ дѣтствѣ своемъ, стрѣльбу изъ лука? Онъ отвѣчаетъ, что при немъ изъ лука уже не стрѣляли, но, что старые люди говорятъ, что было такое время, когда черкесы не умѣли стрѣлять изъ ружей, и всѣ стрѣляли вотъ изъ этого самаго «марафета». Удивительно, куда дѣлись эти «марафеты»? Теперь ни въ одномъ черкесскомъ селеніи нельзя найти ни одного лука, стрѣлы или колчана; также исчезли и шлемы, щиты и кольчуги. Лишь тифлисскіе оружейники продолжаютъ изготавлять ихъ въ большомъ количествѣ... для любителей стариннаго оружія.

Проходимъ мимо прочно сложенного изъ расколотыхъ буковыхъ бревенъ охотничьяго балагана. Здѣсь зимовалъ какой-нибудь охотникъ за кунницами. Много видимъ ловушекъ на этихъ звѣрьковъ. Ловушки устраиваются у деревьевъ, изъ жердей, и

представляют собою примитивную западную, тѣ приманкою служатъ кусокъ поджареннаго мяса. Рано утромъ охотники обходятъ свои ловушки и вынимаютъ придушенныхъ куницъ, шкурки съ которыхъ снимаются цѣлыми, не разрѣзывая брюшка. Сейчас цѣна на куницъ сильно повысилась, и скупщики за хорошія темныя шкурки платятъ до пяти рублей. Искусный охотникъ вылавливаетъ въ теченіе зимы до ста куницъ, и Тляходыгъ говоритъ, что черкесы скоро ужъ переловятъ ихъ всѣхъ, что въ дѣйствительности и случилось. Какое, по мнѣнію Тляходыга, неразумное начальство, что позволяетъ, гдѣ угодно и безъ остатка, вылавливать этихъ цѣнныхъ животныхъ.

Скоро чистый лѣсъ кончился, и тогда-то мы почувствовали, что шайтанъ съ нами сдѣлалъ. Попали мы въ такія ужасныя заросли кавказской кустообразной голубики, азалий, лавровишенъ, ежевики, что ни шагу безъ нещадной рубки кинжаломъ не могли сдѣлать. Кромѣ того, опять пошла известковая формация; то спускъ, то подъемъ, то поворотъ направо, то налево, то между вертикально стоящихъ, огромныхъ камней, то черезъ глубокія ямы и трещины,—чисто шайтанья дорога! Такого сквернаго мѣста на всемъ пути еще не было. Идемъ уже долго и сильно замучились. Временами, черезъ прибрежные хребты, сверкаетъ море; хотя видъ его насъ и ободряетъ, но прошли мы, навѣрное, мало. Налево, все еще кажется Хоста, но точно опредѣлить не можемъ. Между тѣмъ темнѣетъ. И принуждены мы, усталые и голодные, не только безъ чаю, но и совсѣмъ безъ воды, шумъ которой мы лишь слышимъ гдѣ-то далеко внизу, не зная даже точно, что это за мѣсто, принуждены въ такомъ непріятномъ положеніи остановиться и заночевать здѣсь, гдѣ захватила насъ ночь.

Ночь облачная и теплая; послѣ большихъ горъ кажется даже жарко. Прошелъ небольшой дождикъ, но на утро сдѣлалось совершенно ясно. Теперь отчетливо видимъ, что налево далеко еще не кончились верховья Хосты. Тляходыгъ указываетъ мнѣ внизъ на большую группу каштановъ и говоритъ, что теперь онъ твердо узнаетъ мѣстность; подъ этими каштанами былъ большой домъ одного черкесскаго князя. Домъ этотъ долго стоялъ почти въ полной цѣлости, но какой-то небрежный охотникъ сжегъ его. Направо, черезъ низкій Ацъ, ясно видно все верхнее теченіе Сочи, можно хорошо рассмотреть даже каждую отдѣльную щель. Продолжаемъ свой путь по Алеку. Заросли становятся все рѣже и рѣже, и мы попадаемъ, наконецъ, на ясную дорогу. Останавливаемся, чтобы осмотрѣться. И Ацъ и верховья Хосты уже кончились. Мы стоимъ на какой-то вершинѣ въ верховьяхъ уже Малесты. Направо, внизу, у насъ—Сочи, и на противоположномъ берегу ея Тляходыгъ указываетъ мнѣ ровное мѣсто, покрытое сѣрховыми деревьями, гдѣ когда-то была расположена рота солдатъ. Тогда тамъ было много большихъ, казалось, прочныхъ по-

строекъ, отъ которыхъ теперь остались лишь жалкіе остатки. «Вотъ,—говорить,—мы съ тобою молодыми тамъ были, и все еще живы, а вотъ такіа большія, крѣпкія постройки умерли, и отъ нихъ не осталось ничего. Что Богъ хочетъ, то и бываетъ».

Такихъ военныхъ поселеній, изъ которыхъ нѣкоторыя представляли собою цѣлые города, на побережьѣ было очень много; но съ уходомъ войскъ гражданскія власти не позаботились использовать ихъ для новыхъ поселенцевъ, и всѣ постройки разрушились, и всѣ дороги уничтожились. «Такъ было угодно Богу»,—говорить не только Тляходыгъ, но говорятъ даже образованные, по видимому, люди, не желающіе понять того, что Богъ непосредственно не вмешивается въ дѣла людей, что Онъ далъ имъ разумъ, эту частицу Своего безсмертнаго духа, чтобы люди сами ужъ заботились о себѣ; но неразумные люди уташаютъ въ себѣ этотъ духъ Божій и всю свою глупость объясняютъ Божіей волей.

Но двигаемся дальше и оставляемъ за собою и верховья Мацесты. Теперь передъ нами не только направо, но и налево, бассейнъ Сочи. Видно все нижнее теченіе рѣки, до самаго темно-синяго моря. Ясно различается и самый Даховскій посадъ, съ бѣлою, неоконченною своею церковью. До него, по прямой, всего только тринадцать верстъ; ну, а по кривой верстъ двадцать пять еще будетъ. Жаждемъ. Тляходыгъ говоритъ, что здѣсь внизу, онъ навѣрное знаетъ, есть вода. Если вспомнить, что мы уже почти шолтора сутокъ глотка воды во рту не имѣли, и все время были въ усиленномъ движеніи, то станетъ ясно, что водяной вопросъ былъ для насъ очень интересенъ. Не особенно разбирая дорогу, черезъ ужасныя, уже субтропическія заросли всевозможныхъ лѣанъ спускаемся и прямо попадаемъ къ роднику. Напились вволю и съѣли свои послѣдніе галеты.

Еще напились воды и отдыхаемъ. А я думаю, отчего это въ Сочинскомъ районѣ, при томъ обиліи дождей, что иногда въ однѣ сутки можетъ выпасть влаги болѣе, чѣмъ въ Ялтѣ, напримѣръ, за цѣлый годъ, — родниковъ сравнительно очень мало. Явленіе странное. Полагаю, что глинистая почва тому причиною. Глина отъ дождя сама разбухаетъ, но въ подпочву воды не пропускаетъ, и вода, насытивъ глину, бесполезно затѣмъ стекаетъ въ рѣки и въ море. Къ сожалѣнію, на Черноморскомъ побережьѣ до сихъ поръ еще никто не производилъ наблюденій надъ количествомъ влаги, поглощаемой нашей глинистой почвою, и количествомъ бесполезно стекающей. Не сомнѣваюсь, что въ будущемъ на нашемъ побережьѣ люди будутъ устраивать по склонамъ горъ, искусственныя задержки для удержанія бесполезно стекающей воды и проведенія ея въ подпочвенные слои, для устройства такимъ путемъ, искусственныхъ родниковъ.

Однако, нужно торопиться. Поплутавъ немного по субтропическимъ зарослямъ, мы скоро выбрались на расчистки грузинъ-лечгумцевъ, недавно здѣсь поселенныхъ, и свободно уже спустились къ селенію ихъ, Пластунскому, очень живописно расположенному по склонамъ обоихъ береговъ рѣки Сочи, верстахъ въ пятнадцать отъ морского берега. Прежде здѣсь помѣщался штабъ пластунскаго батальона, откуда и названіе—Пластунское. И было здѣсь, какъ и во всѣхъ прибрежныхъ военныхъ поселеніяхъ, много обширныхъ построекъ, которыя, послѣ вывода войскъ, всѣ разрушились. И вотъ, на мѣсто пластуновъ, хранителей порядка, чести и славы своего отечества, поселили лечгумцевъ. Постепенно они возстановляютъ прежнія расчистки и сады. Но они не поклонники порядка и не защитники національной чести, а славу свою пріобрѣли на другомъ поприщѣ. Главны промыслы ихъ—юнокрадство, воровство и притомъ поддержка. Они сдѣлались настоящимъ бичемъ для всего окрестнаго населенія. До ихъ прихода населеніе лишь изрѣдка подвергалось подвигамъ отдѣльныхъ гастролеровъ, не находившихъ для себя нигдѣ удобной точки опоры. Но съ приходомъ лечгумцевъ получилась великолѣпная база для всякаго рода набѣговъ на скотъ, лошадей и всякое другое имущество мирныхъ жителей. Дѣло, въ этомъ отношеніи, дошло даже до того, что само начальство, почему-то всѣмъ туземцамъ очень покровительствующее, пригрозило лечгумцамъ административною высылкою въ Сибирь. Поможетъ ли эта угроза, и на долго ли?

«Почему,—спрашиваю Тляходьга,—лечгумцы такъ много и успѣшно воруютъ?»—«Очень просто,—отвѣчаетъ,—потому, что начальство ихъ не выдаетъ; само же ихъ поселило, вотъ и члѣнчатся съ ними; не такъ, какъ съ нами—черкесами: чуть подумаешь только укарабчить какую-нибудь дрянную лошадку, а ужъ тебѣ и грозятъ ссылкой въ Архангельскую губернію; гдѣ же тутъ справедливость?» А по мнѣнію одного стараго хохла-пасѣчника, такъ онъ на начальство не посмотрѣлъ бы, «да у этихъ проклятыхъ грузинъ,—серьезно увѣряетъ онъ,—черепакъ такіе крѣпкіе, что никакимъ обухомъ не разбить ихъ». Славный былъ хохолъ Михайла, много смѣшного можно было бы рассказать о немъ, да нужно торопиться; солнце не ждетъ насъ.

На Сочи тоже есть тѣсныны, хотя и не такія коридорообразныя, какъ на Мдымтѣ, Хостѣ и Кудепстѣ, но все же порядочныя тѣсныны, образованныя громаднѣею рѣкою известковыхъ хребтовъ. Немного выше ближайшей къ морю тѣсныны есть ровная поляна, на которой прежде росла колоссальнѣйшая бѣлолистка, *Populus Abasana*, переходная форма между серебрянстымъ тополемъ и обыкновенною осиною. Дерево это считалось священнымъ у черкесовъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я восхищался этимъ гигантомъ, и удивленію моему не было предѣловъ, когда измѣ-

репный, онъ оказался около семи сажень въ окружности. Увы! Въ настоящее время отъ этого, дѣйствительно, священнаго дерева, остался лишь обгорѣлый пенъ. Какой-то дикій варваръ сжегъ его. «Никто, какъ грекъ»,—говоритъ Тляходыгъ.

Съ этой самой поляны, для приученія лечгумцевъ къ болѣе культурной жизни, недавно разработана инженеромъ Полунинымъ, не на лечгумскія только деньги, прекрасная колесная дорога. А то они даже употребленія колесъ не знали. «Настоящая тарматасная дорога, можно ѣхать даже со звономъ»,—восхищается Тляходыгъ. Попавъ на нее, мы такъ обрадовались, что я забылъ даже о сильной боли зашибленной ноги, а Тляходыгъ о злыхъ шуткахъ шайтана, и мы такъ быстро двинулись по ней, какъ давно уже не ходили. Дорога, въ мѣстѣ прохода черезъ скалы тѣснѣе, очень живописна. Въ одномъ мѣстѣ, прямо изъ-подъ камня, бьетъ струя холодной воды. Торопимся, ибо солнце уже низко. Вотъ и сильно растянувшаяся Наватинка, селеніе близко уже лежащее къ Даховску. Идемъ очень скоро, и лишь въ одномъ мѣстѣ останавливаемся въ страшномъ несодованіи: у самой дороги установленъ самострѣлъ на кабана. Сколько ужъ было несчастныхъ случаевъ отъ этихъ возмутительныхъ самострѣловъ, но невѣжественные охотники не обращаютъ на это никакого вниманія, а начальство почему-то смотритъ на это преступное варварство, сквозь пальцы.

Но вотъ и Даховскъ. Тутъ только я обратилъ вниманіе на себя. Боже, въ какомъ я видѣ! Вся верхняя одежда виситъ ключьями, изъ чуваковъ торчатъ голые пальцы, отъ фуражки осталось одно лишь воспоминаніе. Только панталоны, сшитыя изъ очень толстой марусины, уцѣлѣли, но и онѣ сдѣлались какого-то неопредѣленнаго буро-копченато цвѣта и въ нижней части точно обшиты какимъ-то причудливымъ кружевомъ. И въ такомъ-то видѣ, немного конфузясь, иду я въ гостепріимный дѣмъ своихъ добрыхъ Копаневыхъ. Милые хозяева добродушно смѣются надо мною, сейчасъ же обильно насыщаютъ меня, а затѣмъ, не слушая никакихъ возраженій, переодѣваютъ въ нарядный костюмъ кубанскихъ казаковъ и уводятъ съ собою на балъ.

Сегодня 30-е августа, день тезоименитства Государя, и по этому случаю, попечитель отдѣла, добродушный и любимый всѣми капитанъ Козловъ, дастъ даховцамъ балъ. Представляютъ меня какой-то совершенно незнакомой дамѣ, и откуда только она взялась, которая не только надѣется, но и требуетъ, чтобы я ее развлекалъ. Вотъ положеніе! «Шайтаны шутки продолжаютъ»,—подумалъ я. Но по отношенію къ этой дамѣ оказался я столь же негалантнымъ, какъ Тляходыгъ въ Романовскѣ по отношенію къ прекрасной гречанкѣ. И хотя я даму за ногу не

потянулъ, но, воспользоавшись благопріятнымъ моментомъ, исчезъ съ бала.

Мягкая, съ свѣжимъ бѣльемъ, постель приняла мое бѣдноє, слабое тѣло, уже три недѣли незнавшее такой роскоши и, особенно, отъ послѣднихъ двухъ дней, порядочно таки уставшее. Конечно, о шайтаньихъ шуткахъ я совершенно забылъ и никакихъ сновидѣній не видѣлъ.

Оглядываясь на пройденный путь и размышляя надъ всѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ, я думаю, что и каждый другой, будь то энтомологъ, какъ я, или охотникъ, или просто любознательный туристъ, каждый, кто совершилъ бы подобную прогулку, получить не менѣе наслажденія, чѣмъ я. Дивная природа, во всѣхъ ея проявленіяхъ, удивительнѣйшій, по богатству и разнообразію, растительный и животный міръ, поразительныя по причудливости и грандіозности нагроможденія горъ, чистый, здоровый воздухъ,—все это, вмѣстѣ взятое, производитъ чарующее, до экстаза, дѣйствіе. А эта близость неба! Близость, чувствуемая даже дикими горцами, въ ихъ ребяческомъ прѣставленіи, что поднявшись такъ высоко, до неба можно достать уже лѣстницею; эта близость, заставляющая человѣка, какъ бы онъ высоко ни поднялся, чувствовать свое ничтожество передъ величіемъ Мірозданія; какое мирное, успокаивающее дѣйствіе производитъ она, эта близость, на неутомимую душу человѣка. Вотъ, гдѣ познается Предвѣчный, во всей славѣ Своей.

Сколько бы я ни совершилъ подобныхъ путешествій,—я совершилъ ихъ болѣе ста,—дѣйствіе всегда было одно и тоже. Незмѣнно всегда я былъ восхищенъ и очарованъ. И хотя я очень слабаго здоровья, но никогда на горахъ рѣшительно никакихъ недуговъ не болѣлъ. Даже, напротивъ того, однажды отправившись въ горы серьезно больнымъ, вернулся оттуда совершенно здоровымъ. Да это и понятно, такъ какъ воздухъ высокихъ горъ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было болѣзнетворныхъ микробовъ.

Въ какое время года лучше всего совершать подобныя прогулки? Въ то, которое я только что описалъ,—въ концѣ лѣта. Конечно, для энтомолога и охотника самое лучшее время будетъ начало лѣта, около середины іюня, когда снѣга въ подъальпійской облѣгѣ только что стали. Жуковъ тогда видимо-невидимо, и звѣри держатся низко. Но тогда часто бываютъ затяжные дожди, и можетъ выпасть даже снѣгъ.

Но начало лѣта, все-таки, очень интересно, особенно, если попасть тогда, когда снѣгъ на подъальпійскихъ полянахъ еще не весь стаялъ. Въ такое время можно наблюдать преоригинальное

явленіе, какъ травы и цвѣты растутъ черезъ снѣгъ; такъ, буквально; снѣгъ еще лежитъ, а растенія пробиваются черезъ него. Объясняется это тѣмъ, что осенній снѣгъ на Черноморскихъ горахъ выпадаетъ всегда на пезамерзшую еще почву, и выпадаетъ его страшная масса. Подъ глубокимъ снѣжнымъ покровомъ почва сохраняетъ свою большую теплоту, полученную за лѣто. И вотъ весною, когда появляется сильный пригрѣвъ, и снѣжный покровъ утопился, начинаютъ образовываться уже и проталины,—все подъ снѣгомъ оживаетъ, и торопится появиться на дневной свѣтъ. Въ это время можно не только видѣть, но можно даже слышать, какъ растенія растутъ. Любопытно очень. Этимъ же явленіемъ, страсти къ жизни, можно объяснить и ту удивительную картину, когда въ высокогорныхъ лѣсахъ снѣгъ еще лежитъ глубокимъ олоемъ, и лишь кругомъ самихъ деревьевъ появляются обтаявшія отъ снѣга кольца, а вся кроша деревьевъ, между тѣмъ, уже зеленая. Чудеса! Тѣмъ же большимъ снѣгомъ на теплую землю объясняется и присутствіе въ Черноморскихъ горахъ, очень высоко, такихъ не выносящихъ большого холода растеній, какъ лавровишня, азалія и другія.

Относительно звѣрей и погоды, тоже, что и къ началу лѣта, относится и къ поздней осени. Звѣри близко, но погода не надежна. Дважды, въ началѣ октября, изъ-за ужасной осенней погоды, мы чуть не погибли въ горахъ. А на берегу, въ это время, какъ еще хорошо!

Въ разгарѣ лѣта всего суше, но... жарко, такъ жарко, что и часто получалъ ожоги лица, шеи, рукъ. Эти странные ожоги происходятъ отъ чрезвычайной интенсивности солнечныхъ лучей, которую тоже слѣдуетъ приписать чистотѣ воздуха, хотя одинъ мой коллега видѣлъ въ этомъ другую причину, и очень всѣхъ насъ распотѣшилъ увѣреніемъ, что эти ожоги происходятъ отъ большой близости къ солнцу. У Тляхольта никакихъ ожоговъ никогда не появлялось, и мои ожоги онъ приписывалъ моему невѣрію въ шайтановъ, водяныхъ женщинъ и прочія горныя чудеса. Въ разгарѣ лѣта, кромѣ того, очень много несносныхъ мухъ, сильно надоедающихъ людямъ, а звѣрей загоняющихъ на самые верхніе снѣга, куда забираться за ними очень не легко.

При выборѣ времени прогулки въ горы, нужно помнить одно важное обстоятельство. Зима на зиму, лѣто на лѣто похоже, да не совсѣмъ. Одна зима бываетъ болѣе снѣжная, чѣмъ другая, одно лѣто—болѣе жаркое, или болѣе прохладное, чѣмъ другое. На горахъ это еще рѣзче сказывается. Въ одинъ годъ снѣгъ сходитъ раньше, въ другой—много позже. Иногда въ началѣ іюня уже хорошо, а другой разъ и въ іюлѣ нельзя еще изъ-за снѣга перевалить на ту сторону. Лучшие зизтоки всего этого—пастухи, что пасутъ свои стада въ горахъ. Они же являются

и хорошо знающими мѣстность проводниками. Отъ нихъ можно знать о состояніи ошѣговъ и растительности въ любыхъ горахъ.

Куда идти? Теперь, конечно, легко пройти всюду; и всюду, по всѣмъ горамъ, въ своемъ родѣ хорошо.

Самый легкій перевалъ—Бѣлорѣчевскій, Шитытлѣбъ у черкесовъ, ведущій изъ бассейна большой бережной рѣки Шахе черезъ главный хребетъ, подъ интересною горою Фипшъ, на сѣверную сторону, въ бассейнъ рѣки Бѣлой, большаго притока Кубани слѣва. Здѣсь дорога, протѣланная славными кавказскими войсками еще въ 1864 г., такъ хорошо сохранилась, что по ней свободно можно проѣхать верхомъ, ни разу не слѣзая съ лошади, привычной къ горамъ, конечно. Единственнымъ препятствіемъ на этомъ пути служило лишь иногда «корыто» на Шахе,—тѣснина, проходимая лишь въ малую воду. Теперь, кажется, тѣснина эта обойдена уже удобною переселенческою дорогою. Мнѣ въ тѣ времена перѣдко при внезапно захватившихъ, большихъ дождяхъ приходилось дѣлать обходъ «корыта» черезъ трудный бассейнъ Бзычи, большаго лѣваго притока Шахе.

Самый трудный во всѣхъ отношеніяхъ перевалъ, это—Марухъ, уже въ Сухумскомъ округѣ, изъ верховьевъ Чхалты, большаго притока Кодора съ правой стороны, на рѣку Марухъ, Малымъ Зеленчукомъ, текущей въ Кубань. Перевалъ этотъ очень высокъ, необычайно крутъ съ обѣихъ сторонъ, и проходить его приходится черезъ два большихъ и очень опасныхъ ледника. Я пришелъ къ этому перевалу, совершивъ большой переходъ по Мзымтѣ, затѣмъ, по всей верхней Бзыби и черезъ перевалъ Адагте, придя уже на верховья Чхалты. Видъ здѣсь одинъ изъ грандіознѣйшихъ. Надъ Чхалтою высится колоссальнѣйшею стѣною главный хребетъ, весь въ этихъ мѣстахъ покрытый снѣгомъ и ледниками. Черезъ самый перевалъ могъ перейти только съ помощью абхазскихъ пастуховъ-охотниковъ, которые знаютъ какъ время, такъ и способъ перехода черезъ ледники. Вернулся я съ Маруха скалистымъ и высокимъ до 8 тысячъ футъ хребтомъ Лахта прямо въ Сухумъ. Но почти весь чрезвычайно интересный путь этотъ былъ очень труденъ.

Самый красивый перевалъ, это,—несомнѣнно, нашъ Псеашхъ. Теперь, когда въ Романовскъ можно проѣхать на автомобилѣ, на Псеашхъ очень легко пробраться. Близко лежащій къ нему, немного восточнѣе, перевалъ Апшха, по сравненію съ Псеашхъ, ничего не стоитъ.

Теперь и на замалчиваемый Ачинхо,—на это энтомологическое Эльдорадо, какъ называлъ его хранитель вѣнскаго музея, Гантльбауэръ,—можно подняться, не слѣзая съ лошади. Но лучшимъ животнымъ при передвиженіяхъ по горамъ, несомнѣнно, является мулъ. На этомъ удивительномъ животномъ можно

смѣло сидѣть даже тогда, когда оно проходитъ надъ пропастью или по осыни, или, когда, осторожно переступая своими крѣпкими ногами, перебирается по совершенно гладкой, кажется, скалѣ. Мулъ не ошутывается, не упадетъ, и даже черезъ большую воду многие изъ нихъ умѣютъ переходить на заднихъ ногахъ, передними дѣйствуя, точно веслами. Жаль, что на Черноморскомъ побережьи ихъ мало и они дороги. Жаль также, что наше вѣдомство земледѣлія не поощряетъ муловодства; а слѣдовало бы. Большимъ бы облегченіемъ были мулы для культуры всѣхъ, кажущихся теперь неприступными, мѣстъ и закаулковъ западнаго Кавказа. Для выюковъ неоцѣнимы милые ослики; неприхотливыя на кормъ, умныя животныя эти не требуютъ, чтобы ихъ, какъ лошадей, вели въ поводу, несутъ почти такой же выюкъ, какъ и лошади, и на ночлегъ всю ночь стараются держаться близъ костровъ, у шалашей.

Пожалуйста, ходите по горамъ, и что-нибудь, навѣрное, внесете въ сокровищницу познанія нашей великой родины! Жатвы много—дѣлателей мало.

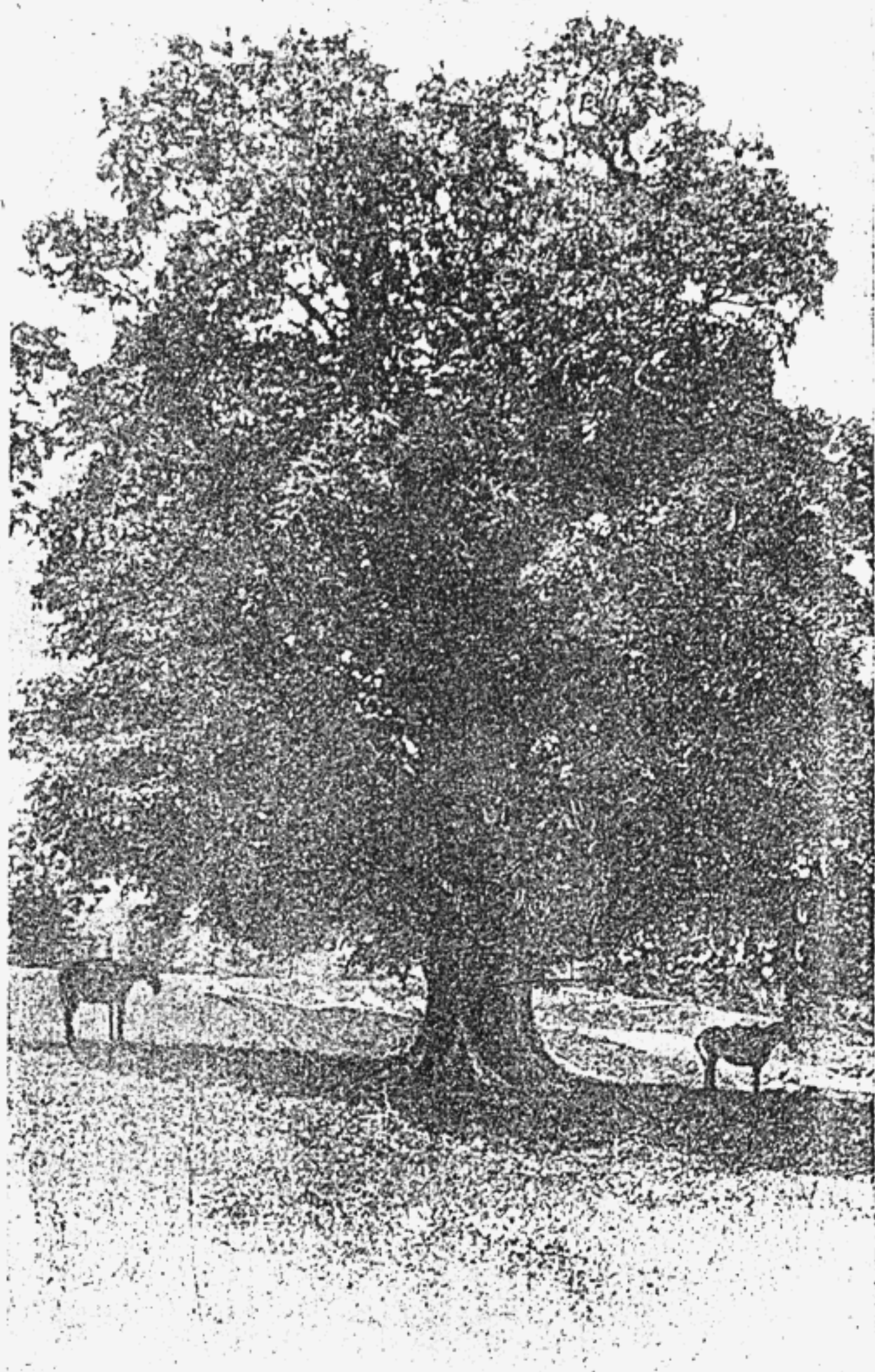
Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ моихъ спутниковъ.

Преданный мнѣ Тляходымъ умеръ оттого, что шайтанъ подпустилъ надъ нимъ па охотѣ; но умеръ онъ съ полною увѣренностью, что завтра же застрѣлитъ великолѣннаго длиннорогаго козла.

Добродушный Петре и сейчасъ живетъ въ Сочи довольно зажиточнымъ хозяиномъ.

А Гордѣй свихнулся. Присталъ къ ночнымъ похождениямъ лещумцевъ, былъ пойманъ съ поличнымъ и сосланъ въ Сибирь, надѣлавъ мнѣ, вмѣсто обѣщанной, зубровой кожи, много хлопотъ съ «бердякой». Вотъ какое растлѣвающее дѣйствіе произвело на добродушнаго, но глупаго шария шокровительство туземнымъ разбойникамъ!

Гигантскій настанъ въ Учъ-Дере.

(Къ стр. 6).